

30
630
О П И С А Н І Е

У С Т Ъ В Ы М А,

СОСТАВЛЕННОЕ

Учителемъ Устьсысольскаго Уезднаго Училища.

М. Михайловымъ.

В О Л О Ж Д А.

въ Кусериской Типографіи.

1851.

С. М. Б. I
р. 324094

2005347298

2005347298

2005347298

2005347298

2005347298

2005347298

Not a copy

2005347298

УСТЬВЫМЪ.

*Историческій взглядъ на Устьвымъ.—Достопримѣ-
тельности Устьвыма.—Нѣсколько словъ о настоящемъ
его положеніи.*

Устьвымъ, село Яренскаго уѣзда, лежитъ на правомъ берегу рѣки Выми, близь него впадающей въ Вычегду. Оно отстоитъ отъ Яренска въ 85 верстахъ, по дорогѣ къ Устьсыольску. На большое пространство вытянутое по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, это село въ особенности привлекательно красивымъ нагорнымъ мѣстоположеніемъ. Представьте себѣ на отлогомъ берегу Выми нѣсколько возвышенныхъ холмовъ, на высотахъ которыхъ смѣлою рукою

художника твердо поставлены четыре обширные каменные церкви и двѣ колокольни. Главы и шпицы ихъ, высясь надъ окружающимъ лѣсомъ, далеко и ярко блестятъ, отражая лучи солнца.... При подошвѣ холмовъ во множествѣ расположены крестьянскіе дома, за ними зелѣнѣютъ удобренные пашни, а по берегамъ Выми и Вычегды разстилаются огромные луга, обильные травою.... Далѣе, на необозримую даль, тянется густой лѣсъ, который, составляя естественную окраину села, крѣпкій природный оплотъ отъ непогодъ и бурь, чудесно дополняетъ эффектъ живописнаго положенія Устьвыма... Но мы, подъ вліяніемъ чувства изящнаго, кажется, слишкомъ увлеклись красотами его; да простятъ намъ читатели. Приступаемъ къ дѣлу.

Въ Устьвымѣ создана была Св. Стефаномъ первая церковь Благовѣщенія «въ начатокъ просвѣщенія земли Пермскія»; отсюда Свѣтъ Христовъ благотворно осіялъ грубые умы Зырянъ—язычниковъ, народа полудикаго и закоренѣлаго въ грубыхъ предразсудкахъ, здѣсь средоточіе бывшей Устьвымской Епархіи, кафедра Устьвымскихъ Архіереевъ и главнѣйшій пунктъ ихъ Апостольскихъ подвиговъ,— это мѣсто въ настоящее время есть одно изъ любопытнѣйшихъ,

на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ долженъ остановиться историкъ зырянскаго края. Только здѣсь археологическія разысканія его могутъ увѣнчаться нѣкоторымъ успѣхомъ, потому что въ Устьвымѣ до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды первыхъ просвѣтителей Зырянъ, до сихъ поръ повторяются интересные рассказы о подвигахъ ихъ, живо сохранившихся въ преданіяхъ народныхъ. И такъ какъ древнѣйшая исторія Устьвыма утрачена въ вѣкахъ давноминувшихъ, да и позднѣйшая, за неимѣніемъ ни здѣсь ни въ другомъ какомъ либо мѣстѣ письменныхъ фактовъ, на большую половину остается «во мракѣ неизвѣстности»; то любознательный историкъ его, чтобъ не погрѣшить противъ истины въ своемъ трудѣ, ничѣмъ столько не воспользуется и не облегчитъ себя въ этой тяжелой работѣ, какъ тѣми же преданіями, обыкновенно характеризующими отдаленную пору жизни народа.

По возможности, сколько позволяютъ предѣлы нашей статьи и матеріалы, нами здѣсь собранные и повѣренныя, мы постараемся разъяснить нѣкоторыя темныя мѣста въ исторіи Устьвыма, замѣчая при этомъ благосклонному читателю, что мы ничуть не беремъ на себя отвѣтственной обязанности писать собственно

исторію Устьвыма,— и что наша статья есть только слабый опытъ раскрыть запутанные вопросы этой исторіи. Оставляя въ сторонѣ словесные факты о мифической древности Устьвыма, какъ не прослѣженные критически и потому лишенные строгой истины, мы начнемъ нашу статью прямо съ проповѣди Стефана и, восходя постепенно, закончимъ перечнемъ современныхъ Устьвымскихъ достопримѣчательностей, изрѣдка позволяя себѣ дополнять ее частными особенностями и мѣстными преданіями, имѣющими, по мнѣнію нашему, ближайшую связь съ описываемыми событіями.

I.

Происхожденіе Св. Стефана. Ранняя его любовь къ наукамъ и монашеской жизни. Постриженіе. Кельнныя занятія. Стефанъ проповѣдуетъ Слово Божіе Зырянѣ. Первое мѣсто проповѣди Стефана.

Родители Св. Стефана были жители города Устюга. Отецъ его «бѣ добрый клирикъ соборныя церкви» Семень, по прозванію—Хранъ и мать Марія. Будущее величіе и апостольское призваніе просвѣтителя Зырянъ было предре-

чено родителями матери его, — когда она была еще трех лѣтъ, — Праведнымъ Прокошемъ, Устюгскимъ Чудотворцемъ, Остановивъ Марію на помостѣ церковномъ, благорověнно выходящую отъ вечерняго пѣнія, праведникъ поклонился ей до земли и сказалъ предстоящимъ: «се грядетъ мать великаго Стефана Епископа, учителя Пермскаго». Преданіе не сохранило поясненія этихъ пророческихъ словъ, оставивъ намъ самимъ догадываться, что Св. Прокопій провидѣлъ, что отъ этой юной дѣвицы произойдетъ «мужъ великій во слугахъ Божіихъ»; но за то оно передаетъ намъ, что юный Стефанъ, въ послѣдствіи рѣдившійся отъ Маріи, изучая науки, свойственныя его возрасту, вмѣстѣ съ ними, по какому-то влеченію, тайно отъ родителей прилежно изучалъ языкъ Зырянъ, охотно съ ними разговаривалъ, искалъ ихъ, когда они прѣзжали въ Устюгъ для торговли. Такое странное сближеніе Стефана съ народомъ чуждымъ и языческимъ, котораго онъ сдѣлался потомъ наставникомъ въ вѣрѣ и просвѣтителемъ, явно показываетъ, что на немъ съ дѣтства незримо почивала Благодать Божія, и неисповѣдимыя пути Провидѣнія заранѣе готовили его на многотрудный Апостольскій подвигъ. — Современники болѣе удивлялись предсказанію Прокопія и не придавали ему

никакого значенія, руководствуясь убѣдительнымъ доводомъ, что Пермь въ то время была страна языческая, что тамъ искони жили грубые идолопоклонники, и, слѣдовательно, можетъ ли будущій отрокъ, пока неродившійся, быть Епископомъ въ землѣ, непросвѣщенной христіанскою вѣрою?

Наставляемое Небеснымъ Промысломъ, скромное дитя питало всегда благоговѣйную любовь къ Богу и преуспѣвало, не по лѣтамъ и разуму, въ чтеніи Божественнаго Писанія: «быстро-памятно бо сущи скоро учашеся, яко до года чи канонархати возможе, . . . и бяше преуспѣвая паче всѣхъ разумомъ и благодатию, . . . и точію въ Божіи славословіи упражняшеся, Писанія Святаго разумѣнію прилѣжа; и книгамъ «всего себя вдавъ, ни общашеся съ текущими «въ суету» Проникнутый этою любовію, Стефанъ, достигнувъ юношескаго возраста, посвятилъ жизнь свою на служеніе Богу: чуждался шумныхъ развлеченій свѣта и не чувствуя привязанности ни къ чему мірскому, питая особенное расположеніе къ монашеству и вмѣстѣ съ тѣмъ желая распространить свои богословскія познанія, онъ рѣшился отречься отъ міра и вступилъ въ монастырь Св. Григорія Богослова,

въ Ростовѣ, кафедральномъ городѣ своей Епархіи. Постриженіе его было при Епископѣ Парфеніи; Игуменъ Максимъ постригъ юношу и нарекъ Стефаномъ.— Монастырь Григорія Богослова славился въ то время библіотекою, въ которой было множество книгъ духовнаго содержанія. Здѣсь любознательному уму молодого инока открылось обширное поле благочестиваго мышленія, богатый духовный источникъ, обильная догматическая пища, которой съ дѣтства такъ усердно жаждалъ онъ. Здѣсь съ ревностію углубился онъ въ чтеніе книгъ, стараясь самъ по себѣ отыскивать въ нихъ истолкованіе того, что прежде казалось неудобовразумительнымъ, изучилъ языкъ Греческій, съ цѣлію уяснить все труднопонимасмое въ Славянскомъ переводѣ и, частію бесѣдуя съ учеными братіями, твердо укрѣпилъ себя въ истинахъ Православной религіи. Здѣсь-то Богъ внушилъ Св. Стефану благую мысль — быть просвѣтителемъ Зырянъ, народа, коснѣвшаго въ грубомъ язычествѣ и съ раннихъ лѣтъ ему извѣстнаго. Зная языкъ ихъ, онъ составилъ для него особую азбуку, перевелъ нѣсколько богослужебныхъ книгъ и — съ твердымъ намѣреніемъ обратить ихъ ко Христу, отправился въ столицу — просить благословенія на подвигъ Апостольскій у Коломенскаго Епи-

скаго Герасима, за отсутствіемъ Митрополита правившаго тогда Московскою Митрополіею. Преосвященный Герасимъ, провидя въ Стефанѣ предназначеніе Божіе, одобрилъ его святое намѣреніе: поставилъ его въ Іеромонахи, напутствовалъ архипастырскими благословеніями, снабдилъ на случай освященія церкви св. муромъ, антиминсами, частицами мощей святыхъ и другими священными предметами. Обезпечивъ себя и будущіе свои дѣйствія со стороны іерархической, Стефанъ, чтобъ не встрѣтить на мѣстѣ проповѣди ограниченій и препятствій отъ гражданскихъ властей того края, обезопасилъ себя въ этомъ отношеніи грамотами Великокняжескими. Вспомоществуемый Благодатію Божіею, сей новый Апостолъ вскорѣ достигъ земли Пермской (1379 г.). Первое Зырянское селеніе, самое ближайшее къ родинѣ Стефана, въ которомъ онъ на долго остановился для проповѣди слова Божія, было Пырасъ, нынѣшній Котласъ, въ 60 верстахъ отъ Устюга, при впаденіи Вычегды въ Двину. Здѣсь, наиболѣе предъ прочими мѣстами, проповѣдникъ много перенесъ трудовъ, много испыталъ препятствій, много потерялъ всякаго рода лишеній, пока проповѣдь его увѣячалась нѣкоторымъ успѣхомъ... Замѣтите, что слово, имъ проповѣдуемое было съ кротостію объ-

ясняемо на языкѣ понятномъ для народа, — на его природномъ языкѣ; слѣдовательно всѣ эти труды, препятствія и лишенія, въ нашихъ глазахъ должны принять огромные размѣры, и намъ останется только удивляться Апостольскому терпѣнію Стефана, превышающему всѣ христіанскія добродѣтели. Если прибавимъ къ этому нѣкоторыя характеристическія черты изъ жизни народа и дадимъ понятіе о нравственныхъ его свойствахъ, — если взглянемъ на тогдашній образъ жизни Зырянъ и прослѣдимъ ихъ домашній и общественный бытъ, — если, наконецъ, слегка коснемся ихъ языческихъ вѣрованій и выскажемъ ихъ грубые предрасудки, то заслуги Стефана въ дѣлѣ просвѣщенія Зырянъ, далеко превышая нашу грѣшную хвалу, достойны небеснаго возмездія.

II.

Характеристическіе очерки Зырянъ современниками. Переходъ изъ подѣ власти Новгорода въ зависимость Москвы. Вліяніе этого обстоятельства на Проповѣдника Новгородская вольница—ушкуйники. Зыряне-язычники. Идолы и почитаніе ихъ.

Краснорѣчивый писатель житія св. Стефана, его бывший сотрудникъ въ Ростовскомъ монастырѣ, монахъ Епифаній, такъ говоритъ о началѣ проповѣди своего духовнаго брата: «и нача, яко овча посреде волковъ, посреде рода строитива и развращенна ходити и проповѣдати Христа, истиннаго Бога, и учити Христіанской вѣрѣ».— Этотъ современный характеристическій очеркъ Зырянъ даетъ намъ весьма близкое понятіе о нравственныхъ ихъ свойствахъ. Какъ народъ дикій, Зыряне не пользовались выгодами правленія благоустроеннаго, не терпѣли ограниченій вольности, искони были свободолюбивы, ненавидѣли посторонней власти, презирали узы родства и дружбы, любили проводить жизнь въ шумныхъ и гнусныхъ оргіяхъ, гдѣ во всей силѣ обнаруживался ихъ злобный характеръ и гдѣ, будучи отъ природы сварливы, они безпачапно буйствовали, терзали безжалостно одинъ другаго,—и не было главы, которая, сознавая

свое превосходство надъ ними, могла бы укротить народное своеволие. Только въ важныхъ случаяхъ, по грозному призыву волхвовъ, Зыряне собирались на совѣтъ, но и тутъ справедливость часто уступала верхъ дерзости и насилию Припомнимъ здѣсь, что около времени проповѣди, Зыряне, бывъ прежде зависимы отъ Новгорода, отошли потомъ въ зависимость Москвы. Это обстоятельство замѣчательно для насъ тѣмъ, что оно было въ числѣ важнѣйшихъ препятствій для Стефана, пришедшаго изъ Москвы съ грамотами Великокняжескими, и наконецъ остановило успѣхъ его проповѣди,— потому что всякій народъ, а тѣмъ болѣе дикій, всегда видитъ въ новыхъ своихъ владыкахъ что-то суровое, грозное, злонамѣренное и, въ чувствахъ ожесточенія противъ нихъ, старается сыскать какой нибудь поводъ— криво и пелѣно толковать гражданскія ихъ распоряженія, и этимъ нѣкоторымъ образомъ вынаружить все негодование, всю свою ненависть къ новому правительству.— Народъ не столько напалъ на личность проповѣдника,— она, хранимая Богомъ, и въ послѣдствіи оставалась неприкосновенною,— сколько на охранныя грамоты, данныя ему Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Не зная содержанія ихъ, народъ разсуждалъ, что онѣ—предвѣстники неминуемыхъ

божь, а волхвы съ намѣреніемъ поддерживали его заблужденіе.... Тутъ же присоединились и мелочные туземные расчеты: прежде народъ платилъ Новгороду ничтожную дань и онъ былъ доволенъ; со властію Москвы дань немного увеличилась: народъ вопіялъ, но не смѣлъ противиться Великокняжескимъ велѣніямъ. Съ появленіемъ Проповѣдника весь вопль народный обратился на него... Притомъ же Новгородъ, владычествуя надъ Зырянъ и надъ многими сосѣдственными съ ними народами, не касался ихъ образа правленія и, предоставляя имъ полную свободу, только собиралъ съ нихъ условную дань, которую Зыряне тѣмъ охотнѣе платили, чѣмъ меньше испытывали притѣсненій отъ Новгородской вольницы — ушкуйниковъ, этихъ смѣлыхъ и предприимчивыхъ въ древности искателей славы и богатства. Ушкуйники, — наши родные Норманны того времени, — еще въ началѣ X-го вѣка привели Зырянъ въ зависимость Новгорода, и съ тѣхъ поръ они были постоянными данниками этого города. Быстрый переходъ изъ подъ власти одного города въ другой, для Зырянъ, не имѣвшихъ никакого понятія о возможности случайныхъ государственныхъ переворотовъ и объ условіяхъ правительственныхъ интересовъ, былъ чрезвычайно подозрителенъ, — и вотъ причина почему они сви-

рѣло смотрѣли на пришлеца съ Москвы, смиреннаго монаха, и указывали на него, какъ на виновника будущихъ притѣсненій и тяжкихъ даней.— Упорные волхвы неистово кричали: «отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ? Не оттуду ли тяжести намъ была и дани тяжкія и насильства, и тивуны, и доводчики, и «приставницы? ... Сего ради—говорилъ главный изъ нихъ Памъ—не слушайте его (Стефана), но мене паче слушайте, добра вамъ хотящаго... Азъ бо родъ вашъ и единыя земли съ вами... Азъ есмь вашъ давной учитель»... Зыряне слѣпо вѣрили словамъ волхвовъ, и въ настоящемъ случаѣ это непредвидѣнное стеченіе маловажныхъ административныхъ переменъ на народъ, кривышій къ безначалію, имѣло сильное вліяніе, опасное для проповѣдника: озлобленные на Москву за мнимыя или только воображаемыя угнѣтѣнія, они презрительно и недовѣрчиво смотрѣли на Стефана, слѣдили каждый его шагъ, дико вопіяли на него и не хотѣли слышать кроткихъ рѣчей, его спасительныхъ воззваній.... Всевозможно убѣгая проповѣди, даже гнушась ею, язычники ревностию стали приывать своихъ боговъ, покланяться имъ, умилоустивлять ихъ жертвами: Народъ чаще прежняго собирался въ кумирницы, молилъ усердно идоловъ, приносилъ имъ

въ даръ дорогіе мѣха, вопрошалъ волхвовъ—
избавятъ ли ихъ боги отъ ненавистнаго чело-
вѣка, съ Москвы пришедшаго? ... Лѣтописи со-
временныя замѣчаютъ, что не смотря на много-
численность идоловъ, Зыряне были въ высшей
степени къ нимъ привязаны; съ началомъ же
проповѣди эта привязанность, по настроенію
хитрыхъ волхвовъ, стала еще сильнѣе. Въ каж-
домъ домѣ, на перекресткахъ дорогъ, въ по-
ляхъ, на выгонахъ и въ лѣсахъ, усердные языч-
ники ставили множество разноименныхъ куми-
ровъ, которымъ, порознь каждому, приписывали
извѣстную силу дѣйствій.—Къ сожалѣнію, лѣто-
писи мало объясняютъ намъ—какого свойства
были идолы Зырянъ; умалчивая о названіяхъ
ихъ, онѣ нѣсколько не раскрываютъ того круга
дѣйствій, который именно принадлежалъ тому
или другому идолу, т. е. не указываютъ—какіе
идолы почитались важными только въ извѣст-
ныхъ случаяхъ и къ какимъ, напротивъ, народъ
прибѣгалъ постоянно, прося ихъ всегдашней по-
мощи. Еслибъ не было этого пропуску въ лѣтопи-
сяхъ, то мы въ состояніи были бы передать полное
ученіе о язычествѣ Зырянъ, о грѣбыхъ ихъ вѣро-
ваніяхъ и религіозныхъ обрядахъ. Благоче-
стивый современникъ считалъ даже за грѣхъ
говорить о языческихъ обрядахъ Зырянъ, и съ
намѣреніемъ опустилъ ихъ въ своей лѣтописи,

в позднѣйшіе историки не отыскивали слѣдовъ затерянныхъ вѣрованій, предоставивъ потомству судить о временахъ язычества Зырянъ только по преданіямъ народнымъ.

Наше стремленіе—изслѣдовать любопытнѣйшій предметъ въ нравственномъ быту Зырянъ—ихъ языческое богослуженіе, составляющее, безъ сомнѣнія, самую важную стихію въ жизни народа, потому что чрезъ нее объясняется много вопросовъ, вполне раскрывающихъ весь народный бытъ, —это стремленіе наше, прямая цѣль котораго ознакомить большинство съ языческими вѣрованіями Зырянъ, въ особенности облегчить трудъ будущаго историка Зырянскаго края, потому что въ религіозныхъ обрядахъ Зырянъ и до сихъ поръ сохранились слѣды язычества, общаго всѣмъ народамъ, наполнившимъ сѣверъ Европейской Россіи и Сибири, которое нынѣ потеряло болѣе или менѣе свое значеніе, благодаря кроткимъ увѣщаніямъ мѣстныхъ пастырей духовныхъ. Современники мало поясняютъ намъ языческихъ вѣрованій Зырянъ; они, или считали ихъ общеизвѣстными и слѣдовательно неимѣвшими права на помѣщеніе въ рукописи, какъ бы излишними, или, быть можетъ, отнесли ихъ къ сказаніямъ неумѣстнымъ, по содержанію, въ лѣтописяхъ.

баба кодъ лыюкь— страшна, зла, какъ Ёма. У Финновъ это грозное, карающее божество изображалось, какъ извѣстно, въ видѣ злой, безобразной старухи и было въ особенности ими почитаемо. Зыряне, какъ ближайшая отрасль Финновъ, усвоивъ формы ихъ языка, на-вѣрное заимствовали отъ нихъ же и мифологию... Да и самый идолъ—Золотая Баба, упоминаемый въ грамотѣ Архіепископа Симона, по нѣкоторымъ признакамъ имѣетъ близкое сходство съ Финскимъ Ёмала; по смыслу граноты справедливо можно догадываться, что онъ есть никто иной, какъ Ёмала,— въ чемъ убѣждаютъ насъ и преданія народныя и самыя слова лѣтописей, рѣзко характеризующія это дикогрозное божество, которое Зыряне, стараясь умиловать богатыми приношеніями, всевозможно украшали драгоценными камнями, серебромъ и золотомъ. Во время Стефана идолъ этотъ славился необыкновеннымъ богатствомъ украшеній и множествомъ дорогихъ мѣховъ, въ даръ ему принесенныхъ, которые хранились въ кумирницѣ, гдѣ стоялъ онъ.... У Финновъ приношенія Ёмалѣ были несравненно значительнѣе: несмѣтные богатства и драгоценныя украшения этого идола превышали, по сказанію Отера, грузъ трехъ кораблей и недаромъ привлекли вниманіе купцовъ Норвежскихъ, посланныхъ для торговли въ

лѣсныхъ—домовыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ, что доказываютъ Зырянскія имена этихъ духовъ и въ чемъ сильнѣе убѣждаютъ насъ повѣрья и предрасудки народные, въ которыхъ рѣзко отражается грубая демонологія Зырянъ. Религія ихъ состояла въ многобожій; основаніемъ ея были два начала: доброе и злое, слѣдовательно они признавали и два рода духовъ: добрыхъ и злыхъ; первые, поселяя добро въ мірѣ, не требовали за то никакой изды,— а послѣдніе, насылая на людей кары и несчастія, алкали жертвъ, и умиловлялись лишь богатыми приношеніями. Но, держась строго многобожія, при всемъ безразсудномъ суевѣріи,— Зыряне достигли высокаго отвлеченнаго понятія о Единомъ Великомъ Духѣ, Создателѣ неба и земли, Который, какъ думали, живетъ на небесахъ и печется только о надзвѣздномъ мірѣ, и люди не достойны возсызть къ Нему молитвъ, не достойны обременять Его своими прошеніями, но должны обращаться съ ними къ чадамъ Его—духамъ и идоламъ, управлявшимъ землею. Это невидимое и непостижимое Божество называли они общимъ именемъ «Емъ», не смѣли ни изображать Его,—такъ какъ оно безтѣлесно и слѣдовательно не изображаемо вещественно,—ни посвящать въ честь Ему и кумирницъ,—потому что, будучи вѣдѣсуще, оно не можетъ

быть помѣщено въ одномъ какомъ либо храмѣ. Такія возвышенныя мысли о единствѣ Божества, рѣдко свойственныя грубымъ умамъ, по обращеніи народа въ христіанство, имѣли благотворное на него вліяніе.— Зыряне твердо вѣрили, что смертные, всѣ равно подверженные грѣху, не могутъ имѣть съ Богомъ вышнимъ никакихъ сообщеній, и въ нуждахъ, нисколько тѣмъ не оскорбляя Его благодати, обязаны обращаться къ богамъ меньшимъ, отъ него зависящимъ, которые, будучи посредниками между небомъ и землею, ходатаями, миротворцами,— и умилоостивляясь жертвами, всегда помогаютъ истиннымъ своимъ поклонникамъ, осчастливливаютъ и тѣхъ, кто добръ и честенъ въ жизни. Эти меньшіе боги, сильные силою Вышняго, по понятіямъ Зырянъ, жили постоянно на землѣ: въ домахъ, поляхъ, водахъ, лѣсахъ, горахъ и проч.;— а по этому не мудрено, что Зыряне боготворили нѣкоторыя стихіи природы и предметы, которыми обусловливаются ихъ главныя занятія и которые, по климату и положенію страны, составляютъ счастье народа, его изобиліе и довольство, однимъ словомъ: способы къ удобствамъ осѣдлой жизни. Изъ стихій Зыряне боготворили воду. Приписывая особенную святость извѣстнымъ озерамъ и рѣкамъ и почитая ихъ цѣлительными въ недугахъ и болѣз-

няхъ, они часто купались въ водахъ ихъ даже и въ зимнее время. Изъ окружающихъ предметовъ народъ благоговѣлъ передъ лѣсомъ: вода и лѣсъ доставляли ему не только все необходимое для пропитанія семействъ, но служили и вѣрными источниками общаго народнаго богатства; къ нимъ-то въ особенности Зыряне питали чувство религіознаго страха и почтенія.

Страшась мести боговъ, Зырянинъ, при малѣйшемъ проступкѣ, приносилъ имъ посильныя жертвы, и этимъ какъ бы избывалъ себя отъ ихъ гнѣва и ярости. Въ этомъ смыслѣ божество «Золотая Баба», всегда грозное и карающее, предпочтительно предъ прочими пользовалось безпредѣльнымъ почтеніемъ и наиболѣе умиловлялось богатыми приношеніями. Судя по цѣнности этихъ даровъ, справедливо можно предполагать, что идолъ принималъ изящныя формы и, не имѣя недостатка ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ, — блестя вычурными драгоцѣнными украшеніями, далъ современникамъ основательный поводъ назвать себя чуждымъ нарицательнымъ, вмѣсто туземнаго имени Юмала, — Золотою Бабою. Въ предположеніи нашемъ мы не можемъ руководствоваться историческими данными, за рѣшительнымъ ихъ отсутствіемъ; но,

о языческомъ богослуженіи Зырянъ. Мы знаемъ, что обряды отправлялись въ кумирницахъ (родъ храмовъ) особымъ классомъ людей, обрекшимъ себя на служеніе богамъ— волхвами. Люди эти пользовались всеобщимъ народнымъ уваженіемъ за добродѣтельную жизнь и предсказанія въ будущемъ. Волхвы заботились о храненіи кумирницъ и богатствъ, тамъ находившихся; распоряжались продажою излишнихъ даровъ и приношеній; были истолкователями религіозныхъ вѣрованій, посредниками между народомъ и кумирами, исполнителями жертвоприношеній и гаданій. Вѣруя въ пророческую силу идоловъ, народъ чрезъ волхвовъ обращался къ нимъ, испрашивая совѣтовъ въ начинаніяхъ и также знаменій въ будущемъ; отъ нихъ же въ затруднительныхъ случаяхъ ожидалъ рѣшенія дѣлъ, въ которыхъ, при всегдашнемъ народномъ своеволіи, никто не могъ, да и не хотѣлъ быть судьей.—Разобравъ всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о языческихъ храмахъ или кумирницахъ Зырянъ, мы должны сказать, что они не отличались изяществомъ формъ ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ; не славилась и красотою отдѣлки: это были обширныя квадратныя зданія, деревянныя, крытыя кровлею, безъ особыхъ украшеній внутри и снаружи. Сердину кумирницы занималъ главный идолъ, которому они

посвящались, а вокругъ него были располагаемы другіе идолы, жертвенныя орудія и священные предметы. Изображенія, представлявшія идоловъ, были въ большемъ и маломъ видѣ, и чаще во весь ростъ—деревянныя рѣзныя, мѣдныя и серебряныя, съ грубымъ очертаніемъ частей тѣла. На идолахъ и на внутреннихъ стѣнахъ кумирницъ развѣшивались приношенія язычниковъ, состоявшія изъ произведеній земли, издѣлій рукъ и, преимущественно, изъ шкуръ пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, куницъ, выдръ, лисенцъ, росомахъ и проч. Въ важныхъ случаяхъ Зыряне приносили въ жертву идоламъ и домашнихъ животныхъ. Всѣ приношенія считались собственностію идоловъ и по продажѣ, употреблялись на ихъ украшеніе, Никто не смѣлъ тайно воспользоваться ими, изъ опасенія—лишиться благодѣяній кумировъ, быть постигнутымъ печальною лютою болѣзнію или, что всего несчастнѣе—быть неудачнымъ стрѣлькомъ. Благолѣніе кумирницъ поддерживалось этими дарами, а издержки на содержаніе ихъ и особенныя украшенія идоловъ народъ всегда принималъ на себя; кромѣ того кумирницы имѣли постоянные доходы съ собственныхъ полей, луговъ, съ торговцевъ и промышленниковъ. Очень естественно, что въ Зырянскихъ кумирницахъ, при всегдашнемъ усердіи языкъ-

чиковъ къ идоламъ, накопились богатства, общаѣ цѣнность которыхъ была изумительна для современниковъ. Волхвы были полными распорядителями этихъ богатствъ и употребляли ихъ, по своему усмотрѣнію, не всегда безукоризненно: чаще всего увеличивали ими свои собственныя. Именемъ боговъ, обуздывая свое вольство грубаго народа, волхвы хитрою благотворительностію прибрѣтали надъ нимъ власть, которая была тѣмъ тягостнѣе для людей свободолубивыхъ, что они большую половину жертвъ гласно употребляли въ свою пользу и нерѣдко силою требовали новыхъ. Подолгу управляя, волхвы умѣли сообщить право насѣдственности дѣтямъ, право въ особенности не правившееся Зырянамъ: народъ не любилъ, но боялся и ненавидѣлъ своихъ волхвовъ, потому что присвоенная ими власть не только ограничивала свободу и вольность народа, но простиралась даже и на собственность, почитаемую и у дивихъ неприкосновенною. Можетъ быть эта не любовь къ волхвамъ способствовала къ скорѣйшему обращенію народа въ христіанство; это тѣмъ правдоподобнѣе, что въ послѣдствіи одни только волхвы упорно защищали идолопоклонство— вѣру отцовъ своихъ.

Врестъ и засовня, представленныя Стефаномъ въ Пырасъ. Селъ Гамъ. Наказаніе его проповѣдникомъ. Стефанъ въ срединѣ Біарминъ, въ Уствыльмъ. Первалъ церковь, имъ созданная. Угиллица. Сожженіе идоловъ и кумирницъ. Преніе Стефана о вѣръ съ главнымъ вождемъ-Паломъ.

Достигнувъ Пыраса, Стефанъ—мы замѣтили объ этомъ выше— на первомъ шагѣ проповѣди естрѣтилъ много сильныхъ препятствій въ народѣ, перенесъ отъ него много тяжкихъ обидъ и лишеній пока положилъ прочное основаніе проповѣдуемой религіи. Слово его и труды долгое время не имѣли ожидаемаго успѣха. Грубый народъ, искони привязанный къ идоламъ, свято чтившій ихъ и думавшій непреложно, что никакая другая вѣра не сравнится съ ихъ многобожіемъ, а вмѣстѣ и не имѣвшій яснаго понятія объ иной какой либо вѣрѣ—вначалѣ рѣшительно отвергъ кроткія убѣжденія проповѣдника— о ложности языческихъ боговъ и святости предлагаемой имъ религіи. Но потомъ вразумительныя толкованія догматовъ Православія и апостольскія увѣщанія Стефана восторжествовали надъ языческими мудрованіями: многіе изъ среды упорнѣйшихъ язычниковъ, слыша вѣру, проповѣдываемую на родномъ языкѣ и признавая ее истинною, приняли св. кре-

щеніе, и такимъ образомъ весь Пыраеъ,—кромя закоренѣлыхъ идолопоклонниковъ, удалившихся отъ проповѣди въ многочисленное селеніе Гамъ,—просвѣщенъ былъ христіанскою вѣрою. Проповѣдникъ подружилъ здѣсь крестъ, построилъ часовню и, поучивъ довольно новопросвѣщенныхъ сыновъ вѣрѣ, отправился съ избранными изъ нихъ далѣе, всрѣхъ по теченію Вычегды, берега которой наиболѣе были населены Зырянами. Посѣщая лежавшія по пути деревни и встрѣчая въ каждой болѣе или менѣе препятствій, Стефанъ въ короткое время обратилъ ко Христу всѣхъ жителей отъ Пыраса до Гаму, на пространствѣ слишкомъ 200 верстъ. Въ этомъ послѣднемъ селѣ,—извѣстно по преданію,—была главная кумирница, наполненная уважаемыми народомъ идолами, куда для поклоненія стекались во множествѣ язычники, и гдѣ преимущественно жили главные ихъ жрецы и тупы (гадатели). Наслышанные о человѣкѣ, отъ Москвы пришедшемъ, который, проповѣдая Христа Бога, охуждаетъ ихъ вѣру и боговъ, называетъ скверными, жрецы, посредствомъ зловѣщихъ убѣжденій, будтобы переданныхъ имъ идолами, а тупы, силою таинственныхъ предзнаменованій и гаданій, настроили народные умы къ грубой встрѣчѣ проповѣдника, и сами съ дикою яростію, свойственною жаднымъ

волкамъ, у которыхъ отнимають богатую добычу, приготовились дать ему жестокий отпоръ. . . . Лишь только Стефанъ вступилъ въ Гамъ, народъ, подстрекаемый злобными жрецами и тунами, кипуче на него съ неистовымъ крикомъ и угрозами, — «и пакости ему «творяху многія: овѣи бо ругахуся ему, овѣи же «словесы укоризненными досаждаху, а чинѣи съ «дрекольми нападаху на него, воеже убити его, «другѣи же сожещи того хотяху, хвастѣи же и «солому собираху на огонь». . . . Стефану не возможно было защищать себя: его привѣтливыхъ словъ не слушали, миролюбивыхъ воззваній не понимали, смиренныхъ оправданій не спрашивали; ему оставалась одна надежда, утѣшительная и вѣрная, на помощь Божію, — и Богъ сохранилъ своего раба отъ убійственныхъ рукъ смерти на просвѣщеніе тѣхъ, которые въ слѣпотѣ невѣжества, поддерживаемаго хитрою лестию чародѣевъ, не подозрѣвали своего грубого заблужденія. — Въ минуту гнѣва бѣшеная толпа готова была исполнить злодѣяніе; но когда прошли припадки ярости, Гамичи, при видѣ столь смиреннаго монаха, почувствовали къ нему сожалѣніе, а кроткія рѣчи, съ которыми онъ обратился къ нимъ, прося вниманія и снисхожденія, — убѣжденія, которыя они слышали на родномъ своемъ языкѣ, совершенно ихъ

обезоружили. . . . Чувство состраданія взяло верхъ надъ запальчивостію, и толпа устыдилась собственнаго гнѣва; не смотря на видимое нерасположеніе, къ явной досадѣ волхвовъ, искавшихъ смерти проповѣдника, Гамичи неизмѣнили врожденной склонности къ гостепріимству: предложили Стефану и кровь и пищу. Но не пуждаясь ни въ томъ, ни въ другомъ, Стефанъ самъ пришелъ предложить язычникамъ кровь небесный и пищу духовную, пришелъ обличить ихъ грубое идолопоклонство, показать ложность языческихъ боговъ и всемогущество истиннаго Бога.— пришелъ преподавать имъ истины Православной вѣры. Съ упованіемъ на Бога, съ тѣмъ христіанскимъ упованіемъ, которое рождаетъ и укрѣпляетъ, вразумляетъ и просвѣщаетъ, Стефанъ началъ свою проповѣдь, и никакія угрозы волхвовъ и туновъ не могли остановить его доблестнаго подвига. Вразумительно объясняя народу мерзость идолослуженія и ничтожество кумировъ, Стефанъ поучалъ его истинной вѣрѣ и молилъ Бога,— да просвѣтитъ сердца, закоснѣлыя въ азычество, свѣтомъ разумѣнія! Народъ, внимая словамъ проповѣдника, явно видѣлъ нецѣдность своихъ вѣрованій, терялъ мало по малу довѣріе къ волхвамъ, съ возрастающимъ любопытствомъ бесѣдовалъ съ нимъ о Богѣ истинномъ, познавалъ Его и тре-

праведника лежитъ тяжелымъ ярмомъ надъ жителями Гама: Зыране—Гамичи подслѣповаты и близоруки, и у прочихъ Зырянъ слывуть «слѣпородами».

Изъ Гама Стефанъ перенесъ свою проповѣдь на устье Выми, въ самый центръ тогдашняго Зырянскаго края, въ средину всей Біармін. Здѣсь ревностный проповѣдникъ долго боролся съ грубыми предразсудками народа, по укротивъ его дикія страсти силою Свѣта Божественнаго, присоединилъ многихъ къ Православію: познавъ заблужденіе, они оставляли язычество и увеличивали число вѣрныхъ, принявшихъ уже крещеніе. Такъ знаменія христіанской вѣры восторжествовали надъ волхвованіемъ и олтари Богу истинному явились на развалинахъ идольскихъ капищъ! Первая церковь, созданная Стефаномъ, была на устьѣ рѣки Выми, въ 85 верстахъ отъ Яренска, по дорогѣ къ Устьысольску, при коей въ послѣдствіи, по образованіи Пермской Епархіи, были устроены монастырь, гдѣ имѣли мѣстопробываніе Великопермскіе Архіерен. Эту церковь освятилъ онъ во имя Пресвятой Богородицы «честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія, въ начатокъ просвѣщенія земли Пермскія, яко же и Благовѣщеніе спасенія нашего бѣ началомъ. Неумоимо

заботясь о духовномъ преспѣяніи юной паствы, Стефанъ учредилъ при церкви училище, въ которомъ самъ былъ первымъ наставникомъ и руководителемъ, училъ дѣтей часослову, псалтири и другимъ церковнымъ книгамъ, переведеннымъ имъ заранѣе на Зырянскій языкъ. Въ этой школѣ, для прочнаго утвержденія народа въ христіанской вѣрѣ, онъ образовалъ пастырей и учителей изъ природныхъ Зырянъ, которые, по смерти его, долго правили словеснымъ стадомъ. Богослуженіе было отправляемо на Зырянскомъ языкѣ, чтобъ народъ яснѣе понималъ догматы Православія. Преданіе приписываетъ Стефану сочиненіе заупокойной обѣдни съ панихидой, написанное имъ,—какъ надобно догадываться,—для упокоенія душъ тѣхъ усопшихъ братій, которые, бывъ просвѣщены христіанскою вѣрою, снова прельщенные волхвами, отступили отъ Православія, и современемъ опять приобщены къ Христову стаду (*). Неудивительно, что Зыряне, бывъ привержены къ идоламъ, питали, и по принятіи христіанской вѣ-

(*) Не полный переводъ Златоустовской обѣдни на Зырянскій языкъ найденъ у Зырянъ Академикомъ Лепехинымъ; въ немъ не достаетъ проскомидіи и тайныхъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ. Языкъ этой обѣдни рѣдкимъ былъ понятенъ и въ то время, вѣроятно потому, что Зыряне далеко отстали отъ своего древняго языка.

ры, нѣкоторое къ нимъ уваженіе: какъ народъ дикій, они не могли вдругъ остановить языческихъ обыкновеній, которые льстили ихъ любимымъ привычкамъ и въ тайнѣ молили тѣхъ идоловъ, которые прежде, какъ были увѣрены, помогали имъ въ ловлѣ звѣрей, птицъ и вообще въ быту домашнемъ. Стефанъ зналъ эту склонность новыхъ духовныхъ сыновъ къ кумирамъ и, предавъ себя волѣ Божіей, принялъ твердое намѣреніе истребить идоловъ и кумирницы. Не страшась мести волхвовъ и закоренѣлыхъ язычниковъ, онъ съ нѣсколькими изъ вѣрныхъ сжегъ въ скорое время канища идоловъ, а вмѣстѣ съ ними и богатые приношенія язычниковъ. Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ прежнихъ боговъ, но въ душѣ глубоко затаилось у него чувство страха и почтенія къ бездушнымъ истуканамъ, потому что волхвы и туны, потерявъ съ введеніемъ христіанской вѣры расположеніе народныхъ умовъ, лишившись власти и сопряженныхъ съ нею выгодъ, всѣми усиліями старались поддерживать грубое суевѣріе собратій. Они съ горестію проливали слезы на пепелищѣ кумировъ, но нерѣшались поднять руки на человека Божія,—сколько изъ боязни за смерть мужа, имѣвшаго грамоты отъ Великаго Князя, столько же и обезоруживаемые постоянною его

кротостию, смиреніемъ и самымъ образомъ жизни: ихъ слезы были послѣднею данію идоламъ! По сожженіи кумировъ, Стефанъ, какъ видно изъ житія его, имѣлъ преніе о вѣрѣ съ главою Пермскихъ чародѣевъ—Памомъ, «его же Пермстїи людїе, прежде крещенія своего почитаху паче всѣхъ волхвовъ, и имѣяху того, яко отца и учителя и наставника, вѣрующе управляемой быти того волхвованіемъ всей земли «Пермстей». . . Изъ глубины дремучихъ лѣсовъ, гдѣ обиталъ онъ, окруженный посѣдѣвшими въ чарахъ и гаженіяхъ тупами, пришелъ онъ на защиту идолослуженія и думали устрашить Стефана грозными дивами, вызванными имъ при помощи волхвованія и силы бѣсовской. Только въ важныхъ случаяхъ Зыряне осмѣливались беспокоить его и приходили раболопно служить ему; его поученія, считаясь божескими, выслушивались всегда со вниманіемъ и повелѣнія безпрекословно выполнялись. Оцѣпененіе и ужасъ распространились въ народѣ съ приходомъ его. . . . Стефанъ принесъ теплую молитву Богу и, по убѣжденію новопросвѣщенныхъ, началъ съ нимъ состязаніе о вѣрѣ. Побѣжденный въ своихъ мудрованіяхъ и чарахъ, хитрый Памъ, желая устрашить святаго, предложилъ послѣднее средство, одобренное и народомъ: «пройти вмѣстѣ сквозь огонь и воду»;

но и тутъ посрамленный; едва не сдѣлался жертвою народной ярости. Тогда всѣ, кромѣ упорнѣйшихъ волхвовъ, видя вѣру отцевъ своихъ поправною и поганою, принимали охотно Св. крещеніе, такъ что для утвержденія ихъ въ вѣрѣ не достаточно было одного пастыря, и самая церковь не могла вмѣщать всѣхъ вѣрныхъ.

IV.

Построеніе новыхъ церквей. Удаленіе закоренѣлыхъ язычниковъ на Удору и Пегору. Вражда ихъ имѣетъ съ Вогулигами и Остяками противъ Зырянъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Кто такіе Вогулиги? Стефанъ отправляется въ Москву просить Епископа новопросвѣщенному народу Пермскому. Хиротонисаніе его во Епископа земель Пермской.

Послѣ позорнаго бѣгства Нама, храмъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, созданный Стефаномъ, — «въ начатокъ просвѣщенія земли Пермскія,» — въ маломъ размѣрѣ, съ обращеніемъ ко Христу множества язычниковъ, не могъ наконецъ, вмѣщать всѣхъ вѣрныхъ. Число огла-

шаемыхъ христіанскою вѣрою съ каждымъ днемъ
болѣе и болѣе увеличивалось: народъ, прежде
съ ожесточеніемъ вопіявшій противъ святой ре-
лигіи, нынѣ съ глубочайшимъ смиреніемъ про-
силъ Стефана—да извѣдетъ изъ мрака невѣст-
нія, изъ мрака тьмы и скорби души грѣшниковъ,
да просвѣтитъ ихъ умы и сердца познаніемъ
Бога истиннаго.—Толпы идолопоклонниковъ, не
допускаемыя до предварительнаго оглашенія въ
храмъ Божій, съ поникшими главами стояли вѣ-
его, съ нетерпѣніемъ ожидая Евангельскихъ поуче-
ній Стефана, которыя, по многолюдству вѣрныхъ
и оглашенныхъ, совершались всенародно. Этими
продолжительными бесѣдами Стефанъ однихъ
укрѣплялъ въ вѣрѣ, а другихъ приготовлялъ
къ спасительному таинству крещенія. Высокою
духовною радостію наполнялась праведная душа
его, когда выходилъ онъ на пространный холмъ,
любимое мѣсто проповѣди, гдѣ окружали его
тысячи народа, жаждущія слышать слово Божіе.
Слезы умиленія часто прерывали бесѣду Сте-
фана; и эти слезы были искреннею благодарно-
стію Творцу за понесенные семилѣтніе труды
и лишенія. Его благости приписывалъ Стефанъ
скорое обращеніе въ христіанство закоренѣлаго
въ языческихъ предразсудкахъ народа, вначалѣ
буйнаго и злобнаго, который съ дикою яр-
стію рѣшительно отвергъ проповѣдь и умыш-

лялъ на его жизнь,—а теперь въ этомъ же самомъ народѣ онъ открылъ такія добрыя душевныя качества, какихъ никогда не подозревалъ раньше: кротость, покорность, любовь, преданность, послушаніе и любознаніе о таинствахъ православной вѣры.

Лишь только вѣсть о всенародномъ посмѣяніи и обличеніи страшнаго Папа достигла отдаленныхъ предѣловъ зырянскаго края, все народонаселеніе его пробудилось какъ бы отъ тягостной летаргіи и желало поскорѣе освободиться отъ желѣзныхъ оковъ волхва-правителя: язычники оставляли жилища и спѣшили въ Устьвымъ. «Енась видзедны—видѣть Бога, проповѣдуемаго Стефаномъ; по простотѣ ума, они воображали, что Богъ облеченъ въ вещественныя формы, и слѣдовательно видимъ. Стефанъ ласково принималъ ихъ, кроткими рѣчами убѣждалъ ихъ въ ничтожности языческихъ боговъ, такъ что они сами могли понимать мерзость идольскаго служенія; постепенно знакомилъ ихъ съ проповѣдываемой религіею на всенародныхъ поучительныхъ бесѣдахъ; заботясь о просвѣщеніи ихъ, онъ забывалъ покой; призывалъ къ себѣ язычниковъ, преподавалъ полное ученіе о вѣрѣ и, подолгу бесѣдуя, доводилъ ихъ, наконецъ, до познанія Творца вселенной.—Язычники въ особенности

рубилъ ихъ на мелкія части, или сожигалъ вмѣстѣ и съ богатыми жертвоприношеніями.

Ревность новообращенныхъ сыновъ къ вѣрѣ выразилась сколько въ быстрой поспѣшности, съ которою они построили двѣ новыя церкви, столько же и въ тѣхъ усердныхъ пожертвованіяхъ, какія принесли на приличное ихъ украшеніе: святыя иконы, утварь церковная, ризы священнослужительскія и все необходимое для внутренняго благолѣпія храмовъ было привезено изъ Устюга, процвѣтавшаго тогда промышленною дѣятельностію и богатствомъ жителей. Устюжане на самомъ дѣлѣ увидѣли исполненіе предреченій Праведнаго Прокосія и теперь поняли пророческій ихъ смыслъ: вся Пермская земля просвѣщена христіанскою вѣрою, — и этотъ Апостольскій подвигъ совершилъ мужъ, между ними родившійся и выросшій на стогнахъ ихъ града. «Радость велія и неизрѣченная, — по выраженію лѣтописца, — бѣ граду Устюгу, яко благослови Богъ труды Стефана», и, въ чувствахъ этой духовной радости, богатый и бѣдный спѣшили послать щедрую лепту на украшеніе храмовъ. Многія лица духовныя, наслышавшыя о благочестивыхъ трудахъ просвѣтителя Перми, отправились къ нему, желая быть его учениками и сотрудниками. — Одну изъ цер-

жвей Стефанъ освятилъ во имя Архангела Михаила, въ память того дня, когда онъ вступилъ въ Пермскую землю, а другую во имя Святителя Николая, въ память дня пришествія его на Устьвымъ, какъ говоритъ преданіе. Съ помощію лицъ духовныхъ, Стефанъ имѣлъ возможность отправлять Богослуженіе во всѣхъ, созданныхъ имъ храмахъ, и тѣмъ болѣе могъ посвящать времени на поученіе своего юнаго словеснаго стада. Стройное, согласное пѣніе цѣрковнаго клира, тишина и порядокъ, господствовавшія при этомъ, усугубляли наружное богопочтеніе новообращенныхъ, а благолѣніе храма и торжественность священныхъ обрядовъ наполняли ихъ души благоговѣніемъ къ Царю Небесному: они благодарили Бога за свое просвѣщеніе и молили Его—да вразумитъ и просвѣтитъ и отдаленныхъ ихъ собратій.

Упорные язычники, говоритъ молва народная, удалились отъ проповѣди Стефана на Удору и Печору. Злоба ихъ къ христіанамъ была столь сильна, что они всевозможно старались вредить имъ: нападали на нихъ въ распахъ, грабили дома, опустошали поля, уводили скотъ, такъ что Стефанъ принужденъ былъ неоднократно просить защиты противъ нихъ то у Устюжанъ, то у самаго Великаго Князя: получалъ скорую по-

работы, довольствовалося самымъ грубымъ содержаніемъ и служило рабами Зырянамъ. Угнетаемое Зырянами, оно въ глубокой древности бѣжало отъ нихъ, и расселившись по той и по другой сторонамъ Урала, составило особенный народъ, съ прозвищемъ—Вогуличей, т. е. незаконнорожденныхъ. Съ распространеніемъ христіанской вѣры большая часть мѣстныхъ «Вогуловъ,» чтобы освободиться изъ неволи, передалась на сторону волхвовъ и вмѣстѣ съ ними бѣжало къ давнишнимъ своимъ приуральскимъ собратамъ, изыскивая оттуда средства мстить Зырянамъ, за презрѣніе и рабство.

Обративъ ко Христу всю землю Пермскую, Стефанъ въ 1383 г. отправился въ Москву просить Великаго Князя и Митрополита объ образованіи новой Епархіи, и о томъ, чтобы дали Епископа новопросвѣщенному народу Пермскому. Прибытіе его въ Москву усугубило радость Россіяны, не очень давно разбившихъ полчища Мамавы. Возблагодаривъ Бога за приобрѣтеніе новыхъ чадъ церкви, Митрополитъ Пименъ не нашелъ никого достойнѣе самаго проповѣдника занять въ Перми Епископскую кафедру, и съ освященнымъ соборомъ хиротонисалъ Стефана во Епископа земли Пермской. Великій Князь и бояре, осыпавъ его милостями, съ богатыми дарами проводили въ новую Епархію.

дость, ни молодость не остались на мѣстѣ,—и старъ и младъ проживали въ городѣ: столь сильно было влеченіе умовъ, внушенное слагоу смиреннаго проповѣдника!... Наконецъ настала минута давно и нетерпѣливо ожидаемой встрѣчи: торжественный звонъ колоколовъ у всѣхъ церквей Устюгскихъ возвѣстиялъ жителямъ пришествіе Стефана. Многочисленныя толпы, не смотря на холодное зимнее время, устремились за городъ, чтобъ скорѣе узрѣть Архипастыря. Духовенство, на чертѣ градской, ожидало его съ хоругвями и образами, граждане—съ хлѣбомъ и солью. Кипки восторга заглушали церковное пѣніе; народъ, въ избыткѣ радостныхъ ощущеній, выражалъ свои сердечныя привѣтствія слезами. Святитель шелъ медленно, благословляя окружающихъ его, въ тотъ Соборъ, гдѣ, руководимый отцемъ, провелъ онъ въ молитвѣ и пѣніи священныхъ псалмовъ младенческія лѣта свои и гдѣ въ юности учился благочестію. Съ умилениемъ молился Стефанъ на томъ помостѣ, гдѣ праведный Прокопій, — въ то время уже прославляемый, какъ новый Чудотворецъ Устюгскій,—по духу Божественнаго откровенія предрекъ его будущую судьбу, возвѣстивъ пророчески за сто безъ малаго лѣтъ о его Апостольскомъ призваніи! Съ теплою молитвою, послѣдуемый духовенствомъ, притекъ онъ къ ракъ

Праведника, благоговѣнно лобызая его св. образъ, и трогательно просилъ заступничества предъ Богомъ! Посѣтилъ осиротѣлый кровъ родительскій,—мѣста, любимыя въ дѣтствѣ; обошелъ монастыри и церкви; служилъ, проповѣдывалъ; навѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, изцѣлялъ страждущихъ,—благоотропѣлъ повсюду.—И не было человѣка, который не считалъ бы христіанскимъ долгомъ удѣлить съ истинною готовностію большую часть избытковъ на образованіе и обзаведеніе новой кафедры: вельможа и слуга, гражданинъ и селянинъ, богачъ и бѣднякъ умоляли Стефана не отвергнуть ихъ дара!—Пожертвовавъ родинѣ гораздо болѣе времени, нежели сколько предполагалъ, Стефанъ отправился къ своей паствѣ. Умилительна была встрѣча Зырянъ: его встрѣчали какъ отца и благодѣтеля; отъ радости всѣ плакали и цѣловали его одежду. Вмѣстѣ съ Стефаномъ, по просьбѣ его, прибыли въ Устьвымъ и лица духовныя,—ревнители Православной Вѣры. Содержаніе ихъ вполне обезпечивалось милостями Великокняжескими. Димитрій Іоанновичъ Донскій такъ высоко цѣнилъ заслуги Стефана и уважалъ его личныя достоинства, что предоставилъ ему особенныя преимущества предъ прочими Владыками и по управленію Епархіею и въ дѣлахъ судебныхъ; отдалъ всю Усть-

какъ бывало прежде. Стефанъ, имѣя право участвовать въ гражданскомъ дѣлопроизводствѣ края, всегда являлся на помощь угнетаемымъ, — защищалъ, оправдывалъ не давалъ въ обиду и виновныхъ по суду: этихъ онъ наказывалъ легкою церковною эпитиміею, которая была для народа чувствительнѣе и назидательнѣе всякаго общественнаго взысканія. — Изобиліе и довольство домашнихъ потребностей, составляя привлекательную сторону сельскаго хозяйства, обезпечивали безбѣдное существованіе народа; промыслы вознаграждались успѣшнымъ довомъ; торговля распространялась; народныя богатства умножались: Зыряне благословляли мудраго Архипастыря! Но счастье не продолжилось.... Увидимъ тягостныя испытанія, страшныя бѣдствія, которымъ подверглась вся земля Пермская.

VI.

Нападеніе Вогуличей на Пермь. Народное угнѣив. Пресданіе. Разбои и грабежи ушкуйниковъ Стефанъ въ Новгородъ. Голодъ Недостатки народныя. Сборъ дани. Стефанъ проситъ Великаго Князя оъ уменьшеніи налоговъ.

Завидуя счастію земляковъ, непримиримые враги Христіанства — Вогуличи, побуждаемые болѣе злобными волхвами, сдѣлали хищное нашествіе на Пермскую землю. Опустошивъ Верхне-Вычегодскія и Сысольскія селенія, многочисленныя ватаги ихъ приближались къ Устьвуму, съ намѣреніемъ разрушить все, основанное Стефаномъ. Съ звѣрскою лютостію убивали они беззащитныхъ поселянъ, зорили поля, рзали скоть, грабили и жгли дома. Устрашенный народъ, оставивъ все, спасалъ жизнь бѣгствомъ въ Устьвумъ. Это случилось въ 3-й годъ Епископства Стефанова. Лишь только несчастная вѣсть достигла Устьвума, Стефанъ поспѣшно отправилъ гонца въ Устюгъ, съ прошеніемъ людей ратныхъ для отпора Вогуличей, сдѣлавъ необходимѣйшія распоряженія

къ защитѣ и оборонѣ церквей Божіихъ; велѣлъ жителямъ сносить все, кто что имѣетъ, на холмы, и оставаться тутъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ ожиданіи непріятеля,—потому что, въ случаѣ нападенія, Зыряне много могли выигрывать взамѣнъ малочисленности мѣстностію, которая здѣсь представляла врагу многія естественныя преграды.... Страхъ и уныніе овладѣли народомъ. Мысль, что врагъ силенъ и кровожаденъ, не щадить никого; пагубная мысль—лишиться всего, а можетъ быть и жизни, поболебала мужество и самыхъ твердыхъ: старики стопами выражали свое уныніе, женщины вопили, дѣти заливались слезами, — одинъ Святитель бодрствовалъ. Вдругъ увидѣли его въ полномъ святительскомъ одѣяніи; клиръ сопровождалъ его съ пѣніемъ, неся хоругви и св. образа... Плачь умолекъ, жалобные стоны утихли. Стефанъ совершалъ всенародное моленіе къ Богу—защитнику, изъ глубины души взывалъ о скоромъ предстательствѣ. Надобно быть дѣйствующимъ лицомъ этой трогательной картины. Чтось выразить ся глубокомысліе! Укрѣпленный молитвою, народъ не отчаявался, но надѣялся спокойно встрѣтить врага. Святитель словомъ Божіимъ вселилъ въ сыновъ духовныхъ мужество и крѣпость такъ что они устыдились одолѣ-

шаго ими отчаянія,—и самъ, какъ пастырь добрый, готовый положить душу свою за овцы, вмѣстѣ съ духовенствомъ и преданнѣйшими изъ Зырянъ поплылъ вверхъ по Вычегдѣ на встрѣчу врагамъ—язычникамъ. Преданіе говоритъ, что Вогуличи издали примѣтили ладью Стефана: лице его было грозно, святительское облаченіе объято пламенемъ и онъ металъ въ нихъ огненными стрѣлами. Объятые ужасомъ, они бѣжали, оставивъ на мѣстѣ всѣ награбленныя богатства, и съ тѣхъ поръ, въ управленіе Стефана не приходили къ Устьвыму, боясь могущественнаго *туна — чѣрнеца Стѣпа* (чернеца Стефана). Въ послѣдствіи, Вогуличи нападали на однихъ только Верхне-Вычегодскихъ Зырянъ.

Въ томъ же самомъ году противная сторона Вычегды, болѣе населенная и богатая, много пострадала отъ Новгородской вольницы—ушкунниковъ, раззорившихъ большую часть нижне-Вычегодскихъ деревень. Ревностный пастырь поспѣшилъ въ станъ ихъ, — то умолялъ ихъ словами Евангельскими, то страшилъ гнѣвомъ Божіимъ: вольница раскаивалась, сожалѣла, отдавала все похищенное, платила за убытки, и удалялась.. Народъ не успѣвалъ загладить слѣдовъ опустошенія, какъ являлись другія партіи подобной же сволочи, производили гра-

бежи въ поновленныхъ деревняхъ, — и опять Стефанъ былъ миротворцемъ, защитникомъ. Частые набѣги Новгородской вольницы побудили Стефана отправиться въ Новгородъ ходатайствовать у Вѣча — о воспрещеніи ушкуйникамъ нападать на Пермскія земли. Посѣтивъ первый разъ многолюдный и богатый городъ, Святитель думалъ, что ему придется долго заискивать расположеніе Вѣча, чтобъ склонить его въ свою пользу; но къ удивленію, по радужному приему гражданъ именитыхъ, замѣтилъ искреннее къ себѣ уваженіе и необыкновенную предупредительность: молва народная убѣдительно говорила о славѣ Апостола Перми, и Новгородцы давно знали исторію чудесныхъ его подвиговъ, дивились имъ и заочно уважали проповѣдника. Посадникъ, Владыка Новгородскій, бодрѣ и всѣ люди житіе держали сторону Стефана на Вѣчѣ. Немедленно положено было удовлетворить справедливыя его жалобы, отыскать виновныхъ, предать суду Вѣча и впредь, подѣ строжайшею омамою начальника ушкуя, запретить всей вольницѣ Новгородской не касаться предѣловъ Устьвымской Епархіи. — Богатство и разнообразіе даровъ, которыми знатные Новгородцы постарались загладить вину ушкуйниковъ, — по тогдашнему времени болѣе полезныхъ, чѣмъ вредныхъ для вѣча, — было

столь велико, что Стефанъ могъ покрыть ими всѣ убытки, понесенные Зырянами. Возвращеніе его въ Устьвымъ было радостнымъ днемъ для паствы. Каждаго, пострадавшаго отъ Вогуличей и отъ ушкуйниковъ, Стефанъ надѣлялъ по столько, что онъ съ избыткомъ могъ пріобрѣсть все, чего лишился. Народъ, вспомоствуемый добрымъ Архипастыремъ, завелъ прежній бытъ хозяйственный, не имѣлъ ни въ чемъ недостатка и почти забылъ раны, нанесенныя ему врагами внѣшними. Прошли три счастливыхъ года, — въ четвертый, именно въ 1386 году, между Зырянами явился врагъ внутренній и ужаснѣйшій — это голодъ. Озимовый хлѣбъ позябъ отъ продолжительной холодной весны; поселяне, думая отвратить гибельныя слѣдствія неурожая, засѣяли поля яровымъ, истощили запасы, и всего лишились: проливные лѣтніе дожди и ранніе осенніе морозы погубили хлѣбъ на корню, и онъ остался травой на папнѣ. Началось общее народное бѣдствіе. Гумна опустѣли, поля остались незасѣянными; торговцы продавали хлѣбъ по цѣнѣ неслыханной; вопли голодныхъ тревожили Святителя. Онъ открылъ свои житницы, раздавалъ безмездно хлѣбъ, ссужалъ деньгами, — но несчастіе не уменьшилось: хлѣба монастырскаго было недостаточно для всего Пермскаго населенія. Го-

VIII.

Дѣла Великаго Князя съ Новгородомъ. Дань — горный боръ. Милости и льготы Перми. Поселенія Стефана о благе паствы. Монастыри и пустыни, имъ основанныя. Выдержки изъ мѣстныхъ рукописей объ основаніи Устьвымскаго Архангельскаго монастыря.

Посланіе Стефаново не застало въ Москвѣ Великаго Князя. 1386-й годъ былъ важенъ для Москвы и для Россіи. Въ это время Донскій герой съ дружинами 26 городовъ (въ числѣ ихъ были Устюгъ и Вологда, — послѣдняя зависѣла тогда отъ Новгорода), шелъ наказать Новгородъ, сколько за грабежи вольницы — ушкуйниковъ, не оставлявшихъ въ покоѣ владѣній Великокняжескихъ, столько же и за дерзость его правительства, неоднократно захватывавшаго доходы, которые по праву считались собственностію Государя Московскаго. Новгородцы смирились: изъявляли знаки раскаянія и покорности, богатыми дарами искали помилованія, со слезами убѣждали пощадить св. Софію, древнюю отчину Великихъ Князей, просили мира, — Великій Князь отказывалъ, и грозилъ жестокимъ ударомъ Новгороду. Наконецъ, по-

слѣ долгихъ моленій Владыки Новгородскаго и гражданъ именитыхъ, согласился на миръ. Новгородцы обязались клятвенно платить ему дань—*черный боръ* (*) и внесли въ казну Государеву 8 тысячъ рублей за грабежи своей вольницы. Усмиривъ Новгородъ, Димитрій Иоанновичъ возвратился въ Москву.

Государственные сановники, въ отсутствіе Великаго Князя получившіе посланіе Святителя Пермскаго, не смѣли безъ воли его помочь несчастію Перми, и теперь ходатайствовали объ облегченіи участи народа, постигнутаго тяжкимъ бѣдствіемъ. Великій Князь, глубоко опечаленный описаніемъ плачевнаго положенія народа, произведеннаго голодомъ, — новыми милостями и льготами послѣшилъ загладить страшныя его послѣдствія: недоимки прежнихъ лѣтъ прощены; народъ избавлялся отъ годичной дани и временныхъ налоговъ;—а утраты, понесенныя монастыремъ и вообще Епископскою кафедрою, Димитрій Иоанновичъ, по особенному расположенію къ Святителю Пермскому, щедро вознаграждалъ дарами и денежными вкладами; сверхъ того къ монастырю была приписана большая часть селъ, лежащихъ близъ Устьвыма, Слухъ

(*) *Черный боръ* — дань съ крестьянъ.

время сбывать промыслы, — выгодныхъ покупателей находилъ Стефанъ. . . . Признательный народъ благоговѣлъ предъ своимъ благодѣтелемъ и, въ чувствахъ сердечной любви къ нему, усерднѣе и пламеннѣе чтилъ Св. Троицу, Которой онъ научилъ ихъ молиться.

Отеческія заботы Стефана не ограничивались только вспомогательными средствами къ безбѣдному существованію народа, но простирались въ особенности на духовную, нравственную сторону всей паствы, — и въ этомъ отношеніи дѣятельность его была безпримѣрная: въ короткое время послѣ голода, онъ успѣлъ посѣтить самые отдаленные концы Епархіи, былъ въ Венденгѣ и Вишерѣ, — въ селеніяхъ Верхневычегодскихъ, даже до предѣловъ Перми Великой (*), — по Сысолѣ и Лузѣ; вездѣ поучалъ вѣрѣ и благочестію, снискивалъ всеобщую любовь ласками и кроткимъ обхожденіемъ, помогалъ совѣтами и деньгами, повсемѣстно водворялъ порядокъ, повсюду оставлялъ слѣды благотворительности. Оставшіеся въ язычествѣ,

(*) Пермь Великая, «глаголемая Чусовая», находилась на верховьяхъ Камы, по Вишерѣ, Чусовой и другимъ рѣкамъ. Главный городъ ея былъ Чердынь. Ее просвѣтилъ христіанскою вѣрою 5-й Устьвымскій Епископъ — Иона.

привлеченные добротою Стефана, стекались подъ защиту его, искали покровительства и просили крещенія. Стефанъ принималъ ихъ, и радовался за приращеніе новыхъ сыновъ церкви.—Твердое познаніе догматовъ религіи было главнымъ предметомъ его архипастырскихъ попеченій. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли, въ 13 лѣтъ Епископства, онъ построилъ много церквей и основалъ, какъ извѣстно по лѣтописямъ и преданіямъ, 4 монастыря и пустыни. Мѣста іереевъ, діаконовъ и причетниковъ во вновь построенныхъ церквахъ, для большаго утвержденія народа въ вѣрѣ, онъ замѣщалъ природными Зырянами, обучавшимися подъ надзоромъ его, въ первоначальной школѣ, открытой имъ въ Устьвымѣ. Отъ искавшихъ іерейскаго сана требовалъ основательнаго знанія правилъ вѣры, и не иначе посвящалъ ихъ, какъ по тщательномъ испытаніи въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ; отличалъ и тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ особенныя религіозныя наклонности или видѣлъ божественное призваніе. Санъ этотъ давался съ величайшею осмотрительностію достойнѣйшимъ ученикамъ Стефановымъ и сопровождался всегда продолжительнымъ искусомъ.—Назначеніе монастырей и пустынь состояло въ томъ, что братія ихъ, служа народу примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей, болѣе и болѣе укрѣп.

ляли мирянъ въ православіи. Начальниками ихъ были усердные сподвижники Стефановы. Къ сожалѣнію, существованіе Зырянскихъ обителей было непродолжительно, и до насъ не дошли никакія памятники благочестивыхъ дѣйствій ихъ братій. Съ трудомъ, въ настоящее время, можно отыскать самую мѣстность, гдѣ находились они,—и слѣды бытія ихъ едва сохраняются въ памяти народной.

Вотъ краткія свѣдѣнія, которыя мы могли собрать о монастыряхъ и пустыняхъ, основанныхъ Стефаномъ. Хронологическій порядокъ учрежденія ихъ, при всѣхъ тщательныхъ розысканіяхъ, остался неизвѣстенъ.

1.) *Устьвымскій Архангельскій монастырь*,—во имя Архангеловъ Михаила, Гавріила и прочихъ Безплотныхъ Силъ, — основанъ Стефаномъ въ 1-й годъ управленія вновь образованною Епархіею. Выписываемъ изъ мѣстныхъ рукописей подробности основанія этого монастыря, съ удержаніемъ, въ послѣдовательности, главныхъ мыслей подлинника (*). По прибы-

(*) Рукописи эти собраны извѣстнымъ любителемъ зырянскихъ древностей, Титул. Сов. А. И. Поповымъ, и пожертвованы имъ въ Устьысольскую общественную бібліотеку.

тии въ Устьевымъ, Стефанъ поселился на горѣ, въ мѣстѣ лѣсномъ и пустынномъ, подлѣ уважаемой Зырянами кумирницы, куда они приходили на поклоненіе идоламъ. Близъ кумирницы находилась необыкновенной величины береза, толстая въ объемъ и широковетвистая, «бѣ бо древо то велико зѣло, яко и тріемъ челоувѣкомъ едва обняти возможно бысть: вельми «прокудливо...» Идолопоклонники почитали березу, какъ божество, и приносили ей въ даръ дорогія шкуры пушныхъ звѣрей; навѣшивая ихъ на вѣтви, совершали какіе-то обряды; вопрошали березу—«мечты дѣюще»—о будущемъ, и получали пророческіе отвѣты.—Пребываніе челоувѣка чуждаго подлѣ канища, освященнаго въ глазахъ народа, — изъ религіознаго уваженія къ которому они строили вдали свои жилища, чтобъ не осквернить житейскими заботами святости мѣста, — было неавистно Зырянамъ. Между тѣмъ проповѣдникъ съ намѣреніемъ избралъ это мѣсто, чтобъ чаще бесѣдовать съ язычниками о вѣрѣ. Послѣ долгихъ преній съ хитрыми волхвами, послѣ многихъ, съ кротостію перенесенныхъ, «пакостей и озлобленій,» онъ успѣлъ обратить ко Христу «нѣкоторыхъ нарочитыхъ мужей.» Волхвы и упорнѣйшіе язычники, опасаясь за вѣру отцовъ своихъ, послали вѣсть о пришлецѣ—Сте-

фанъ и дѣйствіяхъ его на Вишеру, въ Княжь-погостъ и вверхъ по Вычегдѣ, призывая собратій на защиту боговъ туземныхъ, посрамленныхъ чернецомъ Стефаномъ. По призыву ихъ приплыло на лодкахъ къ Устьвѣму бодѣ тысячи челоѣкъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. Съ яростію и дикими воплями подступили они къ кельѣ праведника, чтобъ разрушить ее, а Стефана предать злой смерти. Стефанъ не устранился мести народа ожесточеннаго: устремивъ умъ и сердце къ Богу, надѣялся и молился. И Богъ услышалъ молитву его: «во единъ часъ ослѣпоша вси идолопоклонницы.» Устрашенные этимъ чудомъ, они просили Стефана объ изцѣленіи, обѣщали богатые дары, клялись оставить его въ покоѣ, и въ наказаніе налагали на себя «подѣлія и работы,» какія угодно будетъ приказывать ему... Четырежды они не сдерживали своего слова, съ большимъ неистовствомъ и страшными угрозами нападали на св. мужа, обрекая смерти не только его, но и новокрещенныхъ Зырянъ, — и столько же разъ были наказываемы слѣпотою, раскаивались, прозрѣвали и работали всякое подѣліе, по указанію Стефана. Въ первый разъ они вырубили деревья на горѣ, гдѣ стояла келья и очистили отъ лѣсу все пространство до р. Выми; во второй — окопали эту

гору, сдѣлали насыпи и рвы; въ третій — срубили лѣсъ на другой близъ лежащей горѣ, которая отдѣляласотъ первой небольшимъ ручейкомъ, впадавшимъ въ Вымь, и въ 4-й — сдѣлали у ней такіе же окопы и рвы, какъ и у первой. — Необыкновенная доброта Стефана, кротость и незлобіе побѣдили грубое упрямство язычниковъ: слушая на родномъ языкѣ назидательныя поученія, взвѣшивая по собственному разуму Евангельскія истины, проповѣдуемыя Стефаномъ, видя чудеса, невозможныя безъ участія высшей воли Божества, народъ увѣрился въ заблужденіи, призналъ святость христіанской вѣры, — и крестился. Покровительствуемый въ дѣлѣ проповѣди невидимымъ предстательствомъ Божиимъ, Стефанъ удостоился дважды получить откровеніе отъ Бога: «мужайся Стефане! Испепели и искорени аумирницу и березу прокудливую; Я твой помощникъ!» — Новообращенные рассказали Стефану чудесныя свойства березы, которая служила искони оракуломъ и пользовалась общимъ народнымъ уваженіемъ, какъ обиталище духовъ; никто не смѣлъ отломить отъ нея малѣйшей вѣтки, изъ боязни за подобное святотатство подвергнуться лютой карѣ. Съ надеждою на Бога Стефанъ началъ рубить березу; за каждымъ ударомъ разносились въ воздухъ жалобныя стоны и кри-

ки: муженіе и женскіе, старческіе и младенческіе: «Стефане, Стефане! За чѣмъ насъ гониши? «Сіе наше есть древнее пребываніе!»—За каждымъ ударомъ струились изъ дерева разноцвѣтные ручьи сиродной крови. Въ потѣ лица трудясь весь день, Стефанъ «за величествомъ» не могъ подрубить березы, оставивъ въ ней сѣкиру и удалился въ келью. Когда на другой день приступилъ къ работѣ, къ удивленію своему и къ ужасу бывшихъ идолопоклонниковъ, увидѣлъ березу цѣлою; сѣкира лежала на землѣ. Съ молитвою и твердымъ упованіемъ на Бога, онъ опять началъ рубить дерево, и когда на третій день оно готово было упасть, созвалъ весь народъ, чтобъ видѣли сокрушеніе языческаго божества, и познали могущество истиннаго Бога. Береза рухнулась съ ужаснымъ грохотомъ и воплемъ, земля подъ нимъ потряслась и воды рѣки всколыхались; народъ въ изумленіи простиралъ руки къ небу и взывалъ: Господи помилуй! Страхъ миновался; взволнованныя чувства народа успокоились, — Стефанъ велѣлъ рубить березу на части, разломать кумирницу, паносить сухаго хворосту, сдѣлать высокій костеръ и поджечь его: береза запылала неестественными огнями; черное облако дыму клубомъ поднялось на воздухъ и омрачило землю; трескъ и шумъ раздавались

далеко въ окрестностяхъ. Зыряне кидали безжалостно въ пламя домашнихъ своихъ пенатовъ, которыхъ боготворили въ язычествѣ! Наконецъ, когда все обреченное пламени, обратилось въ пепелъ, небо покрылось тучами, ударилъ громъ, полился проливной дождь, поднялась сильная буря, — вихрь развѣялъ потухшую золу, и не осталось даже пепла отъ кумирницы и березы прокудливой! Стефанъ съ умиленною молитвою обратился къ Богу, обѣщаясь на мѣстѣ идольскаго служенія и бѣсовскихъ чаръ воздвигнуть алтарь Единому Истинному Богу, «во имя Архангеловъ Михаила и Гавріила, да побѣждаютъ и прогоняютъ мечтательскую силу вражію.» Преданіе утверждаетъ, что мѣсто, гдѣ высилась береза, находится подъ діаконскимъ амвономъ въ нынѣшней церкви Архангеловъ на Устьвымѣ.— Когда кафедра Устьвынскихъ Архіереевъ была переведена на Вологду, Архангельскій Устьвынскій монастырь (*) сталъ именваться пустынею, которая была упразднена въ 1764 г.

2.) *Стефановская* пустыня была въ нынѣш-

(*) Въ главѣ—достопримѣчательности Устьвыма,—мы представимъ, по возможности, полную историческую записку этого монастыря.

немъ селѣ Вотчѣ, въ 50 верстахъ отъ Усть-сысольска. Время основанія ея неизвѣстно. Братія этой пустыни преимущественно заботились о духовномъ просвѣщеніи Зырянъ, живущихъ по Сысолѣ и Лузѣ. Пустыня зависѣла отъ Устюгской Епархіи и упразднена во второй половинѣ XVIII ст. Церковное пѣніе въ ней отправлялось на Зырянскомъ языкѣ.

3.) *Ульяновская* Спасская пустынь находилась въ погостѣ Ульяновѣ, въ 150 верстахъ отъ Устьсысольска, вверхъ по Вычегдѣ. Основана Стефаномъ для обращенія Зырянъ Верхневычегодскихъ; зависѣла сначала отъ Пермской и Устюгской Епархій, а потомъ была причислена къ Вологодской; упразднена до учрежденія монастырскихъ штатовъ.

4.) *Архангельскій* монастырь, по преданіямъ, былъ образованъ Стефаномъ въ Яренскѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится приходская церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Годы основанія и упраздненія этого монастыря неизвѣстны.

IX.

Умѣстное расположеніе обителей. Народное къ нимъ уваженіе. Дресніл церкви у Зырянъ. Чудотворныя образы. Преданія.

Въ современныхъ лѣтописяхъ мы не находимъ свѣдѣній ни о кругѣ дѣйствій трехъ послѣднихъ обителей, основанныхъ вскорѣ послѣ Устьвымскаго Архангельскаго монастыря, ни о средствахъ, которыми обезпечивалось ихъ существованіе, ни о благочестивыхъ подвигахъ ихъ братіи и начальниковъ, этихъ христіанскихъ подвижниковъ Стефановыхъ.—Умѣстное расположеніе обителей въ четырехъ противоположныхъ концахъ зырянскаго края, по рѣкамъ, гдѣ сосредоточивалось большее народонаселеніе, свидѣтельствуетъ мудрую предусмотрительность Стефана о благѣ церкви вообще и о прочномъ основаніи религіи въ особенности. Грубый народъ, новый въ вѣрѣ, легко могъ заблуждаться, и по своему толковать догматы исповѣдуемой вѣры; въ этомъ случаѣ обители были источниками Евангельской пищи для народа, а начальники ихъ и братія истыми ревнителями православія, разсѣяниками душе-

спасительныхъ вѣрованій, они укореняли въ народѣ религіозныя сѣмена, посѣянные Стефаномъ, обличали суевѣріе и предрассудки, свято и строго охраняли отъ прилива языческихъ мудрованій и отъ всего того, что не освящено законами христіанскими. Такимъ образомъ братія Устьвымскаго монастыря назидала духовными поученіями жителей селъ, ближайшихъ къ Устьвыму и преимущественно по Выми; монахи Яренскаго Архангельскаго монастыря заботились о духовномъ просвѣщеніи Зырянъ Нижневычегодскихъ; Вотчинская Стефановская пустыня водворяла христіанство по Сысолѣ и Лузѣ, а Ульяновская Спасская дѣйствовала въ этомъ же духѣ на верху Вычегды и по рѣчкамъ, въ нее впадающимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти обители пользовались такими же правами и преимуществами, какъ и Устьвымскій Архангельскій монастырь, — имѣли жалованья деревни, земли и поля, производили беспошлинную торговлю, которая въ древности принадлежала однимъ монастырямъ, и если не обогащались чрезъ нее, то всегда у нихъ были достаточныя въ рукахъ способы къ безбѣдному существованію. Набожность того вѣка, соединенная съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ жизни монашеской, надѣлала всѣ монастыри богатствами и сокровищами, которыя на долго

обеспечивали ихъ будущность, и первые—Великіе Князья отличались въ этихъ случаяхъ благочестивыми побужденіями; они осыпали милостями обителѣ, ни чего не жалѣли на процвѣтаніе храмовъ Божіихъ. Монастыри владѣли селами, богатыми пашнями и лугами, пользовались льготами, избавлялись отъ повинностей и налоговъ. Примеръ Великаго Князя находилъ усердныхъ подражателей въ боярахъ и гражданахъ именитыхъ, изъ которыхъ одни временно приносили обителямъ щедрыя жертвы, а другіе ежегодно присылали цѣнные дары на благолѣпіе церковное и вмѣстѣ на братскую трапезу.

Новообращенные, проникнутые чувствами живой вѣры и святостію ея обрядовъ, питали естественно омерзѣніе къ гнуснымъ оргіямъ язычества, силыгѣе привязывались къ ней, и эту привязанность старались доказать строгимъ выполненіемъ ея уставовъ, ревностію при построеніи церквей и усердіемъ къ общественному Богослуженію. Ненавистное идольское зловѣріе давало имъ чувствовать себя въ мерзостныхъ требищахъ и въ самомъ образѣ прежней жизни: они видѣли ясно превосходство Православной религіи предъ языческимъ нечестіемъ и, сравнивая свое настоящее положеніе съ прошедшимъ, съ временами, когда господствова-

да грозная власть волхвовъ на мятежномъ судѣ народномъ,— которому несвойственна осторожная осмѣрительность и гдѣ часто страдаетъ певинность, а порокъ остается безнаказаннымъ; — сравнивая строптивость и свирѣпыя ихъ наказанія съ кроткими увѣщаніями пастырей духовныхъ, съ тѣми заботами и попеченіями, которыя отцы церкви употребляли для благоденствія народа; представляя себѣ ихъ строгую набожность и нищелюбіе, которые были чужды волхвовъ, жадныхъ до пріобрѣтеній и корысти; представляя тѣ безмездныя пожертвованія, съ которыми они являлись на помощь несчастнымъ, постигнутымъ временными бѣдствіями и которыя вовсе не были извѣстны ихъ бывшимъ правителямъ,— Зыряне болѣе и болѣе убѣждались въ истинѣ Св. вѣры, въ умиленныхъ молитвахъ славословили Высочайшее существо— «Епѣ», воздвигали ему храмы, искренно и всею душою довѣрялись своимъ отцамъ духовнымъ. Обширная страна, лѣсистая и малонаселенная, но богатая всякаго рода естественными произведеніями, и въ особенності изобиловавшая дорогими пушными звѣрами, шкуры которыхъ въ Перми до XV вѣка ходили вмѣсто денегъ, давали имъ средства къ оплачиванію государственныхъ податей и вмѣстѣ доставляла всѣ матеріалы къ построенію церквей и приличному ихъ украшенію.

Здѣсь прѣстирались обширныя владѣнія Осколковыхъ, знатныхъ переселенцевъ Новгородскихъ, пеуступавшихъ въ промышленности и торговлѣ Строгоновымъ, сосѣдямъ—друзьямъ, поселившимся въ Сольвычегодскѣ. Богатства Осколковыхъ, по разсказамъ старожиловъ, равнялись со Строгоновскими,—и по этому немудрено, что приходская ихъ церковь отличалась особеннымъ благолѣпиемъ, которымъ не могли, за недостаткомъ средствъ, хвалиться прочіе зырянскіе храмы. Государи Русскіе, возбуждая народную любовь къ уважаемымъ храмамъ, приносили имъ въ даръ драгоценныя сосуды, а благочестивыя супруги ихъ — труды своихъ рукъ: покровы бархатныя, воздухи и пелены, шитыя золотомъ и шелками. Въ Цилибѣ есть, говорятъ, бархатная пелена, пожертвованная одною изъ супруговъ Іоанна Васильевича Грознаго.

Иртовская, въ 17 верстахъ отъ Яренска; въ ней находится чудотворный образъ Спаса Нерукотвореннаго, написанный въ большомъ размѣрѣ, въ древнемъ Византійскомъ стилѣ. Живописцемъ этого образа молва народная признаетъ Св. Стефана. Въ Иртовской церкви есть деревянное паникадило, чудной рѣзной ра-

боты, хитросложенное и вычурное; работа, говорятъ, мѣстнаго мастера; давность ея полагають въ 150 лѣтъ.

Палевницкая, въ 10 верстахъ отъ Устьвыма. О древности ея можно судить по тому, что въ церковной архивѣ находили недавно грамоты за греческою подписью Епископа Питирима, четвертаго Іерарха Устьвымскаго; значить основаніе ея можно отнести къ первой половинѣ XV-го столѣтія.

2.) На Удорѣ:

Весленская, уважаемая народомъ съ давнихъ временъ, какъ владѣющая рѣдкою святынею — явленнымъ чудотворнымъ образомъ Святителя Николая.

Косланская, — въ ней находится много древнихъ образовъ. На Косланской колокольнѣ есть колоколъ Голландской работы, литый въ XVI вѣкѣ.

Къ описанію древнихъ церквей Яренскаго уѣзда прибавимъ еще сказаніе о крестѣ, поставленномъ Св. Стефаномъ на Венъденгѣ, въ уѣздѣ. Проповѣдникъ, повѣствуетъ преданіе,

работалъ его самъ, вырѣзалъ на немъ какую-то надпись, и поставилъ его въ новую часовню, построенную Удорцами. Въ продолженіи 4-хъ слишкомъ вѣковъ время разрушило нѣсколько часовенъ на Венденгѣ, но къ кресту до сихъ поръ не прикоснулась разрушительная сила тлѣнія и, какъ утверждаютъ мѣстные жители, сгорѣло много часовенъ, — но крестъ оставался цѣль и невредимъ. Въ настоящее время весьма трудно прочесть надпись на немъ; во многихъ мѣстахъ вырѣзанныя буквы сгладились, и, главное, неизвѣстно, — на русскомъ или на зырянскомъ языкѣ сдѣлана она?

Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ древнѣйшими почитаются церкви:

3.) По Сысолѣ и Лузѣ:

Вотчинская — въ селѣ Вотчѣ, которое въ древнихъ грамотахъ именовалось затиннымъ городкомъ; она вскорѣ обращена была Стефаномъ въ пустыню.

Визенгская на рѣкѣ Визенгѣ, впадающей въ Сысолу.

Пыелдинская.

Гривенская.

Ужгинская — въ селѣ Ужгѣ, которое называлось городкомъ затиннымъ. Въ ней существуютъ донынѣ позолоченныя царскія врата, деревянные, рѣзной работы, пожертвованныя Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.

Койгородская, — въ селѣ Койгородскомъ, гдѣ существовалъ по лѣтописямъ городокъ Китьень.

4.) По Вычегдѣ и Вишерѣ:

Пезмогская — въ 50 верстахъ отъ Устьысольска, вверхъ по Вычегдѣ.

Ульяновская, — при которой основана пустыня. Въ ней находится, по однимъ сказаніямъ, явленный образъ Спаса Всемиловитаго — св. Убрусь, а по другимъ приложенный Стефаномъ при построеніи храма.

Вишерская, — едвали не первая послѣ Ульяновской, въ глубокой древности уже пользовалась, преимущественно предъ другими церквами Устьысольскаго уѣзда, всеобщимъ уваженіемъ Зырянъ. Народныя преданія такъ говорятъ объ основаніи ея. Вишерцы, самые упор-

ные, самые закоренѣлые идолопоклонники, усердные почитатели волхва Пама и сильные его защитники, послѣ того какъ грозный чародѣй, по молитвѣ Стефана, былъ лишенъ силы волхвованія и всенародно посрамленъ имъ въ прешіяхъ о вѣрѣ, — отвергли языческія требища, приняли св. крещеніе и славословили Бога въ часовнѣ, ими построенной. Однажды, послѣ утренней молитвы, они увидѣли лодку, плывущую противъ воды по р. Вишерѣ. Въ лодкѣ не было сѣдока, но на противоположномъ берегу рѣки стоялъ сѣдовласый старецъ, и грозно приказывалъ народу чествовать драгоценное сокровище, которое Богъ посылаетъ землѣ Вишерской... Лодка пристала къ берегу, старецъ скрылся. Народъ, дивясь чуду, какъ лодка сама по себѣ могла плыть противъ воды, смутился. Угрожающія рѣчи неизвѣстнаго старца предвѣщали что-то таинственное. Изумленные Вишерцы подошли къ лодкѣ съ трепетомъ, и увидѣли драгоценное сокровище — Икону Богородицы, «чуднаго письма», предъ которою горѣла восковая свѣча. Страхъ смѣнился духовною радостію, и Вишерцы благоговѣнно перенесли икону въ часовню, векорѣ построили церковь, и освятили ее именемъ явленной Матери Божіей. Слава о чудесахъ ея распространилась въ края отдаленные: не гово-

ря о Зырянахъ, многіе жители Архангельской и Олонецкой губерній часто притекали на Вишеру просить помощи у Небесной Заступницы: одни получали невидимое вспоможеніе, успѣхи въ быту домашнемъ, счастливые торговые обороты, а другіе, гораздо большіе, изцѣленіе отъ тяжкихъ болѣзней. Одно преданіе поясняетъ, что старецъ, сопровождавшій лодку, былъ Святитель Николай, а другое, — что это былъ Святитель Стефанъ, преставившійся около того времени. Къ 8 Сентября, къ дню, какъ полагаютъ, явленія иконы на Вишеру, каждогодно прибѣгалъ до начала обѣдни красивый олень, котораго Зыряне съ священными обрядами приносили въ жертву Богородицѣ. Мясом оленя дѣлили на равныя части, уносили въ дома и хранили, какъ святыню, на случай болѣзней и для промысловъ. Лѣтъ 150 тому назадъ олень что-то долго не являлся къ урочному часу. Духовенство ждало сго и не начинало обѣдни; крестьяне молили Пресвятую Богородицу ускорить явленіе жертвеннаго звѣря. Наступилъ полдень; пришла пора вечерняя,—олень не было: уже отгаевались видѣть, думали, что прогнявили грѣховною жизнію Небесную Царицу,—и приступили къ Богослуженію... Въ срединѣ церковной службы прибѣгаетъ олень, весь мокрый и покрытый пѣ-

ною, какъ бы отъ продолжительнаго бѣга и, видя, что обѣдни начата, ударился въ паперти о помость, убился, — и съ тѣхъ поръ явленіе оленя прекратилось. Въ Вишерской церкви хранится верхняя часть рога одного жертвеннаго звѣря, съ пятаю, на подобіе пальцевъ, отраслями, близко похожая на кисть согнутой руки. Набожные Ижемцы, владѣтели многочисленныхъ стадъ оленей, ихъ главнаго богатства, часто прїѣзжая на поклоненіе Вишерской Богородицѣ, старались увозить съ собою кусочки этого рога, толкли ихъ въ порошокъ, который служилъ спасительнымъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ скотскихъ болѣзней и вмѣстѣ предохранялъ домашнихъ животныхъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей. Въ самой Вишерѣ не помнятъ, чтобъ когда либо эти звѣри вредили домашнему скоту, между тѣмъ какъ здѣшняя мѣстность, дикая и лѣсистая, есть привольное для нихъ виталище.

Устькуломская, въ 175 верстахъ отъ Усть-сысольска, вверхъ по Вычегдѣ. Въ преданіяхъ о построеніи этой церкви видна также чудесность, какъ и въ Вишерской. Обширное и многонаселенное село Устькуломъ раздѣляется не большимъ ручейкомъ на два конца, вдоль по теченію Вычегды. Когда жители села возы-

Х.

Последніе годы управленія Стефана Пермскою Епархією. Конгина благодѣтеля Перми Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго. Стефанъ въ Москву и Твери. Раззореніе Вятки Татарами. Грабежи и разбои Вятчанъ по Сысолъ и Лузъ. Стефанъ отправляется въ Москву. Прощаніе его съ Устьевымскою паствою. Недугъ Стефана и блаженная его конгина. Плачь Земли Пермскія о смерти Стефана.

Чистый духъ христіанства, еще при Стефанѣ замѣтно отразившійся въ правдивной сторонѣ жизни повопросвѣщенной паствы, въ ея семейномъ и общественномъ быту, свидѣтельствуетъ о правильномъ религіозномъ направленіи, которое въ самомъ началѣ далъ ей проповѣдникъ. Вкратцѣ мы исчислили его неутомимые Архипастырскіе труды о духовномъ просвѣщеніи народа, на которое въ высшей степени была устремлена его дѣятельность; высказали отеческія заботы его о благоденствіи вообще всего Пермскаго края, вынаруживающія щедрую благотворительность и глубокое нищелюбіе — благотѣльные средства, которыми онъ снискалъ народную къ себѣ привязанность и общее расположеніе умовъ; показали его неусыпную попечительность въ несчастіяхъ страны, гдѣ онъ

являлся ходатаемъ и защитникомъ народа предъ Великимъ Княземъ и мѣстными чиновниками: теперь обратимся къ послѣднимъ годамъ управленія его Устьвымскою Епархією, богатымъ важными историческими событіями.

Въ 1389 году Стефанъ оплакалъ своего вышескаго благодѣтеля— Великаго Князя Димитрія Іоанновича, всегда къ нему ласковаго и благоклоннаго, оказавшаго столько милостей новообразованной Епархіи, что существованіе ея въ будущихъ вѣкахъ могло считаться совершенно упроченнымъ. Стефанъ скорбѣлъ душою о такой чувствительной утратѣ для Государства Россійскаго, проливалъ слезы и молился о упокоеніи души Государя набожнаго и добродѣтельнаго; молился о здравіи его юнаго сына, наследника Престола, котораго онъ видѣлъ въ Москвѣ еще молодымъ отрокомъ; молился, чтобъ любовь отца, въ отношеніи къ нему, перешла и къ сыну. Вскорѣ представился Стефану случай видѣть Государя въ Москвѣ и быть отъ него обласканнымъ. Всѣ заслуги Стефана были въ молодости извѣстны Василю Димитріевичу, и онъ питалъ къ проповѣднику такое же уваженіе, какъ и отецъ, отличавшій при жизни своей только двухъ достойныхъ мужей.—Сергія Радонежскаго, Игумена Троицкаго и Стафана, Свя-

тителя Пермскаго. — Случай этотъ былъ изъ числа церковноіерархическихъ, и для насъ замѣчательнъ тѣмъ, что показываетъ участіе Стефана въ духовно-судныхъ дѣлахъ Московской Митрополіи. Митрополитъ Кипріанъ вызвалъ его изъ Перми на Соборъ, противъ Епископа Тверскаго Евфимія Висленя, обвиняемаго въ несоблюденіи уставовъ церкви. Въ лѣтописяхъ этого времени мы читаемъ: «въ лѣто 6898 (1390 г.) позванъ бысть Кипріянь Митрополитъ на Тѣрь Великимъ Княземъ, ... а съ нимъ два Митрополита Гречина, Матѣей и Никандръ Гаанскій, Владыка Михайль Смоленскій, Стефанъ Пермскій, ... Архимандриты, Игумены... и начаша жаловатись о мятежи церковнѣмъ на Евфимія, Епископа Божія Тѣриграда... Митрополитъ же совокупи Соборъ нача судити, и не обрѣтесе у Евфимія правда во устѣхъ его... суди по правиломъ Св. Отецъ Сѣборомъ, и извергоша его...» Новыя милости Великаго Князя, которыми онъ желалъ доказать любовь къ Святителю Пермскому, и богатые дары бояръ и людей именитыхъ, коими они усердствовали вознаградить труды и благочестіе проповѣдника, сопровождали Стефана въ Устьвымскую Епархію. Святитель утѣшался мыслію, что эти цѣнныя дары доставятъ ему возможность для большихъ благотвореній

сѣдственныхъ. Стефанъ дорожилъ близостію этой предприимчивой страны, и настоящее несчастье ея падало нѣкоторымъ образомъ и на Пермскую землю: онъ зналъ, по вѣрнымъ источникамъ, какъ страшны и тягостны бывають нашествія Татарскія, и потому справедливо предполагалъ, что раззореніе Вятки повлечетъ за собою упадокъ мѣстной промышленности въ прилежащихъ къ ней деревняхъ зырянскихъ и, — слѣдовательно, породить бѣдность. Торгуя по Лузѣ и Сысолѣ, Вятчане много способствовали къ украшенію здѣшнихъ храмовъ, благодѣтельствовали Зырянамъ, честно покупали у нихъ промыслы; но бѣдствіе, постигшее страну, имѣло на нихъ изгубное вліаніе. Всѣ предположенія Святителя сбылись съ горшими послѣдствіями. Жители раззоренныхъ городовъ Вятскихъ многочисленными толпами нахлынули въ сѣдственныя деревни Пермскія, просили крова и пищи, а индѣ силою отнимали требуемое: они сдѣлались грабителями. Страхъ и злоба, естественныя слѣдствія несчастій народныхъ, помрачая природныя нравы и добродѣтели, производятъ ожесточеніе сердець и ужасную свирѣпость, поражаютъ умы нечувствительностію къ обидамъ и страждущему человечеству... Такъ, Вятчане были прежде благотворителями Зырянъ, учителями въ торговыхъ

оборотахъ, служили имъ примѣромъ благочестивыхъ побужденій, — теперь же испытать превратность судьбы, явились къ нимъ не съ миролюбивымъ прошеніемъ помощи, не съ мольбами объ участіи въ ихъ горестномъ положеніи, но какъ хищники и разбойники, какъ грубые дикари, не имѣвшіе никогда понятія о правахъ чести и собственности! Стефанъ поспѣшилъ на защиту Сысольскаго и Лузскаго края отъ притѣсненій ожесточенныхъ сосѣдей; усмирилъ ихъ силою Евангельскаго слова, унялъ разбой и грабежи, доставилъ спокойствіе народу, водворилъ опять прежній порядокъ. Вятчане ушли въ свои раззоренные города и, соединившись вмѣстѣ съ Новгородцами и Устюжанами, отомстили Татарамъ, — сожгли много ихъ городовъ по Волгѣ и возвратились домой съ богатою добычею, радуясь счастію, доставившему имъ средства возобновить разрушенное непріателемъ.

Наступилъ 1396 г., послѣдній въ жизни проповѣдника. Душевные огорченія и 20 лѣтніе труды уже много изнурили его силы тѣлесныя. Митрополитъ Кипріанъ вызвалъ его въ Москву для какихъ-то исправленій церковныхъ. Святитель зналъ, по отерovenію, что онъ умретъ въ Москвѣ, и предчувствовалъ, что

это путешествіе его будетъ послѣднее. Собираясь въ путь, онъ собралъ въ Устьвымѣ большую половину паствы, поучилъ ее долго «отъ писаній Божественныхъ и отъ посланій Апостольскихъ», наказывалъ свято блюсти христіанскую вѣру, щедро одарилъ бѣдныхъ и заключилъ бесѣду предсказаніемъ о близкой своей кончинѣ... Прощаясь и благословляя своего любимаго Рувима, думая о томъ, что навѣки разстанется съ этимъ первенцемъ, Стефанъ измѣнилъ обычной твердости и... заплакалъ. Вся паства зарыдала горестно. Зыряне видѣли, кого лишались въ немъ, называли его нѣжными ласкательными именами, не находили словъ къ выраженію его заслугъ и добродѣтелей,—жалобные стоны и плачъ тысячи голосовъ заглушали прощальныя рѣчи Стефановы. Стефанъ, взглянувъ взоромъ праведника на церкви и монастырь, имъ созданные, благословилъ ихъ, троекратно благословилъ паству и весь Устьвымѣ, и выѣхалъ изъ города. Тысячи бѣжали провожать св. отца и благодѣтеля съ жалобными стопами и причетами.—Прибывъ въ Москву, Стефанъ заболѣлъ легкимъ недугомъ и преставился 26 Апрѣля 1396. Душевные потрясенія и продолжительный путь, сопряженный, по тогдашнему времени, со многими неудобствами, ускорили его

кончину. Великій Князь, Митрополитъ, знатные бояре и люди всѣхъ званій стеклись на погребеніе Святителя Пермскаго, и «съ великою честію» погребли его въ монастырѣ Спаса.

Елифаній, сотрудникъ и другъ Стефановъ, сочинилъ въ память ему «плачь земли Пермскія о смерти Святителя Стефана», который мы помѣщаемъ здѣсь, чтобъ показать, какъ высоко цѣнили Зыряне заслуги своего просвѣтителя.

«Гоперво остахомъ добра промысленика и хощатая, иже къ Богу моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а къ Князю о жалобѣ нашей, и о сльготѣ и о пользѣ нашей; къ боляромъ же, къ началомъ—властелемъ міра сего былъ намъ заступникъ теплый, многажды избавляя ны отъ насилій и работы и тивунскыя продажи, и тяжкія дани облегчая ны... Но и сами тии Новгородци, ушкуйницы, разбойницы, словесы сего увѣщевани бываху, еже не воевати ны.... Быхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ и нозычникомъ: Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пипезѣ... Еретицы, душегубцы, разбойницы, иноязычницы Гогуличи (Вогуличи) наступаютъ; рать еретиковъ наступаетъ: а воеводы нѣсть, иже бы ихъ порокомъ духовнымъ разшибалъ...

XI.

Предѣлы церкви Стефановой. Мѣстныя названія народовъ Перми и сосѣдственныхъ съ ней. Причины быстрыхъ успѣховъ проповѣди. Важность учрежденія школъ. Природные пастыри изъ Зырянъ.

Для полноты разсказа нашего объ основаніи Пермской Епархіи остается еще обозначить предѣлы ея и указать мѣстность, которою она ограничивалась; поименовать народовъ, населявшихъ Пермь при проповѣдникѣ и назвать мѣста ихъ жительства; познакомить читателя съ зырянскими письменами и высказать необходимость изобрѣтенія ихъ и вмѣстѣ важность перевода Богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ, сдѣлать критическій обзоръ древнихъ переводныхъ образцовъ въ сравненіи съ новѣйшими, — и въ заключеніе объяснить причины утраты зырянской письменности.

Пользуясь историческими указаніями и современными лѣтописями, въ слѣдующихъ главахъ мы постараемся развить эти интересныя положенія, по сущности весьма важныя и для исторіи и для этнографіи зырянскаго края. Доводы наши, основанныя на многолѣтнихъ ученыхъ изысканіяхъ, представляемъ на судъ

читателей, предупреждая ихъ при этомъ, что мы весьма далеки отъ того, чтобъ думать о непогрѣшительности ихъ и отнюдь не смѣемъ считать ихъ неопровержимыми. Сбивчивость и темнота въ лѣтописяхъ этого запутаннаго періода зырянской исторіи и самое разногласіе о немъ новѣйшихъ писателей, убѣждаютъ насъ, что, быть можетъ, и собственное наше мнѣніе не выдержитъ строгой критики. Всякій, имѣя подъ рукой болѣе или менѣе источниковъ, объясняющихъ какое либо спорное мѣсто въ исторіи Зырянъ, воленъ по своему излагать доводы и судить о нашемъ мнѣніи pro или contra: мы останемся благодарны, если намъ укажутъ недостатки и промахи при изслѣдованіи темныхъ вопросовъ этой исторіи.

При обозначеніи предѣловъ церкви Стефановой, преимущественно предъ другими писателями, мы должны руководствоваться Епифаніемъ. По словамъ сего, проповѣдь Стефана достигла до самыхъ отдаленныхъ концовъ зырянскаго края: съ одной стороны,—отъ устья Вычегды до верховьевъ ея и далѣе, даже до границъ Перми Великой, «глаголемой Чусовой,» на пространствахъ слишкомъ 1500 верстъ; если включимъ сюда все притоки Вычегды, гдѣ населеніе было также значительно при Стефанѣ, то

это пространство увеличится больше, чѣмъ вдвое; съ другой, — отъ устья Выми до Мезени, Удоры и Печоры, разстояніе между которыми приблизительно можно опредѣлить среднимъ числомъ въ 2000 верстъ. По обширной мѣстности можно судить и о предѣлахъ церкви Стефановой. Она заключалась въ четырехъ величайшихъ уѣздахъ Европейской Россіи — Сольвычегодскомъ, Яренскомъ, Устьысольскомъ (Вологодской губерніи) и отчасти Мезенскомъ (Архангельской губерніи): пространство необъятное, на которомъ въ короткое время, при неутомимой духовной дѣятельности Стефана, утвердилось православіе! Проповѣдникъ неминуемо долженъ былъ преодолѣть на пути тысячи преградъ, поставленныхъ здѣсь природою, испытать и перенести всякаго рода неудобства и лишенія, безстрашно пройти всѣ опасности и потомъ уже ждать вѣнца святому своему призванію: въ этомъ отношеніи заслуги его справедливо составляютъ величіе Апостольскихъ подвиговъ, недостижимыхъ никакими человеческими усиліями!

Монахъ Епифаній такъ описываетъ Пермь, мѣстныхъ ея жителей, а также и сосѣдственныхъ съ ней:

Имена мѣстомъ и странамъ и землямъ, иноязычникомъ, живущимъ въ Перми и кругъоколо ся Перми: Двиняне, Устюжане, Вилежане, Пинегжане, Югжане, Сырьяне (*), Гайняне (Гайяне, Гайане), Вятчане, Лопъ, Корѣла, Югра, Вишера, Печера, Вогуличи (Вогулицы, Гогоуличи), Самоядь, Пертасы, Пермь Великая, «глаголемая Чусовая»,... Рѣка же едина — Вымь; сія обходитъ всю землю Пермскую, и внидетъ въ Вычегду; рѣка же другая — Вычегда; сія исходитъ изъ земли Пермскія, шествуетъ къ сѣверной странѣ и своимъ устіемъ внидетъ въ Двину, ниже града Устюга Великого за сорокъ верстъ. А съ другую страну въ Перми рѣка, нарицаемая Вятка, внидетъ въ Каму; рѣка же четвертая, именемъ Кама, падетъ на Волгу, Волга падетъ въ море Чермное; сей убо обходящей и проходящей всю землю Пермскую сквозѣ вѣсей: по ней же многи языцы; тамо же верху рѣки Чердынъ, гдѣ живетъ народъ Пермскій, и земли многія суть, и Пермь, глаголемая Чусовая... Всякому же человѣку, хотящему шествовати въ Пермскую землю, удо-

(*) Въ иныхъ лѣтописяхъ они называются Серьяне, Сыриане. Въ слѣдующей главѣ мы познакомимъ читателей съ этими Сырьянами.

бенъ путь есть отъ града Устюга рѣкою Вычегдою вверхъ, дондеже увидеть въ самую Пермь....»

Но, къ сожалѣнію, за описаніемъ мѣстности и народовъ Перми, мы не находимъ у Епифанія числа всѣхъ язычниковъ, обращенныхъ Стефаномъ въ христіанство; тогда бы мы имѣли понятіе объ общемъ ея населеніи и знали бы мѣста, гдѣ сосредоточивалось главнѣйшее народонаселеніе края. Безъ сомнѣнія, это число доходило до значительной цифры, судя по монастырямъ, пустынямъ и церквамъ, основаннымъ при Стефанѣ. Нельзя не удивляться при семъ той быстротѣ, съ которою явились эти высокія эмблемы христіанства въ селахъ не только ближайшихъ къ Устьвыму, но и въ самыхъ отдаленныхъ,—въ дикой глуши, въ слѣдствіе затруднительныхъ путей сообщенія, едва доступной и въ настоящее время: въ Вишерѣ, Венденгѣ и Печорѣ. Въ этихъ мѣстахъ грубаго язычества, въ этомъ притонѣ страшныхъ волхвованій и грозныхъ чаръ, вмѣсто кумирницъ, гдѣ совершались идольскія требища, на пеплѣ ихъ вскорѣ возвысились храмы Божіи и часовни; въ поляхъ, на выгонахъ и на перекресткахъ дорогъ—кресты: однимъ словомъ и здѣсь не осталось ничего, что напоминало бы

пытствомъ знакомились съ зырянскими письменами, изобрѣтенными учителемъ, затверживали начертаніе буквъ и переходили къ чтенію божественныхъ книгъ, имъ переведенныхъ. Эти книги, распространяя кругъ богословскихъ свѣдѣній учениковъ, употреблялись болѣе при Богослуженіи; не менѣе того они предназначались и для домашняго назиданія каждаго въ вѣрѣ, особенно безграмотныхъ, коимъ дѣти читали ихъ въ быту семейномъ. Польза такого чтенія была очевидна: оно, какъ богатый источникъ для благочестивыхъ религіозныхъ мысленій, усугубляло ревность Зырянъ къ Богу и укореняло благія сѣмена христіанства, посѣянные Стефаномъ. Въ первыя семь лѣтъ проповѣди, Стефанъ образовалъ въ школахъ Устьвымскихъ многихъ достойныхъ юношей, вполне усвоившихъ Евангельское ученіе и, посвятивъ во іереи и діаконы, поручалъ имъ священную обязанность наставлять и просвѣщать другихъ въ вѣрѣ, строго блюсти и охранять данную имъ паству отъ вреднаго прилива языческихъ предразсудковъ. Воспитанные въ духѣ набожности и въ правилахъ высокаго христіанскаго благочестія, примѣромъ котораго былъ самъ наставникъ, дѣти выходили изъ школъ съ чистыми религіозными понятіями, съ мыслями и мнѣніями, къ которымъ не при-

вилось ничего языческаго и здравый смыслъ коихъ понимали самыя закоснѣлыя идолопоклонники, зараженные языческими мудрованіями; эти послѣдніе сначала отвергали христіанское ученіе,—но будучи убѣждаемы природными пастырями, они признавались въ заблужденіяхъ, которыхъ прежде держались упорно; видѣли бездну грѣховную, куда влекла ихъ вѣра отцовъ; страшились тмы ада, въ которой властвовали боготворимые ими ранѣе духи, и всею силою любви искренней привязывались къ Богу истинному. — Духовныя лица, призванныя Стефаномъ на трудный подвигъ просвѣщенія Перми, имѣли въ природныхъ пастыряхъ усердныхъ сотрудниковъ, и только при ихъ помощи, при ихъ вразумительномъ объясненіи туземцамъ Священнаго Писанія достигали желаемыхъ успѣховъ проповѣди. По указанію Стефана, отправляясь вмѣстѣ съ ними въ отдаленныя села и веси зырянскія, они распространяли тамъ слово Божіе столь быстро, что успѣхъ, судя по прежнему упорству народа въ язычествѣ, превосходилъ ожиданія проповѣдниковъ. Избранные ученики Стефановы, по рожденію, имѣли важное превосходство предъ чуждыми пастырями, незнакомыми ни съ языкомъ, ни съ нравами и обычаями народа. Зыряне уважали и любили ихъ, какъ родныхъ; безбоязненно бесѣ-

довали съ ними о вѣрѣ, и вѣрили имъ, какъ землякамъ; ихъ голосъ, ихъ убѣдительныя рѣчи, понятныя каждому, часто преклоняли къ вѣрѣ правой закоренѣлыхъ идолопоклонниковъ, на которыхъ никакъ не могли подѣйствовать спасительныя воззванія чуждаго духовенства,—а это явно обнаруживало народную недовѣрчивость съ лицамъ постороннимъ.

Не ослабляя достоинствъ сподвижниковъ, не уменьшая нисколько ихъ святой ревности въ дѣлѣ проповѣданія и тяжелыхъ трудовъ, естественно сопряженныхъ съ званіемъ проповѣдниковъ Слова Божія, тѣмъ болѣе не унижая нисколько истинныхъ заслугъ самаго Стефана, высокая знаменательность которыхъ равняется славѣ Апостольской, — мы имѣемъ основательный поводъ предполагать, что успѣхи христіанства въ предѣлахъ, столь обширныхъ, единственно зависѣли отъ этихъ избранныхъ питомцевъ Стефановыхъ. Они положительно знали характеръ и привычки своихъ земляковъ, были коротко знакомы съ семейнымъ и общественнымъ ихъ бытомъ, куда рѣдко проникалъ пытливый взоръ наблюдателя чужеземнаго, мѣтко и вѣрно попадали на счастливыя врожденные наклонности, одобряли ихъ словомъ и примѣромъ Евангельскимъ, общали за то

награду небесную, и, слѣдовательно, затрогивали самую чувствительную струну народа... Отрывали и слабую его сторону, во всей наготѣ представляли недостатки и пороки нравственные, мрачными чертами описывали ихъ гнусность, грозили за то праведнымъ гнѣвомъ Божиимъ и умѣли, такимъ образомъ, заронить въ души язычниковъ мысль о единствѣ Божества, умѣли направить ихъ умъ и сердце къ истинному познанію Творца вселенной.

ХII.

Древніе предѣлы Біарміи. Пермь въ IX вѣкѣ. Предѣлы Перми при Стефанѣ. Народы, обитавшіе собственно въ ней и сосѣдственные. Сыръяне. Объясненіе нарицательныхъ народа, гуждаго — Зыряне и туземнаго — Коми. Значеніе словъ: Біармія и Пермь.

По описанію Елифанія, предѣлы Перми ограничивались четырьмя рѣками: изъ нихъ—Вятка и Кама текли съ сѣвера на югъ, а Вымь и Вычегда съ востока на сѣверъ. Съ перваго взгляда на карту Россіи XIV вѣка, подобное распредѣленіе границъ, судя по географическому положенію этихъ рѣкъ, недаетъ яснаго по-

нїя о пространствѣ, которое занимала Пермь въ тогдашнее время. Это, какъ надобно полагать, произошло отъ ошибки автора, мало знакомаго съ мѣстностію страны, и оттого обозначавашаго въ ней только главнѣйшія рѣки, на коихъ сосредоточивалось большее народонаселеніе Пермскаго края. Чтобъ имѣть приблизительно вѣрное понятіе о предѣлахъ Перми XIV вѣка, обратимся къ тому времени, когда она впервые стала извѣстна иностранцамъ. Древнѣйшія свѣдѣнія о Перми находимъ у Норвежскаго мореходца Отера (*). Такъ, въ IX вѣкѣ обширная и многочисленная Біармія или Пермь, уже славная богатствами природы и промышленностію жителей, граничила къ сѣверу съ Гандвикомъ или Бѣлымъ моремъ и Сѣвернымъ океаномъ; къ востоку съ Печерою, Самодыю и Югрою; къ югу съ Болгаріею, Черемисою, Муромою и Мерею; къ западу съ Весью и Корелою или Киріаландіею. Въ ней обитали тогда многочисленныя племена Пермскія, говорившіе между собою столь сходственнымъ языкомъ, что корнемъ ихъ современники называли Финновъ, первобытныхъ обитателей этихъ мѣстъ въ вѣка отдаленные. Расселившись на такомъ огромномъ пространствѣ, Финны, какъ народъ

(*) Исторія открытій на сѣверѣ, Форстера.

грубый и дикій, незнакомый съ мирною гражданскою жизнью и невѣдавшій порядка и удобствъ, свойственныхъ обществамъ благоустроеннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ суровый и воинственный, часто ссорились, воевали между собою и, въ слѣдствіе этихъ междоусобныхъ распрей, бурныхъ переворотовъ, незамѣченныхъ въ глубинѣ сѣвера Исторіею, раздѣлились на многія отрасли и племена, которыя удержали за собой мѣстныя названія отъ рѣкъ, по берегамъ коихъ простирались ихъ жилища, и наконецъ подъ этими названіями ихъ узнали современники. Съ вѣками предѣлы Біарміи значительно уменьшились отъ завоеваній Новгородскихъ ушкуйниковъ, покорившихъ многихъ ея народовъ во имя славнаго Новгорода. Однакожъ, по именамъ народовъ, изчисляемыхъ Епифаніемъ, мы безошибочно можемъ обозначить границы Перми и отличить мѣстныхъ ея жителей отъ сосѣдственныхъ. Народы, собственно наполнявшіе Пермь, были: Вычегжане, Вымичи или Емцы (*), Вилегжане, по р. Виледи въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Вишера по р. Вишерѣ, Сыръяне, Пертасы и Пермьки по рр. Камѣ и

(*) Рѣка *Вымь* по Зырянски называется: Емъ-ва — игда рѣка, по причинѣ быстрого ея теченія; село Усть-Емъ-Емъ-дынъ, жители по ней — Емцы.

Чусовой (**). Въ сѣверныхъ предѣлахъ Перми обитали отчасти Печера и Самодѣ, а въ восточныхъ — Вогуличи и Югра. Кто такіе *Пертасы*, — это пока остается историческою загадкою. Народъ этотъ или исчезъ съ лица земли, подобно древнимъ Обрамъ, или смѣшался съ другими сосѣдственными и, потерявъ собственное нарицательное, усвоилъ чуждое, — или же имя этого народа было случайное, вымышленное, въ родѣ тѣхъ забавныхъ прозвищъ, которыя, рѣзко характеризую жителей какого либо мѣста, у всѣхъ народовъ сплошь и рядомъ придаются въ такихъ эпитетахъ: Сермяжники, Кулажники, Телятники, Ершофды и подобныя. — Народы сосѣдственные Перми: Печера, Самодѣ, Вогуличи, Югра, Вятчане, Гаіяне, — это, думаемъ, нынѣшніе Кайгородцы, жители города Кая, Вятской губерніи, — Южане по р. Югу, Устюжане, Пинежане, Двиняне, Лопь, — нынѣшніе Лопари и Корела, обитавшая по берегамъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ и далѣе къ сѣверу отъ нихъ вплоть до Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Такимъ образомъ Пермь XIV

(**) Народы Пермїи и другихъ окрестныхъ земель по Степенной книгѣ: Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гагане, Вятчане, Корела, Югра, Печера, Вогулицы, Самодѣ. Пертасы, Пермь, Гамаль, Чусовая.

вѣка на сѣверѣ простиралась отъ Бѣлаго моря къ востоку до горъ Уральскихъ; на востокѣ граничила съ Ураломъ; на югѣ землями Вятчанъ и Ростовскимъ Великимъ Княжествомъ; на западѣ землями Южанъ, Устюжанъ, Новгородцевъ, Лопи и Корелы, гдѣ границами были рѣки Двина, Пинега и Онега. — Что за народъ *Сырѣяне*, — это вопросъ историческій, разрѣшеніе котораго, за отсутствіемъ вѣрныхъ фактовъ, нигдѣ не найдено твердой опоры и ни на чемъ не можетъ быть основано, какъ только на одной филологіи зырянскаго языка. Разумѣется, такое разрѣшеніе поведетъ за собою догадки и споры, разногласныя мнѣнія и предположенія ученыхъ оріенталистовъ: тогда наше дѣло будетъ согласить эти противорѣчія неоспоримыми доказательствами, утишить толки и споры, примирить темныя крайности. Предметъ этотъ, по своей важности и индивидуальности, требуетъ особеннаго критическаго взгляда и внимательнаго обсужденія, а не изслѣдованія поверхностнаго, — и въ нашей статьѣ занялъ бы много мѣста, еслибъ мы распространились о немъ.

Сырѣяне, Серѣяне, Сырѣяне, Сыране, — эти имена суть первообразы нынѣшняго нарицательнаго Зырянъ, корни, отъ которыхъ надобно производить названіе этаго народа. Это мы

постараемся доказать такими доводами, истина коихъ будетъ очевидна для каждаго, кто сколько нибудь знакомъ съ зырянскою филологією, на которой они основаны.— Гг. Зырянофилы,—уступавшіе, быть можетъ, только знаніемъ дѣла извѣстнымъ Славянофиламъ, а не дѣятельностію, — не находя нигдѣ достаточныхъ указаній къ объясненію народнаго имени Зырянъ, общими усиліями единогласно утвердили производство его отъ зырянскихъ глаголовъ *Зырьны*, *Зыредны* — притѣснять, вытѣснять, быть стѣсняему, и отсюда рѣшили, что Зыряне были или вытѣснены кѣмъ-то и когда-то, очень давно, во времена до-историческія, или же сами вытѣснили другихъ какихъ-то народовъ и, согласнo съ своимъ положеніемъ, по этимъ обстоятельствомъ, *quasi ergo* получили названіе или вытѣсненныхъ, или вытѣснившихъ.... Мнѣніе Гг. Зырянофиловъ подтверждалось еще слѣдующимъ аргументомъ, столько же основательнымъ, какъ и производство нарицательнаго народа: Зыряне сами себя называютъ *Коми*, что, по созвучію, близко похоже на Каму; да и Кама рѣка по зырянски называется Комъю, вся Пермская губернія—Комъ-му Пермская сторона, земля; ну, и думать нечего: значитъ, Зыряне непременно были вытѣснены съ береговъ Камы рѣки. А когда и кѣмъ, могло ли это

быть и не быть, объяснять не надобно: кто же будетъ разбирать дѣла давно минувшихъ лѣтъ, и дѣла въ добавокъ, темныя, неизслѣдованныя, запутанныя; кто же стапетъ доискиваться тайнаго смысла въ названіи *Коми* и повѣрять, что оно ничуть не происходитъ отъ р. Камы и отнюдь не можетъ быть переводимо словами: Камень, выходецъ изъ Камы, Камскій народъ. Сказано, что это должно быть такъ-то, и довольно; авторитетъ тутъ нисколько не страдаетъ: вѣтъ производить же Зырянъ отъ Скифовъ, Сарматовъ и Дако-Гетовъ? Ну, а чѣмъ вы докажете, что Зыряне не Андрофаги и Меланхлены Геродотовы? Въ сужденіяхъ подобнаго рода, если заключеніе вредитъ исторической истинѣ, и противорѣчитъ здравой логикѣ мыслей, у писателей всегда бываетъ въ запасѣ отговорка, самая убѣдительная, безоруживающая взыскательнаго критика: «этотъ періодъ весь покрытъ мракомъ неизвѣстности». — Попробуемъ, между прочимъ, разогнать густой мракъ неизвѣстности, покрывшій Зырянъ въ самомъ зародышѣ ихъ бытія.

Разберемъ этимологически оба народныхъ нарицательныя, чуждое—*Зыряне*, подъ которымъ этотъ народъ извѣстенъ намъ и туземное—*Коми*, какъ онъ самъ себя называетъ. Первое

мы производимъ отъ двухъ зырянскихъ словъ: *саръ* и *сли*; *саръ* выражаетъ понятіе о чемъ-то высокомъ, не земномъ, блаженномъ, святомъ; иногда означается имъ то блаженство и святость, то почтеніе и уваженіе, приличное царямъ; *сли*—женщина. Смыслъ этихъ словъ, соединенныхъ вмѣстѣ, легко понять изъ слѣдующаго поясненія. Остяки и Манцы, родственные Зырянамъ и сосѣдственные Печорѣ, называютъ ихъ—*Саранъ-Куль*; *Куль*—человѣкъ. Буквальный переводъ этихъ словъ будетъ: человекъ, почитающій святую женщину. Припомнимъ, что Зыряне въ язычествѣ, преимущественно предъ другими идолами, боготворили «*Юмалу*», злую, безобразную старуху, истуканъ, подъ видомъ котораго изображалось ихъ грозное, карающее божество.... Весьма правдоподобно, что съ именемъ чтимаго божества, тѣсно связывалось и народное названіе и что Зыряне дѣйствительно заимствовали последнее отъ имени уважаемаго ими идола. Измѣненіе согласныхъ и гласныхъ сперва въ корнѣ—*Саранъ*, а потомъ въ именахъ, отъ него производныхъ—*Саране*, *Сырѣне*, *Серѣне*, *Сырѣне*, *Сыряне*, изъ которыхъ окончательно образовалось нарицательное *Зыряне*, очень возможно допустить, тѣмъ болѣе потому, что оно присуще всѣмъ языкамъ образованнымъ,—и мы

никакъ не должны впасть въ крайность, если встрѣчаемъ подобное измѣненіе въ языкѣ безписменномъ, и потому безпотомственномъ и мертвомъ... Туземное народное имя *Коми* мы производимъ также отъ *Куль* человѣкъ, какъ называютъ cadaго Зырянина Остяки и Манцы (*). На зырянскомъ языкѣ нѣтъ объясненія этому слову, или, быть можетъ, значеніе его утрачено. Зыряне обыкновенно называютъ себя—или *Коми*, или *Коми-мортъ*, или же *Коми-оойтыръ*. Первые два нарицательныя употребляются при обозначеніи одного лица, а последнее, когда говорится вообще обо всемъ народѣ. Кто ты? спросите вы Зырянина, —и онъ отвѣтитъ: *ме Коми* — я человѣкъ, *Коми-мортъ* — человѣкъ—людинъ; но почему онъ такъ себя называетъ — нѣтъ отвѣта. Мнѣніе писателей, которымъ угодно признавать Зырянъ то вытѣспенными, то вытѣспившими, даже выходца-

(*) Въ справедливости какъ этого, такъ и предшествовавшаго мнѣній я увѣрился въ путешествіи моемъ по Печорѣ; въ большей основательности ихъ меніи убѣдилъ извѣстный ученою дѣятельностію Печерскій Священникъ Г. Поповъ, природный Зырянинъ, имѣвшій случай въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду наблюдать языкъ и нравы Зырянъ—Печерцевъ, Остяковъ, Манцевъ и Самоѣдовъ.

ни съ Кавказа (*), совершенно опровергается словами—*Коми-войтырь*. Это нарицательное не обозначаетъ собственно имени народа, но указываетъ прямо на мѣстность, которую искони занималъ онъ. *Вой*—сѣверъ, ночь или сѣверный, почный; *тырь*—полонъ; ближайшее значеніе словъ *Коми-войтырь* будетъ: человѣкъ, сѣверный житель; люди, наполняющіе сѣверный край, полунощную сторону. Кому же притѣснять и вытѣснять Зырянь на сѣверъ, гдѣ поселились они, вѣроятно, во времена глубокой древности.—Нынѣшніе Пермьки, населяющіе сѣверовосточную часть Пермской губерніи, называютъ себя, также какъ и Зыряне,

(*) Въ этомъ отношеніи мы рѣшительно не согласны съ учеными изслѣдованіями Профессора Казанскаго Университета Г. Булыгина и отнюдь не раздѣляемъ его мнѣнія, будтобы Зыряне нѣкогда были образованными. Противъ этого жестоко вопіетъ и настоящій образъ жизни народа, — до крайности простой и грубый, въ которомъ видно совершенное отсутствіе всего того, что свойственно жизни просвѣщенной, — и самый языкъ его, на которомъ нѣтъ ничего, что обличало бы умственную и художественную его производительность. Зырянскій языкъ такъ бѣденъ при выраженіи даже необходимыхъ въ быту потребностей, что часто предметъ и признакъ его обозначаются однимъ словомъ; отвлеченныхъ понятій мало; словъ, относящихся до наукъ, искусствъ и художествъ — нисколько. Какая же тутъ образованность въ народѣ?

Коми и *Коми-мортъ*; губернію свою—*Комму*; образъ жизни, нравы и обычай ихъ совершенно сходны съ зырянскими, и только небольшая разность замѣтна въ языкѣ обоихъ народовъ, которая, безъ сомнѣнія, произошла отъ пространства ихъ раздѣляющаго и рѣдкихъ между собою сообщеній. Соображая эти обстоятельства, мы не только должны согласиться въ ближайшей родственности этихъ народовъ, но и заключить утвердительно, что два разноименныя нарицательныя—*Пермякъ* и *Зырянинъ* тождественны, и соединяются въ одномъ туземномъ имени—*Коми*.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе и на названія страны—*Біармія* и *Пермь*. И въ этомъ случаѣ единственное вспомогательное средство, чтобъ развязать гордіевъ узелъ, есть Филологія. Имя *Біармія* состоитъ изъ трехъ зырянскихъ словъ, ясно характеризующихъ всю страну, занимаемую Зырянами; объяснять ихъ можно трояко, — но общій смыслъ, заключающійся въ имени, будетъ почти одинъ и тотъ же. 1) *Біармія* иначе *Біурмія* отъ словъ: *би*—огонь, *уръ*—бѣлка, *му*—земля; *Біурму*, *Біурмія*, *Біармія*—земля огненной бѣлки, — красноватой, извѣстной у промышленниковъ подъ именемъ *леяги*. 2) *Біармія* иначе *Біа-*

ресъ-му, сокр. *Біарму*; отъ словъ: *би* огонь, *аресъ* сокр. *аръ* - годъ, осень; *му*-земля; *Біарму*; *Біармія*—земля годового огня, т. е. какъ страна полунощная, она часто освѣщается сѣверными сіяніями. 3) *Біармія*. правильнѣе *Біагерму*, сокр. *Біюгерму*; отъ словъ: *би* огонь, *югеръ*—лучъ, освященіе; *му*-земля; *Біюгерму*, *Біюгерму*, *Біюгермія*, *Біармія*—земля огненныхъ лучей, страна, освѣщаемая огненными лучами,—сѣверными сіяніями (*). Изъ названій: *Біурму*, *Біарму*, *Біюгерму*, по сокращеніи гласныхъ и полугласныхъ, составилось имя *Біармія*, имѣющее русское окончаніе; а изъ *Біарміи*, по измѣненіи мягкой буквы *б* на созвучную ей твердую *п*, образовались на тѣхъ же основаніяхъ, *Піармія*, *Пьермія*, *Пермія*, *Пермь* (*).

(*) Последнее мнѣніе сообщено мнѣ просвѣщеннымъ знатокомъ зырянской филологіи и лексикографомъ Штабсъ-Капитаномъ Н. П. Поповымъ.

(*) Татищевъ производитъ *Пермь* отъ сарматскихъ словъ *Пеурма* и *Періамо* и говоритъ, что первое значитъ—левья земля, а второе--вольная земля, республика. Сослаться въ этомъ производствѣ на Сарматскій языкъ, въ которомъ мы не смыслимъ ни аза для насъ—простоковъ доказательство несубдительное.

XIII.

Причины изобрѣтенія Стефаномъ особенныхъ письменъ для Зырянъ. Мнѣнія объ этомъ писателей. Зырянскіе — «пасъ» и календарь.

Переходимъ къ любопытнѣйшему вопросу, постоянно занимавшему умы нашихъ ученыхъ прошлаго вѣка, вопросу, разрѣшеніе котораго вызвало тогда усердныхъ дѣятелей на поприщѣ зырянской филологіи, съ жаромъ трудившихся на господствующую тему, темную въ смыслѣ археологическомъ и оттого такъ спорную, — долго было между ними крайнимъ пунктомъ шумныхъ полемическихъ возгласовъ, произвело на свѣтъ множество противорѣчивыхъ мнѣній, но мало пролило историческаго свѣта на цитусмый предметъ, такъ что онъ остался до сихъ поръ сомнительнымъ и нерѣшеннымъ окончательно, — тому вопросу, который, имѣя интересъ современный, по всей справедливости заслуживаетъ наше особенное вниманіе: мы говоримъ о началахъ письменности зырянской, ея развитіи и дальнѣйшей судьбѣ.

Чтобъ дать читателямъ основательное понятіе объ этомъ интересномъ предметѣ, приведемъ здѣсь объ немъ мнѣнія только тѣхъ писателей, которые, отличаясь ясностію взгляда и безпристрастіемъ, не противорѣчатъ сами себѣ, не впадаютъ въ явныя погрѣшности, но высказываютъ доводы, непосредственно клонящіеся къ дѣлу, и потомъ прослѣдимъ ихъ критически, оставляя въ сторонѣ произвольныя гипотезы, значеніе которыхъ въ сферѣ филологическихъ изслѣдованій равняется мертвой буквѣ. Постепенность при изложеніи этихъ мнѣній, принятая нами для большаго уразумѣнія предмета, упроститъ и самое разрѣшеніе вопроса, которое предоставляемъ большинству ученыхъ, потому что тамъ, гдѣ истина замѣтно борется съ догадками и предположеніями, недостаточно одного авторитета, и мы съ своей стороны ограничиваемся нѣсколькими замѣчаніями. Начинаемъ съ причинъ, побудившихъ Стефана къ изобрѣтенію письменности зырянской.

Мысль — просвѣтить Зырянъ христіанскою вѣрою затаилась въ душѣ Стефана еще отрока, укоренилась и созрѣла въ лѣтахъ юношескихъ, и, какъ освещенная свѣсомъ, сопровождала его въ монастырь Св. Григорія Богослова. Въ стѣнахъ обители, нѣкогда славной по бога-

тому собранію древнѣйшихъ Еврейскихъ, Гре-
ческихъ и Славянскихъ подлинниковъ библей-
скаго содержанія, молодой инокъ совершенно
породнился съ этою мыслию, развилъ ее и
облекъ въ надлежащую форму. Со времени
поступленія въ монастырь, именно съ 1366
по 1376 г., онъ глубоко могъ обдумать
цѣль, къ которой такъ пламенно стреми-
лись его духовныя пожеланія, заранѣе приго-
товиться къ многотрудному Апостольскому под-
вигу, взвѣситъ на вѣсахъ вѣры и любви къ
Богу силы и способности своей воспріимчивой
души, и сознаться—достанетъ ли ихъ на такое
великое призваніе. Предвидя, безъ сомнѣнія,
неминуемыя препятствія на избранномъ имъ
поприщѣ, привлекательномъ и славномъ по ве-
личію идеи, но многотрудномъ по выполненію
ея, — представляя всѣ невыгоды званія пропо-
вѣдника слова Божія грубымъ язычникамъ,
отличавшимся сильною привязанностію къ идо-
ламъ и свято соблюдавшимъ патріархальныя за-
вѣты, такому народу, который не легко под-
дается вліянію всякой новости, видимо полез-
ной въ быту общественномъ, а тѣмъ болѣе
новости религіозной, — здраво и вѣрно сообра-
жая, что если будетъ излагаема проповѣдь
на языкѣ народа русскаго, непріязненнаго Зы-
рянамъ по нравственному его перевѣсу, за ко-

торый всегда оставались недовольны, то успѣхъ проповѣди не оправдаетъ ожиданій проповѣдника и самая личность его подвергнется не только оскорбленіямъ и позору, но даже и самая жизнь можетъ быть въ опасности, судя по вспыльчивому и злобному характеру Зырянъ, — обзрѣвая разумнымъ окомъ будущую перспективу подвиговъ, которые долженъ совершить по влеченію души, Стефанъ, въ продолженіе 10 лѣтъ, употребилъ всѣ усилія на пріисканіе тѣхъ средствъ, которыя могли бы устранить предполагаемыя препятствія и такимъ образомъ, при помощи ихъ, облегчить хотя нѣсколько тернистый путь, по которому вначалѣ онъ, по необходимости долженъ слѣдовать. Во главѣ этихъ средствъ, кромѣ знанія зырянскаго языка, онъ поставилъ необходимость изобрѣтенія особенныхъ письменъ для Зырянъ и вмѣстѣ съ ними важнѣйшимъ пособіемъ призналъ вразумительный для народа переводъ болѣе употребительныхъ при Богослуженіи церковныхъ книгъ. Обильный запасъ этихъ средствъ былъ изготовленъ Стефаномъ въ монастырѣ Св. Григорія, и одна келія видѣла неутомимые труды юнаго монаха, потому что никто (кромѣ Епифанія, который узналъ объ нихъ въ послѣдствіи) изъ многочисленной братіи монастырской не зналъ его келейныхъ занятій. Здѣсь составлена была

азбука, переведены на зырянскій языкъ. Часословъ, Псалтирь и другія Богослужебныя книги; здѣсь же, вѣроятно, написаны Стефаномъ и воззванія къ народу Пермскому — о мерзости идольскаго зловѣрія и святости Православія, спасительныя воззванія, освѣтившія благодѣтельнымъ свѣтомъ умы народа, омраченнаго бѣсовскими волхвованіями.

Причины, — почему Стефанъ изобрѣлъ для Зырянъ особенную азбуку, наши изслѣдователи объясняли какъ кому вздумается; но для насъ онѣ очевидны. Писали: «почему Апостолъ Перми, вводя въ ней просвѣщеніе, не употребилъ азбуку Славянскую, или Еврейскую? И не мысль ли увѣковѣчить имя и труды свои даже буквами, была причиною составленія особенной азбуки для новопросвѣщенныхъ, или что другое...» — «Причиной изобрѣтенія особенной азбуки для Зырянъ была мудрая Стефанова осторожность или предусмотрительность, дабы не вдругъ произвести превращеніе ихъ, такъ сказать, въ Россіянъ, коими они были весьма недовольны, дабы опредѣленіемъ Россіянъ въ церковныя должности, при чемъ надлежало бы ихъ учить по зырянски, или Зырянъ по русски, — и введеніемъ російской грамоты не дать имъ повода думать о вынужденномъ

отъ нихъ смѣшеніи съ Россіянами и дабы симъ не поколебать самую вѣру, предоставляя времени преобразовать ихъ совершенно и доставляя имъ удовольствіе пользоваться своихъ однородцевъ особеннымъ своимъ языкомъ и особенно даже письменностію...» (*) Во первыхъ Славянской азбуки Стефанъ не могъ уже употребить потому, что всѣ Зыряне питали какую то странную антипатію ко всему русскому; вводя эту азбуку, онъ возбуждалъ бы природное ихъ отвращеніе и, слѣдовательно, рисковалъ испортить благое дѣло въ самомъ зародышѣ; притомъ же азбука Славянская, далеко не выражала родныхъ звуковъ зырянскаго языка и приходила вовсе не по гортани сынамъ сѣвера. Греческому языку Стефанъ только-что навывѣ въ Ростовскомъ монастырѣ, и азбуки его не могъ принять за образецъ для зырянскаго алфавита, потому что плавное и мягкое произношеніе буквъ греческихъ не годилось бы для отрывистыхъ и твердыхъ рѣченій зырянскихъ. Еврейскаго языка Стефанъ не зналъ и не занимался изученіемъ его, какъ это видно изъ современныхъ лѣтописей. — Мысль увѣковѣчить имя и труды свои новоизобрѣтен-

(*) Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина,

ными буквами едва ли уместна тамъ, гдѣ ревность и благочестіе убѣдительно говорятъ въ пользу проповѣдника и гдѣ самый подвигъ увѣковѣчиваетъ дѣло. Далѣе: едва ли Стефанъ думалъ о томъ, что чрезъ введеніе русской грамоты Зыряне вынужденно обрусѣютъ, переродятся въ Русскихъ; едва ли воображалъ, что чрезъ это возможно превратить Зырянъ въ Русскихъ, и наоборотъ — русскихъ пастырей въ Зырянъ?

Причиной изобрѣтенія Стефаномъ особеннаго начертанія буквъ зырянской азбуки мы не безъ основанія можемъ назвать слѣдующее обстоятельство, взятое нами изъ общественной жизни Зырянъ. Въ домашнемъ быту ихъ, особенно между безграмотными, до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе вести особеннаго рода счетъ житейскимъ расходамъ на тонкихъ четверугольных планочкахъ, на которыхъ вырѣзываютъ прямолинейные и угловатые значки, изъ только свѣдомые, и читаютъ по нимъ, какъ по книгѣ; напр. случится записать, что такой-то чиновникъ бралъ за прогоны столько-то лошадей, такой-то столько-то безъ прогоновъ, и проч., Зырянинъ отмѣчаетъ пожемъ на деревянной планочкѣ значки, — по окончаніи года является за расчетомъ къ подрядчику, безъ

ошибки разбираетъ свои іероглифы, называетъ должности, имена и фамиліи лицъ, бравшихъ у него лошадей, и на повѣрку выходитъ, что все сказанное имъ согласно съ книгою содержателя станціи. Этими же значками обозначаетъ онъ, напр. чѣмъ замѣчателенъ былъ прошлый годъ въ хозяйственномъ отношеніи, въ какихъ мѣстахъ болѣе ловилась бѣлка, вообще каково шли промыслы, когда началась весна, когда пахать начали, каковъ былъ урожай хлѣба, какія цѣны были на туземный товаръ и проч. и проч. (*). По зырянски такая

(*) Въ путешествіи моемъ по Яренскому уѣзду мнѣ удалось видѣть вмѣстѣ и календарь и святцы, — подобнаго же устройства съ народнымъ «пасх», — съ обозначеніемъ всѣхъ мѣсяцовъ и чиселъ, съ указаніемъ дванадцатыхъ праздниковъ и дней, уважаемыхъ въ крестьянскомъ быту, даже съ обозначеніемъ круговращенія солнечнаго и способа узнавать который годъ высокосный и который простой? Этотъ миниатюрный календарь, длиною въ $\frac{1}{4}$ арш., толщиною въ $\frac{1}{2}$ вершка, сдѣланъ изъ дерева на подобіе правильного шестигранника, который легкимъ надрѣзомъ ножа раздѣляется на двѣ равныя половины, изъ коихъ въ каждой по 6 мѣсяцовъ и по два времени года; каждая грань имѣетъ гладкую поверхность и столько надрѣзковъ, сколько дней въ мѣсяцѣ, которому она соответствуетъ. Дванадцатые праздники и мѣстные обозначены особеными значками на граняхъ... Конечно, безъ комментариевъ трудно добраться какого либо толка отъ этого незатѣйливаго календаря зырянскаго.

планочка, изчерченная разнообразными вырѣзками, называется «пасъ». Начало изобрѣтенія этого, по видимому, незамысловатаго способа сохранять въ памяти давноминувшее, относится къ временамъ незапамятнымъ. Должно думать, что этотъ способъ замѣнялъ въ древности народу письменность и оправдывалъ нѣкоторымъ образомъ мысль, что Зыряне издавна, какъ народъ промышленный, были знакомы съ письменами руническими.... Быть можетъ, что Стефанъ въ юности неоднократно видѣлъ многіе образцы зырянскихъ «пасъ» въ Устюгѣ, куда часто ѣздили Зыряне сбывать свои промыслы,—присмотрѣлся къ начертаннымъ на нихъ вырѣзкамъ,—разузнавалъ, просилъ поясненій ихъ, старался проникнуть таинственный ихъ смыслъ,—разгадывалъ, усваивалъ извѣстные значки, и послѣ съ пользою употребилъ ихъ при составленіи зырянской азбуки. Зыряне, замѣчая поразительное сходство новоизобрѣтенныхъ письменъ съ туземными «пасъ», занимались изученіемъ ихъ съ охотою и любопытствомъ, легко знакомились съ очертаніемъ буквъ и тѣмъ сильнѣе привязывались къ новой письменности, потому что видѣли въ ней какъ бы повтореніе мѣстныхъ условныхъ значковъ.

XIV.

Были ли въ язычества у Зырянъ какія либо письмена и знали ли они о письменности другихъ народовъ? Свидѣтельства объ этомъ Шлецера, Епифанія, Степенной книги и Димитрія Ростовскаго. Образцы зырянской письменности. Нѣсколько списковъ зырянской азбуки. Сличенія ихъ.

До обращенія въ Христіанскую вѣру, были ли у Зырянъ какія либо письмена, знали ли они употребленіе хартій, имѣли ли понятіе о письменности другихъ народовъ, — объ этомъ столько говорили и писали, что намъ, въ свою очередь, остается лишь дополнить недосказанное, на основаніи собственныхъ филологическихъ изысканій и соображеній. Неспорные историческіе факты доказываютъ, что народы Перми съ IX до начала XIV вѣка постоянно производили торговлю, кромѣ Россіянъ и преимущественно Новгородцевъ, съ Норвежцами, Шведами и Датчанами. — Нѣтъ сомнѣнія, въ такой продолжительный періодъ дружественныхъ торговыхъ связей и сношеній, они ознакомились съ письменами сихъ народовъ и, со-

образно съ своими понятіями объ этомъ высокому изобрѣтенію ума человѣческаго, начертали особаго рода буквы и значки, примѣняясь въ изображеніи ихъ къ письменамъ руническимъ, въ до-историческія времена замѣнявшимъ на сѣверѣ письменность, придали имъ условныя формы, и такимъ образомъ составили письменность родную, туземную: современный зырянскій «пасъ» служитъ именно подтвержденіемъ этой мысли и есть ничто иное, какъ слабое подражаніе письменности другихъ народовъ. — Знаменитый Шлецеръ, распространяясь о Пермьнахъ въ своемъ Несторѣ, утверждаетъ что они «были нѣкогда народомъ самобытнымъ, великимъ, долгое время свободнымъ и не совсемъ непросвѣщеннымъ народомъ.» Какъ историкъ безпристрастный и осмотрительный, онъ судить о письменности Пермьнъ весьма благо-разумно, отзываясь объ ней въ такихъ осторожныхъ выраженіяхъ: «были ль въ язычествѣ у нихъ (Пермьнъ) какія нибудь буквы въ употребленіи, того ни утверждать, ни отрицать не можно.» По мнѣнію нашему, скорѣе надобно согласиться, что они имѣли буквы и значки, посредствомъ которыхъ сохраняли въ памяти событія временъ отдаленныхъ. Иначе, въ преніяхъ со Стефаномъ о вѣрѣ, изъ какихъ источниковъ знали они съ изумительною подробно-

стію судьбу древняго міра, исторію сотворенія челоуѣка, потопа, смѣшенія языковъ и расселенія народовъ по разнымъ странамъ? Изъ преданій и рассказовъ старины глубокой, — отвѣтятъ намъ на это; по преданія, если они нѣсколько вѣковъ не повѣряются письменности, не могутъ такъ долго жить въ памяти народа, предаются забвенію и неминуемо исчезаютъ. При томъ же, несвѣроятно, чтобъ на однихъ рассказахъ основывались ясныя свѣдѣнія Зырянъ о міротвореніи, размноженіи отъ Адама рода челоуѣческаго и послѣдующей судьбѣ его; невозможно, чтобъ безъ какого либо рода письменности они могли пріобрѣсти эти положительныя знанія объ историческомъ значеніи народовъ вовсе несосѣдственныхъ, какъ то: Грековъ, Татаръ, Нѣмцевъ и Литвы... Посредствомъ какой науки жрецы и туны Пермлянъ знали, что дѣлается «за тридевять земель, въ тридесятомъ городѣ» и могли получать отовсюду «вѣсти скорыя и быстрыя».

Жизнеописатель Стефановъ кажется противорѣчить себѣ, говоря утвердительно, что «Пермяне прежде крещенія не имѣяху у себя грамматы и не разумѣяху писанія и отнюдь не анаху, что есть книги». Между тѣмъ самъ же онъ упоминаетъ, что «Пермяне не смѣяху»

убить Стефана, яко съ Москвы въ нимъ пришедшаго и грамоты имущаго»... Эти слова сильнѣе всего убѣждаютъ насъ, что Пермiane не только имѣли понятіе о письменахъ и знали назначеніе ихъ въ общественной жизни народовъ, но и дорожили, какъ видно, правами божественности, которыя предоставлялись лицу, обладавшему ими. Сочинитель Степенной книги повторилъ ошибку Епифанія и, приписавъ изобрѣтеніе Стефаномъ особенной азбуки для Зырянъ благодати Божіей, прибавилъ отъ себя: «и вселися въ него (Стефана) благодать Божія, и тако даровася ему премудрость, яко и азбуки сложи Пермскимъ языкомъ, иже отъ вѣка не бывало» (*).—Но Св. Дмитрій Ростовскій въ своихъ Четьи-Милеяхъ исправилъ двойную ошибку предшественниковъ, пропустивъ сказаніе ихъ о неизвѣстности Пермianамъ грамоты, какъ ни на чемъ неоснованное и явно противорѣчащее весьма простому убѣжденію, что народъ искони торговый и промышленный, въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ націями пресвѣщенными, не могъ не знать письменности ихъ, не могъ не подмѣтить благотѣльнаго вліянія ея на нравственныя и физическія силы

(*) Степен. кн. стран. 525.

народовъ, не могъ не видѣть тѣхъ безчисленныхъ выгодъ и удобствъ, какія доставляетъ она въ семейномъ и общественномъ быту ихъ.

Переходимъ къ письменности, изобрѣтенной Стефаномъ.—Время не сохранило образцовъ зырянскихъ письменъ, и наши ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ ихъ, долго не подозрѣвая о существованіи самой азбуки, находились тѣмъ въ большемъ затрудненіи, что принуждены были судить о начертаніи буквъ ея по копіямъ, снятымъ съ надписей образа Св. Троицы, находившагося въ Вожемской церкви. Провозгласили даже азбуку, совершенно утраченную; но изысканія Миллера, вмѣстѣ съ любовію къ наукѣ соединявшаго и основательное знаніе зырянской филологіи и Лепехина, путешествовавшаго въ 1777 г. по Лузѣ, Сысолѣ и Вычегдѣ, доказали противное. Миллеръ открылъ нѣсколько списковъ зырянской азбуки въ древней рукописи «о житіи и дѣлахъ Стефана», а Лепехинъ отыскалъ названія нѣкоторыхъ буквъ ея. Къ сожалѣнію, эта находка нимало не озарила свѣтомъ спорнаго вопроса о письменахъ зырянскихъ, потому что примѣненная при чтеніи надписей, не принесла ожидаемыхъ успѣховъ: смыслъ ихъ, по прежнему, остался таинственнымъ и, едва ли не навсегда, сокры-

тымъ отъ потомства. Открытія Миллера и Лепехина послужили ни болѣе ни менѣе, какъ только убѣжденіемъ въ отличіи азбуки Зырянъ отъ азбукъ другихъ народовъ и познакомили насъ съ очертаніемъ и названіями буквъ ея. Въ одномъ спискѣ Миллера буквы названы: Анъ, Баръ, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нено, О, Пей, Рѣй, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я. Другіи немного полнѣе перваго гласными — ы, е, а и отличается отъ него почеркомъ нѣкоторыхъ буквъ (*). У Лепехина найденныя имъ буквы расположены въ такомъ порядкѣ: А, Букъ, Вой, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Нено, Пей, Рѣй, Сій, Тай, Цю, Черы, Шуи (**). Въ послѣдствіи, въ концѣ одного древняго экземпляра зырянской обѣдни, писаннаго славянскими буквами, съ удареніями на словахъ, нашли еще два списка зырянской азбуки, нѣсколько отличные отъ приведенныхъ нами и въ почеркѣ буквъ и въ названіи ихъ. Приводимъ для сличенія съ первыми и эти списки. Въ одномъ они названы: Анъ, Баръ, Гой, Дой, Ежой,

(*) Въ бумагахъ покойнаго Миллера, въ Москов. Арх. Иностр. Дѣлъ подъ № 199.

(**) Записки Лепехина Част. III стр. 241.

Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Не, Онь,
Пей, Рѣй, Са, Той, Цю, Чоры, Шой, Ири, Ей,
Ю, Со. Другій, полнѣйшій изъ всѣхъ, въ видѣ
всезлѣсловія приложенъ въ той же рукописи
къ первому списку, съ слѣдующимъ сравненіемъ
съ другими азбуками: у жидовскія же азбуки
первому слову имя Алфарт; а у Греческія—
Алфа, Вита; а у Сурьянскія—Але, Фобе; а у
Югорскія—Афака, Васака; а у Русскія—Азъ; а у
Пермскія — Азъ, Буръ, Гай, Дой, Ежой, Дзой,
Зата, Зита, И, Кос, Лей, Мено, Не, Во, Пей,
Рѣй, Сій, Тай, Цю, Черье, Шюй, Ы, Е, Ю, Со (*).
Оба эти списка, разнящіеся въ начертаніи
буквъ отъ Миллеровскихъ, употребленные при
разобраніи зырянскихъ надписей филологами,
не объяснили нисколько значенія ихъ и оста-
вили въ томъ же мракѣ неизвѣстности, въ ка-
комъ находились онѣ и прежде. Это обстоя-
тельство заставляеть сомнѣваться въ подлинно-
сти зырянскихъ азбукъ и наводитъ на мысль
о подложности ихъ; иначе надобно предполо-
жить, что настоящая азбука зырянская дѣй-
ствительно утрачена.

Изъ названій приведенныхъ нами азбукъ слѣ-

(*) Рукопись хранится въ Библ. Моск. Общ. Исто-
ріи и древностей Россійскихъ.

дуетъ заключить, что подлинная составлена Стефаномъ по образцу Славянской и что почеркъ буквъ ея много сходствуетъ съ буквами послѣдней, которымъ въ зырянской придашь извороченныя формы.— Въ почеркѣ ея буквы и наиболѣе въ снимкахъ съ надписей зырянскихъ и некоторые знатоки встрѣтили буквы Греческія и Еврейскія и, не заглянувъ въ лѣтописи, рѣшили, что азбука зырянская составлена изъ буквъ Славянскихъ, Греческихъ и Еврейскихъ. Кромѣ Епифанія, мы можемъ указать въ этомъ случаѣ на Степенную книгу, въ которой говорится, что Стефанъ «грамоту и книги съ русскаго языка на Пермскій преложи» (*) и на Никоновскую лѣтопись, которая также свидѣтельствуешь, что просвѣтителъ Перми «грамоту на языкъ Пермлянъ преложи съ Русскія» (**). Мысль—подозрѣвать азбуку зырянскую въ сродствѣ съ Греческою и Еврейскою не имѣетъ никакого основанія, тѣмъ болѣе потому, что это сродство замѣтно почти во всѣхъ извѣстныхъ азбукахъ, гдѣ буквы имѣютъ пряхолинскія и угловатыя формы, — и въ этомъ отношеніи азбука зырянская близко подходитъ къ Славянской и еще ближе къ Глаголитской.

(*) Степ. кн. стр. 525.

(**) Никонов. Лѣт. Ч. IV, стран. 267.

XV.

Необходимость перевода Богослужбныхъ книгъ на зырянскій языкъ. Вліяніе ихъ на новопросвѣщенныхъ. Достоинство переводовъ. Причины неравнозначительности переводовъ съ славянскими подлинниками. Поименованіе книгъ, переведенныхъ Стефаномъ. Древніе образцы зырянскихъ переводовъ. Мнѣнія писателей о переводахъ Стефана.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы упомянули, что переводъ Богослужбныхъ книгъ на зырянскій языкъ Стефанъ призналъ единственнымъ вспомогательнымъ средствомъ при обращеніи народа въ Христіанство. Глубоко постигал истину, что крайне затруднительно дѣйствовать на умы грубыхъ идолопоклонниковъ на языкѣ чуждомъ и непонятномъ, на языкѣ сосѣдей, къ которымъ искони питали расположеніе непріязненное, Стефанъ болѣе и болѣе убѣждался въ необходимости переводовъ, предугадывалъ всю важность ихъ въ началѣ проповѣди и вмѣстѣ предвидѣлъ полезныя ихъ примѣненія въ дальнѣйшихъ ся успѣхахъ. Считая, такимъ образомъ, переводъ церковныхъ книгъ на зырянскій языкъ важнѣйшимъ руча-

тельствомъ при выполненіи своего высокаго призванія, Стефанъ съ ревностію предался труду эфемерному, которому до тѣхъ поръ не было подобнаго въ Русской Церкви, со времени основанія ея, труду новому, тяжкому и едва быточному, судя по бѣдности зырянскаго языка, — и совершилъ его въ десять лѣтъ, безъ постороннихъ пособій и не повѣряя никому своихъ келейныхъ занятій, совершилъ одинъ, силою твердой воли и постояннаго терпѣнія. Какое вліяніе имѣли эти переводы на религіозный духъ Зырянъ въ началѣ проповѣди и насколько они были полезны въ послѣдствіи въ практическомъ отношеніи, это мы уже высказали, говоря о причинахъ, способствовавшихъ быстрому распространенію Христіанской вѣры въ обширѣйшихъ Пермскихъ предѣлахъ. Не касаясь основной ихъ цѣли, ихъ духовнаго назначенія, — сужденіе объ этомъ не подлежитъ нашимъ умозрѣніямъ, — предположимъ здѣсь одинъ вопросъ, который кажется намъ весьма кстати и у мѣста: могли ли эти переводы вполнѣ удержать мысль подлинника? Огвѣчаемъ отрицательно, основываясь на слѣдующихъ очевидныхъ положеніяхъ. Предположимъ, что Стефанъ въ совершенствѣ зналъ языкъ Зырянъ, предположимъ, что онъ коротко былъ знакомъ и съ формами рѣчи зырянской, и съ ея обо-

речами, и съ нѣкоторыми мѣстными оттѣнками этой рѣчи (а мѣстных оттѣнковъ, подрѣчій, было очень много въ пространныхъ предѣлахъ Перми),—при всемъ этомъ переводы его не могли быть равнозначительны съ подлинникомъ, не могли передать вполне его глубокаго смысла, и только развѣ близко подходили къ нему. Причинъ этого безнамереннаго отступленія отъ подлинника надобно искать не въ проповѣдникѣ, но въ свойствахъ языка Зырянъ,—и въ этомъ смыслѣ добросовѣстный трудъ Стефана не только не теряетъ заслугъ, справедливо присвоенныхъ ему современниками, но еще болѣе возвышается въ нашемъ мнѣнii, какъ приспособленный къ понятіямъ народа, которому онъ предназначался для духовнаго на-зиданiя и руководства въ правилахъ христіанской религіи. Очень естественно, что высокія отвлеченныя истины Евангельскія, выраженные рѣчью зырянскою, замѣтно ослабѣвали въ переводѣ, были далеко не такъ многозначительны и сильны, какъ въ подлинникѣ. Проповѣдникъ чувствовалъ этотъ недостатокъ,—но избѣжать его не было никакой возможности: грубая рѣчь зырянская не поддавалась вліянію рѣчи образованной, и не была такъ плодovита и выразительна, какъ послѣдняя. Вотъ почему Стефанъ вынужденъ былъ въ своихъ перево-

тамъ, на Пермскій языкъ отъ него переведеннымъ (*).» Какія это *прочія* книги, переведенныя Стефаномъ на Пермскій языкъ, по которымъ онъ училъ дѣтей Зырянъ, для насъ осталось загадкою. Вѣроятно, имъ были переведены только тѣ книги, которыя почиталъ онъ необходимѣйшими при Богослуженіи. Къ числу этихъ *прочихъ* книгъ мы можемъ отнести поучительныя бесѣды и толкованія Св. Отца на трудно постигаемыя мѣста Священнаго Писанія, которыми Стефанъ утверждалъ народъ въ вѣрѣ, предлагая ихъ для домашняго назиданія повопросвѣщенныхъ; также нѣкоторыя церковныя пѣсни, тропари и кондаки дванадцатыхъ праздниковъ, общеупотребительныя молитвы и заупокойную Златоустовскую обѣдню. Въ настоящее время нѣтъ и слѣдовъ этихъ переводовъ, кромѣ отрывковъ Златоустовской обѣдни и тропарей, писанныхъ, впрочемъ, славянскими буквами, и намъ остается судить объ нихъ

(*) Четьи-Миней, мѣсяцъ Апрель, 26 ч. Въ Степенной книгѣ не обозначено имени книгъ, переведенныхъ Стефаномъ, — а въ Никоновской лѣтописи даже и не упомянуто объ нихъ. Татищевъ довольно глухо отзывается о переводахъ Стефана, говоря: «книги нужныя на ихъ языкъ переведе.» (Ист. Татин. ч. IV, стр. 385).

только по этимъ незначительнымъ остаткамъ (*). Въ первый разъ они найдены Академикомъ Лепехинымъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Киберскомъ (**). Зыряне того времени не понимали уже этихъ переводовъ, и только по смыслу рѣчи догадывались о значеніи многихъ словъ рукописи, которыхъ никогда не слыхали на родномъ языкѣ. Это ясно доказывать, что языкъ Зырянъ давно-давно или слишкомъ много удалился отъ своего древняго начала, или слишкомъ много пустилъ отъ себя отраслей, подрѣцій, по мѣстности отличныхъ между собою и въ образѣ мыслей и въ кругѣ вседневной дѣятельности народа: такое подраздѣленіе языка на мѣстные оттѣнки очень возможно на пространствѣ, которымъ ограничивались предѣлы зырянскаго края.

Весьма неосновательно думаютъ нѣкоторые, что Стефанъ перевелъ на зырянскій языкъ полный кругъ Богослужебныхъ книгъ, употребляемыхъ Православною Церковію. Подобный трудъ

(*) Эти отрывки древнихъ образцовъ зырянскихъ переводовъ мы приведемъ въ слѣдующей главѣ и сравнимъ ихъ съ новѣйшими въ этомъ родѣ.

(**) Записки Лепехина, Ч. III.

водовъ, встрѣтили въ нихъ столь много любопытнаго для изученія древне-зырянскаго языка, такъ много коренныхъ филологическихъ терминовъ и рѣзкихъ отличій его отъ нынѣшняго, что признали необходимымъ при нашемъ трудѣ сдѣлать особенный комментарий на текстъ всѣхъ древнихъ переводовъ и объяснить ихъ какъ можно подробнѣе, съ указаніемъ корней и словъ, отъ нихъ производныхъ, а равно и тѣхъ, значеніе которыхъ или уже повсемѣстно утрачено нынѣ или же известно только въ какомъ либо уголкѣ пространнаго края зырянскаго. Такой критическій разборъ переводовъ требуетъ глубокой ученой эрудиціи и общаго участія знатоковъ зырянскаго языка, и тогда только можетъ достигнуть безукоризненной точности, когда это участіе будетъ основано на просвѣщенномъ стремленіи къ успѣшному достиженію предположенной нами цѣли, на строгомъ наукообразномъ обсужденіи изслѣдуемаго предмета, на неоспоримо вѣрныхъ изысканіяхъ и наблюденіяхъ и, окончательно, на добросовѣстномъ, единогласномъ о немъ приговорѣ. По смыслу нашей статьи подобный разборъ хотя и могъ бы имѣть въ ней мѣсто,—но по сущности и направленію своему онъ идетъ въ особенности къ разряду филологическихъ цитатъ, и потому въ нынѣш-

ней главѣ мы ограничиваемся краткими изъ него выписками, чтобъ такимъ образомъ дать читателямъ понятіе, какъ смотримъ мы на труды просвѣтителя Зырянъ (*).

Чтобъ выразумѣть общій характеръ древнихъ переводовъ, приведемъ здѣсь нѣсколько молитвъ и сравнимъ текстъ ихъ съ новѣйшимъ. Между тѣмъ и другимъ разница удивительная и въ полнотѣ и въ ясности изложенія. Въ первыхъ замѣтно, что переводчикъ не дорожилъ высокимъ смысломъ славянскаго подлинника, отступая отъ него въ мѣстахъ, имъ самимъ трудно-понимаемыхъ и въ такихъ случаяхъ пропускалъ не одни понятія или признаки, которымъ не находилъ равнозначительныхъ въ зырянскомъ языкѣ, но цѣлыя мысли; иногда, чтобъ избѣжать темныхъ крайностей, высказывалъ лишь главную мысль подлинника, выбрасывая побочныя, пояснительныя; иногда, — и особенно тамъ, гдѣ въ славянскій текстъ вошли

(*) Полный критическій разборъ древнихъ переводовъ, выѣстъ съ комментариемъ на текстъ древне-зырянской рѣчи, будетъ представленъ нами въ отдѣльной статьѣ въ Академію Наукъ. Въ составленіи его участвуютъ: Протоіерей Троицкаго Собора В. В. Кокшаровъ, Священникъ М. В. Георгіевскій и Учитель Духов. Училищъ Г. Моторинъ.

слова греческія,—искажалъ смыслъ его, переводя ихъ понятіями совершенно противными. Этихъ чувствительныхъ недостатковъ наиболѣе мы встрѣтили въ Златоустовской обѣдни. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Херувимской пѣсни, выраженіе—*«Ангельскими невидимо дориносима чинми»*, переведено: *«бѣрда ангельясѣнь Козинъ тыдал-тѣмъ нолъломнысь» артїясѣнь*, что буквально значить: «крылатыми ангельскими дары невидимо несутся чинами.» Противъ подлинника тутъ двѣ явныя погрѣшности. Переводчикъ прибавилъ отъ себя слово *бѣрда* — крыло, крылатый, котораго нѣтъ въ славянскомъ переводѣ; впрочемъ, это слово не измѣняетъ смысла подлинника, но болѣе усиливаетъ его, какъ обыкновенный эпитетъ, придаваемый чинамъ Ангельскимъ, и оно употреблено здѣсь именно какъ характеризующее опредѣлительное другаго слова—*«ангельясѣнь»*. Вторая погрѣшность, совершенно переиначивая смыслъ въ зырянскомъ переводѣ, заставляетъ думать, что переводчикъ плохо понималъ греческій языкъ, когда выраженіе—*дориносима* перевелъ словами: *Козинъ нолъломнысь*. Вѣроятно, онъ разумѣлъ подъ словомъ *дори* св. дары, которые послѣ Херувимской пѣсни переносятся съ жертвенника на престолъ, и перевелъ его по зырянски—*Козинъ*, т. е. даръ, подарокъ, который мы

даемъ или получаемъ, что противорѣчить тексту славянскому и искажаетъ смыслъ его.

Вотъ сравненіе древнихъ переводовъ съ нынѣшними образцами въ этомъ родѣ. Изъ краткаго критическаго разбора молитвъ, читатели увидятъ насколько первые уступаютъ послѣднимъ въ достоинствѣ. Говоря это, снова замѣтимъ, мы не думаемъ ослаблять великихъ трудовъ Стефана, какъ переводчика, повторяемъ прежде высказанную нами мысль: несовершенство ихъ зависѣло не отъ проповѣдника, а отъ свойствъ зырянскаго языка, его грубой организаціи, его бѣдности, ограниченности; заслуга переводовъ неоспорима въ томъ смыслѣ, что они, какъ примѣненные къ понятіямъ народа о новой религіи, наиболѣе способствовали быстрымъ успѣхамъ проповѣди. Проповѣдникъ не находилъ возможности исправить недостатки ихъ даже въ продолженіе 20 лѣтъ іерархическаго управленія Пермскою Епархіею, когда имѣлъ случай вполнѣ, такъ сказать, сродниться съ зырянскою рѣчью; причиной тому были мѣстные оттѣнки языка, который на обширномъ пространствѣ естественно дробился на множайшія подрѣчія, съ болѣе или менѣе рѣзкими въ каждомъ особенностями.

	Древн. переводъ	Новѣйшій.
Господи поми- луй. Аминь.	Мезосо мымыш- ты. Адонъ.	Господој милут. Дерт (*).

Слова: *Мезосо* и *Адонъ* утрачены въ настоящее время; значеніе ихъ нѣсколько сохранилось въ предѣлахъ Велико-Пермскихъ. Въ глаголѣ *мымышты* окончаніе повелительнаго наклоненія на *шты* несвойственно нынѣшней зырянской рѣчи; правильная форма этого наклоненія на *штъ*, а не на *шты*, потому что на *ы* оканчивается неопредѣленное наклоненіе зырянскихъ глаголовъ.

Св. Боже....	Вежа ёнмё, вежа чёрыдё, вежа Култё- мё, мымышты ми- янды.	Вежа Ёснмёј, Вежа јёнёј, Вежа Кувтё- мёј милут мијанёс.
--------------	--	---

(*) Древній экземпляръ рукописной Златоустовской обѣди на зырянскомъ языкѣ, подобный хранящемуся въ Москов. Об. Исторіи и Древностей руссійскихъ, доставленъ мнѣ почтеннымъ Лексикографомъ Н. П. Поповымъ, вмѣстѣ съ нынѣшними его переводами, приписаннымъ, изъ котораго необходимымъ считая извлечь нѣкоторыя мысли о нынѣшней орфографіи зырянскаго языка, утвержденной Академіею Наукъ. Азбука зырянская, составленная по строжайшимъ изслѣдованіямъ произношенія Зырянами словъ, имѣетъ 29 буквъ; въ ней находятся двойныя согласныя буквы: дз—дзе, дж—дже, дч—дче и ч—чче; значекъ “ надъ гласною *о* смягчаетъ звукъ *я*; *ј* въ концѣ произносится какъ *й*, въ срединѣ между согласными также смягчаетъ ихъ звукъ. Значокъ “ надъ согласными придастъ имъ мягкое произношеніе.

Слово *чѣрьдѣ* не выражаетъ понятія, соответствующаго славянскому *крѣпкій*; оно значить чорствый, сухой, твердый. Въ имени *Култѣмѣ* буква *л*, по свойству зырянскаго языка, употреблена вмѣсто *в*; это замѣненіе одной буквы другою весьма обыкновенно въ зырянской рѣчи; оно зависитъ отъ мѣстности; такъ по Сысолѣ и Лузѣ говорятъ: *вѣль*, *ноллыны*, — а по Вычегдѣ — *вѣвъ*, *новлыны*. *Милянды* — это должно полагать древнее окончаніе родительнаго и винительнаго падежей множественнаго числа; оно часто употребляется въ древнихъ переводахъ.

Отче нашѣ.	Айе миянѣ велтыда- ланинѣ волысе; медѣ вежасясъ нямыдѣ те- надѣ; медѣ воасѣ ка- наланыдѣ; медѣ воасѣ гажыдѣ, кучѣмкѣ вел- тыдаланинѣ и мувы- лынѣ. Тапѣрья миянѣ нианѣсѣ сетѣ миянлы талунѣ, йневтѣ миянѣ лу мыжѣяснымѣ, куз- симй инелтамнымѣ мы- жысвымлу и пыртѣ ми- янды порѣясынѣ пыч- кѣ, чучко мынты ми- янды наркослысѣ.	Ажымѣмѣ миѣан, Тѣ, Коды эм небесаѣас вы- лынѣ; мед вежаавѣдѣас Нимыд Тѣнад; медтѣ воас саралѣмыд Тѣнад; медтѣ лѣѣ вѣла Тѣнад, Кыдѣи небесаѣас вы- лынѣ і мувылынѣ. Ми- ѣан пѣтмѣн нан сет ми- ѣанлы талун; і энѣвт Тѣ миѣанлы уджѣѣзѣас ми- ѣанлысѣ, сыдѣи, Кыдѣи і ми энѣвталам миѣан ас- ланым уджѣѣзаѣаслы; і эн Тѣ нуѣд миѣанѣс вы- сѣѣѣ, а мѣзды миѣанѣс ылѣдысѣ.
---------------	---	--

Призваніе молитвы Господней выражено въ переводѣ совсемъ отлично отъ подлинника. Подстрочный его переводъ будетъ: Отче нашъ, на тверди небесной живущій. Разбирая этимологически слово *велтыдаланинъ*, мы находимъ, что оно составлено изъ двухъ корней, которые приблизительно выражаютъ понятіе о небѣ. *Велт*—высота, верхъ, верхній; *тыдалан* — все видимое воздушное пространство надъ нами; *инъ* или правильнѣе *ынъ* — въ, на, предлогъ, который въ зырянскомъ языкѣ поставляется позади управляемаго имени и большею частію слитно. *Волысе*—правильнѣе: *олысь*, причастіе отъ глагола *олны*—жить; буква *в* иногда вставляется предъ гласными. *Каналаныдъ* — слово производное отъ — *Канъ* царь, ханъ, употребительнаго на Удорѣ. *Тапорья* — слово русское, часто употребляемое въ смыслъ *теперешній, сегодня, нынѣшній*; оно далеко не выражаетъ понятія о хлѣбѣ насущномъ. *Иневтъ* — правильнѣе *эновтъ*, повелит. наклон. отъ глагола *эновтъны*; гласныя *е* и *о*, *е* и *и*, *ы* и *у* иногда также замѣняются одна другою. Окончанія *лы* и *лу* въ словахъ *миялы, миялу* и въ другихъ мѣстахъ древнихъ переводовъ имѣетъ одинаковое значеніе дательнаго падежа множественнаго числа. *Мыжъяснымо* — выпы, проступки наши; мѣстоименія въ зырянской рѣчи упот-

ребляются слитно при именахъ и глаголахъ, въ срединѣ ихъ и въ концѣ; здѣсь мѣстоименіе *ныио*—наши присоединено къ существительному множественнаго числа *мыжъясъ*. *Кузасими* — правильнѣе *кыдасими*—какъ мы; мѣстоименіе *ми*—мы поставлено слитно съ союзомъ. *Инелтамымъ*—правильнѣе *эновтамымъ* оставляемъ, забываемъ, прощаемъ. *Мыжыснымлу*—изъ слово въ слово значить: виноватымъ нашимъ, провинившимся предъ нами; мѣстоименіе *ным* употреблено въ срединѣ существительнаго. *И пыртъ миянды поръясинъ пычко*; здѣсь кажется, пропущено нарѣчіе *эн*—не, послѣ союза *и*; безъ него выйдетъ смыслъ, противный подлиннику; должно бы быть: *и эн пыртъ миянды поръясинъ пычко*, т. е. и не введи насъ въ обманы, лжи, неправды; словомъ *поръясинъ* нимало не выражено то *искушеніе*, въ которое мы просимъ Бога не вводить насъ. *Пычко*—въ, внутрь. Слова *чучко* нѣтъ въ нынѣшнемъ зырянскомъ языкѣ; по смыслу оно соотвѣтствуетъ союзу *но*. Значеніе слова *наркосмысь*, употребленнаго здѣсь вмѣсто лукаваго, также утрачено.

XVII.

*Нѣсколько словъ о зырянскихъ надписяхъ на образахъ
Св. Троицы и Сошествія Св. Духа. Причины забвенія
письменности туземной Зырянъ.*

—

Слабые остатки древней письменности зырянской, какъ мы упомянули ранѣе, сохранились въ нѣсколькихъ строкахъ надписей на образахъ: Св. Троицы, въ видѣ трехъ Ангеловъ, угощаемыхъ Авраамомъ у Маврійскаго дуба, Сошествія Св. Духа (*) и одного изъ явленій Богородицы (**). Не смотря на приведенные выше равные списки зырянскихъ азбукъ, смыслъ надписей, къ общему сожалѣнiю ученыхъ, остался темнымъ, загадочнымъ, таинственнымъ, потому что ни одинъ экземпляръ азбуки, при разобранiи надписей, не принесъ ожидаемыхъ

(*) Оба образа находятся въ Вожегской церкви, Яренскаго уѣзда; на первомъ надпись въ шести строкахъ, а на послѣднемъ въ трехъ.

(**) Въ Чердынскомъ уѣздѣ, въ Богородской церкви села Бондючи.

результатовъ и не повелъ ни къ какимъ филологическимъ открытіямъ. Алфавитный почеркъ ихъ не только не подходилъ къ начертаннымъ на образахъ письменамъ, но и мало имѣлъ сходства съ ними. Самыя надписи, при строгомъ критическомъ сличеніи ихъ, приводятъ въ затруднительное положеніе наблюдательнаго филолога: онѣ такъ много разнятся въ изображеніи буквъ, что едва можно признать родство ихъ между собою; едва можно указать на нѣкоторыя, и очень не многія, тождественныя въ нихъ буквы. Это обстоятельство приводитъ насъ къ основательному заключенію, что рукопись на одномъ изъ образовъ принадлежитъ начальному періоду письменности зырянской, а на другомъ позднѣйшему. По преданіямъ, образъ Св. Троицы почитается древнѣйшимъ, слѣдовательно и письмо на немъ неоспоримо древнѣйшее. Сличая надпись его съ подобною же на образѣ Сошествія Св. Духа, мы находимъ, что она писана рукою твердою, хорошо знакомою съ туземною письменностію и, повидимому, совершенно усвоившею привычный почеркъ, которымъ отдѣляетъ слова и мысли, — тогда какъ другая писана неясно, нечетко, связно, рукою несмѣлою, какъ будто копирующею, ученическою.... Въ первой замѣтны, подобно сла-

на была слабѣть, клониться болѣе и болѣе къ упадку; и тѣмъ быстрѣе терять свое назначеніе, что народъ, въ общей массѣ, по своимъ понятіямъ объ этомъ важномъ изобрѣтеніи ума человѣческаго, не признавалъ необходимости ея въ общежитіи, — не чувствовалъ потребности въ умственномъ образованіи и вовсе не имѣлъ единодушнаго стремленія къ нравственному своему усовершенствованію. При такомъ состояніи народныхъ умовъ она неминуемо должна была предаться забвенію и, наконецъ, исчезнуть. Очевидность этого положенія весьма ясна, потому что Зыряне, по нравственному застою и вѣковымъ предразсудкамъ, не были расположены заниматься письменностію, какъ ремесломъ умственнымъ: всякое умственное упражненіе не по силамъ народамъ младенчеству и они скоро и охотно отказываются отъ него. Такъ было и съ Зырянами. Быть можетъ, нѣсколько времени письма, какъ новостъ, интересовали грубый народъ, который вначалѣ, по общему влеченію, съ врожденнымъ любопытствомъ и любознаніемъ предавался изученію ихъ, но прошло это увлеченіе, миновалось очарованіе; новостъ перестала быть уже новостію, усердіе охладѣло, — и народъ, не видя въ ней особенно полезныхъ примѣненій къ общественной жизни и не рассчитывая на

высшія ея цѣли, мало по малу забывалъ ее и — такъ какъ первоначальная склонность къ ней была несознательною, то безъ сожалѣнія и нечувствительно, — онъ навсегда простился съ нею. Вмѣстѣ съ народнымъ охлажденіемъ къ туземной письменности, самая мѣстность, при затруднительныхъ путяхъ сообщенія, много препятствовала развитію ея.

XVIII.

*Состояніе письменности зырянской при Стефанѣ. Вре-
мя существованія ея. Причины оставленія и утраты
переводовъ. Мнѣніе объ этомъ писателей. Указанія изъ
мѣстныхъ лѣтописей.*

Мы объяснили причины забвенія письменности зырянской и высказали тѣ убѣжденія, которыя болѣе всего способствовали упадку ея. Въ дополненіе къ нимъ и въ заключеніе нашего трактата о письменахъ зырянскихъ, остается еще привести нѣсколько доводовъ объ оставленіи народомъ переводовъ и совершенной ихъ утратѣ. Въ первые годы распространенія

Христіанской вѣры между Зырянами, необходимость и важность переводовъ были очевидны: благодѣтельное вліяніе ихъ выразилось и въ быстрыхъ успѣхахъ проповѣди, и въ семейномъ и общественномъ быту народа. Такъ какъ кромѣ употребленія церковнаго, переводы предназначались и для домашняго назиданія и утвержденія въ вѣрѣ новопросвѣщенной паствы, то въ этомъ случаѣ, при неутомимыхъ заботахъ пастырей духовныхъ, при частыхъ толкованіяхъ и поясненіяхъ, они много подѣйствовали на смягченіе грубаго природнаго нрава Зырянъ, на ихъ склонности и привычки, на страсти душевныя и указали уму и сердцу истинный путь къ религіозному и нравственному усовершенствованію. — Казалось бы, все предвѣщало счастливую судьбу зырянской письменности и вмѣстѣ долговѣчность переводовъ; все, судя по первоначальнымъ успѣхамъ этихъ послѣднихъ, обѣщало, что письменность сдѣлается національною и съ годами достигнетъ полнаго развитія. Но вышло не такъ. При Стефанѣ письменность развивалась по началамъ, имъ самимъ начертаннымъ и, главное, подъ его личнымъ надзоромъ. При каждой изъ новосозданныхъ церквей онъ основывалъ училища, съ цѣлію распространить грамотность на пространство всего края, избиралъ опытныхъ іереевъ—

наставниковъ, имъ самимъ образованныхъ въ Устьвымскихъ школахъ и, отпуская ихъ на мѣсто служенія, строго наказывалъ держаться той методы преподаванія, которую у него слушали. Неумолимо заботясь объ умственномъ образованіи молодаго поколѣнія, онъ убѣждалъ родителей обучать дѣтей въ школахъ, и если убѣжденія небыли дѣйствительны, употреблялъ, по предоставленной ему власти, и строгость. Правильное воспитаніе дѣтей подавляло утѣшительныя надежды проповѣднику на благосостояніе новопросвѣщеннаго народа, представляя въ видѣ привлекательномъ его будущность.... Но послѣдующіе за нимъ іерархи, хиротонисуемые всегда изъ духовенства Русскаго, при всемъ религіозномъ усердіи къ поддержанію благаго дѣла своего предшественника, не зная зырянскаго языка, не имѣли возможности слѣдить за методическимъ ученіемъ въ школахъ и, оставивъ ихъ на произволъ мѣстныхъ пастырей, положились на ихъ усердіе и на собственное народное стремленіе къ образованію. Преемники Стефана, какъ видно изъ современныхъ лѣтописей, по необходимости должны были изучать туземное нарѣчіе, чтобъ вразумительнѣе бесѣдовать къ народу на родномъ его языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были знакомы съ письменностію Зырянъ и подписывали по зы-

рянски свое имя на грамотахъ и посланіяхъ; такъ *Филофей*, шестый Епископъ Устьвымскій, провѣривъ присланную ему Соборомъ и Митрополитомъ новую Пасхалию на седьмое тысящелѣтіе, подписался подъ отвѣтной грамотой къ Митрополиту по зырянски. Съ распространеніемъ же и утвержденіемъ Христіанской вѣры эта необходимость сдѣлалась не столь чувствительною, и новые іерархи, замѣчая народное охлажденіе къ туземнымъ письменамъ, не только не старались о развитіи ихъ, но и поддерживали нерасположеніе народа къ школьному воспитанію, въ томъ предположеніи, что чрезъ это отклоняли отъ себя трудную обязанность — изученія зырянскаго языка. Наконецъ, со смертію избранныхъ учениковъ Стефана, нравственное и умственное образованіе дѣтей предоставлено было родителямъ, и школы опустѣли: письменность теряла свое назначеніе, мало по малу забывалась и, напоследокъ, совсемъ исчезла. Вѣкъ ея приблизительно можно опредѣлить съ небольшимъ во 100 лѣтъ, именно съ 1376 по 1501 г., когда въ послѣдній разъ упоминается о письменахъ зырянскихъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ.

Итакъ, единственною причиною забвенія народомъ письменности было его грубое невѣже-

ство. Но чему приписать оставленіе и утрату переводовъ зырянскихъ? Ученые прошедшаго вѣка и новѣйшіе писатели разногласно судятъ объ этомъ интересномъ предметѣ и объясняютъ, каждый по своему, какъ причины оставленія переводовъ, такъ и утраты ихъ. Въ продолженіе XVIII и XIX вѣковъ, тщательныя изысканія филологовъ объ этомъ спорномъ мѣстѣ въ исторіи зырянской письменности, были рѣшительно безплодны. И въ настоящее время, за отсутствіемъ вѣрныхъ фактовъ, приводится судить о немъ по догадкамъ и предположеніямъ.—Давность утраты зырянскихъ переводовъ безошибочно можно отнести XVI или XVII вѣкамъ; потому что *Татищевъ* въ своей *Россійской Исторіи* свидѣтельствуетъ, что книгъ зырянскихъ въ его время нигдѣ уже не было (*). Если это показаніе историка справедливо, то оставленіе переводныхъ образцовъ, вѣроятно, задолго предшествовало утратѣ ихъ. *Татищевъ*,—не приводя впрочемъ никакого основанія,—приписываетъ унадокъ письменности и утрату переводовъ лѣности и невѣжеству мѣстнаго духовенства. Это заключеніе, хотя не завѣренное фактомъ историческимъ и совершенно произвольное, едва ли

(*) Россійск. Ист. Татищева Ч. I. стр. 314.

подлежитъ сомнѣнію, если примемъ въ соображеніе тогдашнее недалекое образованіе нашего духовенства. Умалчивая о времени оставленія и утраты переводовъ, а равно и о побудительныхъ къ тому припинахъ, онъ не указываетъ ни на одно мѣсто, гдѣ бы можно подозрѣвать существованіе зырянскихъ книгъ. Между тѣмъ *Лепехинъ*, не ссылаясь ни на какіе источники, говоритъ въ своихъ запискахъ, что «когда изъ Устьвыма Епархія переведена была на Вятку, то и всѣ рукописанія Стефановы взяты въ епархіальный вятскій городъ Хлыновъ» (*). Митрополитъ *Евгеній* доказалъ ложность этого положенія, замѣтивъ, что «къ Вятской епархіи, учрежденной въ 1650 году, приписаны были сперва только Чердынскіе и Соликамскіе Пермьки; а Устьвымъ оставался въ Водогодской до 1676 г., и въ ономъ уже приписанъ къ Вятской, къ которой принадлежалъ до 1682 г.» (**), — т. е. до открытія Устюгской Епархіи. Вслѣдъ за *Лепехинымъ* бывший корреспондентъ Академіи Наукъ, Устюгскій Штабъ-Лекарь *Фризь*, на основаніи воображаемыхъ аргументовъ, еще

(*) Зап. Лепехина Ч. III, стр. 277.

(**) Словарь Историческій о писателяхъ духовнаго чина, Ч. II, стр. 607.

положительнѣе опредѣлилъ мѣсто, гдѣ обрѣтается книгохранилище зырянское. Онъ пишетъ, что «по уничтоженіи Пермской Епархіи большая часть Пермскихъ книгъ взята въ Москву, а другая въ 1779 г., вмѣстѣ съ нѣкоторыми зырянскими идолами и другими примѣчательными рѣдкостями, увезена бывшимъ Ярославскимъ и Вологодскимъ Генераль-Губернаторомъ Мельгуновымъ, а отъ него неизвѣстно куда поступила» (*). . . . Любители баснословныхъ преувеличеній дополнили этотъ вымыселъ Фриза, возвѣстивъ ученому міру, что Мельгуновъ «примѣчательныя рѣдкости зырянскія и книги представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II и, по Ея повелѣнію, сдалъ ихъ въ Эрмитажную Библіотеку». . . . Неосновательность этого свидѣтельства обнаружена Митрополитомъ Евгеніемъ, потому что по справкамъ его «съ Московской Патриаршею и Иностранной Коллегіи Архивою, а также и Эрмитажною Библіотеками, не оказалось въ нихъ ни одной зырянской книги, и въ Эрмитажъ они отъ Мельгунова никогда не поступали и ни гдѣ не являлись.» Далѣе, онъ продолжаетъ, что «сами Зыряне Устьвымскіе не помнятъ, чтобъ у нихъ во вре-

(*) Описаніе города Устюга.

мя Мельгунова были пермскія книги или писанія Стефановы; а въ потерѣ всѣхъ оныхъ ссылаются на бывшій 1740 г. въ Устьвымскихъ церквахъ пожаръ, истребившій все церковное имущество и книги.... Но пожаръ могъ истребить книги въ Устьвымѣ, и копіи ихъ остались бы въ древнихъ церквахъ; иначе надобно предположить, что полный кругъ богослужебныхъ книгъ на зырянскомъ языкѣ находился только въ одномъ Устьвымѣ, а приходскія церкви пользовались лишь однимъ существеннымъ, предварительнымъ, необходимѣйшимъ, — что въ нихъ одно только пѣніе, для вразумительности народа, отправлялось на языкѣ зырянскомъ, а все прочее на церковно-славянскомъ. Предположеніе это намъ кажется весьма основательнымъ, — потому что при большомъ количествѣ переводовъ по всѣмъ церквамъ, не возможно, чтобъ повсемѣстно они могли утратиться... По нашему мнѣнію, оставленіе переводовъ преимущественно зависѣло отъ неполноты, неясности и маловразумительности ихъ. Эти недостатки переводовъ, устраняемые вначалѣ частыми всенародными поученіями и толкованіями, въ послѣдствіи, при плохомъ образованіи мѣстныхъ пастырей, сдѣлались столь ощутительными, что народъ безъ поясненій съ трудомъ понималъ переводы, а въ иныхъ мѣстахъ не

доискивался въ нихъ никакого смысла. Такимъ образомъ, съ годами, потребность переводовъ становилась менѣе и менѣе и они, переставъ быть необходимостію, незамѣтно предавались забвенію и потомъ замѣнялись славянскимъ подлинникомъ. Никто не заботился о сохраненіи ихъ; быть можетъ, большое число ихъ истребили пожары, а время и невѣжество народа уничтожили и остатки. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что до сихъ поръ ни въ Москвѣ, ни въ Вяткѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ Устюгѣ, ни въ какомъ либо другомъ мѣстѣ не отыскано и слѣдовъ присутствія книгъ зырянскихъ.... Мы знаемъ изъ мѣстныхъ архивныхъ бумагъ, что Епископы Вологодскіе *Варлаамъ* (*) и *Арсеній* (**) отобрали отъ Устьвымскихъ церк-

(*) 1627 года мая 24 дня Подали Великому Господину Преосвященному *Варлааму*, Архіепископу Вологодскому и Великопермскому, Устьвымскіе крестьяне Савка Терентьевъ съ товарищемъ *четыре* грамоты и билъ челомъ, чтобы имъ тѣ грамоты вново переписать, и изъ тѣхъ грамотъ четвертая грамота утерялась въ Архіепископлѣ казнѣ, и какъ сыщется, и тое грамоту пришлемъ тотчасъ къ вамъ на Устьвымъ.... Къ сей памяти Казначей Старецъ Митрофанъ печать казенную приложилъ. (Печать изъ чернаго воску, величиною съ копѣйку). Скрѣпилъ: Дьякъ Іаковъ Ефремовъ.

(**) Подлинный ордеръ его о высылкѣ судебного хранится у Дьякона Устьвымской Архангельской церкви В. Мотохова.

вей грамоты и рукописи, и въ числѣ ихъ какой-то *судебникъ* зырянскій. Нѣтъ ли этихъ любопытныхъ рукописей въ архивахъ Вологодскаго кафедральнаго собора? Подобная находка повела бы къ болѣе счастливымъ результатамъ о судьбѣ зырянской письменности.

XIX.

Вліяніе смерти проповѣдника на общественный бытъ Зырянъ. Пермь—страна плача и стenanій. Продолжительное сиротство новопросвѣщенной паствы. Дѣла В. Князя съ Новгородомъ. Хиротонія Исаакія во Епископа Перми. Духовныя заботы его о паствѣ. Любовь народная. Основаніе Троицкаго Печерскаго Монастыря. Угасіе Исаакія въ дѣлахъ Московской Митрополіи. Народное о немъ мнѣніе.

Около двухъ лѣтъ, по смерти Стефана, Пермская Епархія не имѣла Архипастыря (*).

(*) Стефанъ умеръ въ 1396 году, 26 Апрѣля; Исаакій рукоположенъ 20 Января 1398. Въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ новый годъ начинался съ Сентября; одинъ только Никоновскій лѣтописецъ начинаетъ его съ Марта.

Кафедра Устьвымская оставалась никѣмъ незамѣ-
щенной, какъ бы въ доказательство того, что
не было никого достойнаго занять престолъ
просвѣтителя Зырянъ и что мужи съ Аpos-
тольскимъ призваніемъ, подвижники, подобные
Стефану, временно посылаются Богомъ на зем-
лю озарять ее свѣтомъ Божественнаго ученія,
назидать челоуѣчество образомъ жизни и дѣла-
ми и служить ему примѣромъ чистѣйшей нрав-
ственности и высокаго благочестія. Новообра-
щенная паства сиротствовала, лишенная любимаго
владыки и мудраго наставника; глубоко скорбѣла
душѣй, потерявъ добрѣйшаго отца и всегдашняго
благодѣтеля страны, и проливала горестныя сле-
зы о блаженной его кончинѣ. Смерть пропо-
вѣдника произвела впечатлѣніе самое тяжкое,
потрясающее,—потому что народъ, когда пла-
чевая вѣсть достигла Устьвыма, а отсюда
мгновенно пронеслась по всей Перми, повсе-
мѣстно предался неутѣшной горести, повсюду
жалобно вопилъ о невозратимой утратѣ и, въ
припадкахъ сильныхъ душевныхъ потрясеній,
доходилъ до отчаянія. Никто не останавливалъ
его; всѣ въ равной степени были сражены
общимъ несчастіемъ и всѣ одинаково чувство-
вали горечь его: Пермь казалась странною
плача и стenanій.—Искреннее сѣтованіе Зырянъ
по незабвенномъ Архипастырѣ выразилось въ

Соборной панихидѣ о упокоеніи праведной души его. Народъ оставилъ дома, старики забыли дряхлость, матери грудныхъ дѣтей, и поспѣшили издалека въ Устьвымъ — принести общія мольбы за наставника и просвѣтителя, помянуть заупокой душу его. Во время заупокойной обѣдни, служители церкви не одинъ разъ должны были останавливать Богослуженіе заглушаемое громкимъ плачемъ и рыданіями молящихся,—увѣщевали народъ не сѣтовать и не скорбѣть, но сами плакали и не удерживали слезъ своихъ. Кончилась обѣдня, начали отправлять панихиду. Вопли и стоны народные смѣшались съ трогательнымъ пѣніемъ Духовенства, вся церковь зарыдала горестно: въ жестокомъ душевномъ прискорбіи народъ пальницъ, молился пламенно за своего благодѣтеля и въ жалобныхъ причетахъ по немъ, этихъ патетически высокихъ выраженій скорбящей души, приходилъ въ состояніе тяжкаго самозабвенія. Это настроеніе чувствъ доказываетъ, что онъ глубоко сознавалъ чрезвычайность своей утраты. И, дѣйствительно, смерть Стефана, повергнувъ цѣлый край въ плачевную летаргію, имѣла пагубное вліяніе на общественную жизнь Зырянъ, разстроила домашній бытъ, остановила обыкновенную ихъ дѣятельность; народъ не занимался ни хозяйст-

вомъ, ни промыслами,—безпечность была повсемѣстная: во всѣхъ концахъ Перми раздавались одни печальные крики. В. Княжескіе чиновники требовали дани, а доходъ туземный былъ ограниченъ; народъ жаловался на бѣдность и недостатки, но его не слушали. Употреблены были строгія мѣры, открылись беспорядки, возбужденные притѣсненіемъ; указывая на нихъ, Зыряне тѣмъ болѣе чувствовали свое лишеніе, что теперь некому было защитить ихъ отъ хищности и жестокостей правителей страны.

Мѣстное Духовенство неоднократно молило Великаго Князя и Митрополита избрать Архипастыря новопросвѣщенному стаду, сраженному нравственно и физически кончиною Стефана и безнаказанно утѣсняемому пынѣ Тіунами и Вирниками. Великій Князь Василій Димитріевичъ, занятый въ это время дѣлами Новгородскими, отложилъ избраніе Епископа Перми до прибытія своего въ Москву, а Митрополитъ Кипріанъ и Соборъ Духовенства, безъ воли Государя, не рѣшались рукоположить новаго Владыку сиротствующей паствѣ Устьвымской. Между тѣмъ отсутствіе Великаго Князя продолжалось. Дѣла Новгородскія разрѣшились грозною войною. Василій Димитріевичъ прив-

леченный богатствами Двинской Области и Заволочья, откуда Новгородцы получали Закамское серебро и лучшие *мѣха Сибирскіе*, вознамерился овладѣть ими и, въ слѣдствіе мало-важныхъ побудительныхъ причинъ, *объявивъ гнѣвъ* Новгороду, т. е. войну, занялъ Торжекъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду.... Не будемъ слѣдить за опустошительными дѣйствіями этой войны, съ той и другой стороны кровопролитной, отъ которой въ особенности пострадали Бѣлозерскъ, богатая волость Кубенскія близъ Вологды и Устюгъ; скажемъ только, что Новгородцы, возвративъ военною рукою Двинскую Область и Заволочье, предложили выгодный миръ Великому Князю Московскому, а въ случаѣ отказа, грозили отложиться отъ него и признать главою Витовта, Князя Литовскаго.... (*) Заключивъ миръ съ Новгородцами, Великій Князь занялся избраніемъ Епископа Пермской Епархіи. Долго Митрополитъ, вмѣстѣ съ освященнымъ Соборомъ, изыскивали мужа, извѣстнаго христіанскими добродѣтелями, котораго попеченіямъ и духовному назиданію можно бы было ввѣрить только что просвѣщенную паству и который

(*) Исторія Государства Россійскаго Т. V, стр. 92, 93, 94, 95; примѣч. къ Т. V. 170, 171 и 172.

былъ бы достойнымъ преемникомъ просвѣтителя Зырянъ. Наконецъ, послѣ тщательныхъ развѣдываній, единогласно назначили инока *Исаакія*. Въ какомъ монастырѣ подвизался онъ и откуда родомъ—неизвѣстно. 20 Января 1398 года Кипріанъ, въ присутствіи Великаго Князя и множества бояръ, хиротонисалъ его во Епископа Пермскаго. *Василій Димитріевичъ* отправилъ его въ Пермь съ честію и великими дарами.— Радостная встрѣча Зырянъ убѣждала Архипастыря въ сильной привязанности ихъ къ бывшему Владыкѣ — просвѣтителю и вмѣстѣ свидѣтельствовала добрую нравственную сторону народа, вынаруживъ его душевныя ощущенія—ласковость и привѣтливость, всегда такъ пріятныя для незнакомца. Первымъ дѣломъ новаго Іерарха Устьвымскаго было обозрѣть предѣлы церкви, ему ввѣренной. Странствуя изъ погоста въ погостъ по отдаленнымъ селамъ зырянскимъ, онъ замѣчалъ въ народѣ необыкновенную къ себѣ преданность; поучалъ, проповѣдывалъ, помогалъ, благодѣтельствовалъ, ходатайствовалъ, защищалъ: Зыряне столько же полюбили его, какъ и отца—*Стефана*. Въ продолженіе долголѣтняго управленія Пермскою Епархіею, неутомимо заботясь о духовномъ просвѣщеніи юной паствы, *Исаакій* вполне оправдалъ выборъ и

надежды Великаго Князя и Митрополита,—снискавъ общую народную довѣренность и любовь, возстановилъ порядокъ по гражданскому управленію краемъ, усилилъ промышленность и торговлю народа,,улучшилъ его домашній и общественный бытъ и, по справедливости, заслужилъ названіе добраго Архипастыря. Устюжане и Новгородцы, наслышанные о духовныхъ подвигахъ святителя Пермскаго, старались богатыми приношеніями въ Устьвымскій Соборъ доказать ему свое уваженіе; даже самые Вогуличи, эти безпокойные сосѣди—враги Зырянъ, питали къ нему чувство невольнаго страха и почтенія, и опасались нападать на Верхне-Вычегодскія деревни зырянскія.

Въ управленіе Исаакія основанъ былъ, въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Устьсысольскаго уѣзда, въ селѣ *Мылдинъ*, нынѣшнемъ погостѣ Троицко-Печерскомъ, при впаденіи Сѣверной Мылвы въ Печору, монастырь Троицкій. Цѣлю основанія этого монастыря было обращеніе въ Христіанскую вѣру Зырянъ-Печорцевъ, Богуличей, Самоѣдовъ и Югры. Иноки Печорскаго монастыря служили для мѣстныхъ жителей по р. Печорѣ приходскими священниками и постепенно обратили ко Христу всѣхъ Зырянъ отъ верховьевъ большой Печоры до са-

мага Пустозерска (*). Въ послѣдствіи времени они положили основаніе Кеврольскому Воскресенскому монастырю, братія котораго просвѣтили Христіанскою вѣрою жителей Пинежскаго уѣзда.

Управляя своею Епархією, Святитель Пермскій принималъ также участіе въ дѣлахъ Московской Митрополіи. Такъ въ 1416 году онъ вызванъ былъ Митрополитомъ Фотіемъ, чтобъ присутствовать при хиротоніи чернеца отъ Снаса на Хутынѣ, Сампсона, во Архіепископа Новгороду. Въ лѣтописяхъ этого времени только одинъ разъ упоминается объ Исаакии, записанномъ именно потому, что онъ былъ при поставленіи Архіепископа Новгородскаго, за тѣмъ, нигдѣ не говорится объ немъ ни слова, и мы не находимъ указаній ни на годъ кончины его, ни на число лѣтъ по управленію Пермскою Епархією. Продолжительное пребываніе его въ Перми, отеческія заботы о благосостояніи паствы, ходатайство и защита предъ Великимъ Княземъ и боярами, расположили къ нему сердца Зырянъ, и онъ,

(*) Истор. Рос. Іерархія Т. V., стр. 550, 551. Монастырь этотъ упраздненъ до 1764 г., и церковь обращена въ приходскую.

наравнѣ съ Стефаномъ, пользовался одинаковымъ общественнымъ мнѣніемъ. Народъ, вполне благодѣтельствованный имъ, забылъ рапы душевныя, нанесенныя смертію Стефана; высоко чтилъ и уважалъ добраго его преемника и, видя въ немъ такого же усерднаго помощника, всѣми силами признательной души привязался къ нему. Народныя преданія сохранили память объ немъ, какъ объ одномъ изъ добрейшихъ Архипастырей.

XX.

Св. Герасимъ, третій Епископъ Устьвыжскій. Выписки объ немъ изъ мѣстныхъ рукописей. Достоинство этихъ рукописей. Первые годы управленія Герасима Епархіею. Бѣдствія Перми. Водулиги. Князь Асыка. Новгородская и Вятская вольницы. Ходатайство Герасима у враговъ. Неусыпныя попеченія его о благодѣтеляхъ и пастыряхъ, ему вѣрною. Мугенигская смерть Герасима.

Послѣ Исаакія управлялъ Пермскою Епархіею Епископъ Герасимъ, неизвѣстно кѣмъ и когда въ сей санъ хиротонисанный. Ни въ одной изъ современныхъ лѣтописей, пользу-

щихся историческою извѣстностію, не находимъ мы не только подробностей іерархическаго управленія этого Святителя, но и указаній на годы поставленія и кончины его. Лѣтописцы наши почему-то пропустили этого іерарха въ своихъ сказаніяхъ и не внесли въ лѣтописи ни имени, ни благочестивыхъ его дѣяній. За отсутствіемъ историческихъ свѣдѣній, мы принуждены были бы писать біографію Герасима по мѣстнымъ преданіямъ, и въ такомъ случаѣ біографическій очеркъ, какъ составленный на разнорѣчивой молвѣ народной, былъ бы весьма односторонень и сжатъ, произвелъ бы недоразумѣнія, а слѣдовательно и нареканія взыскательнаго историка. Чтобъ устранить сомнѣніи и избежать нареканій, мы заимствуемъ подробности какъ о Герасимѣ, такъ и о послѣдующихъ іерархахъ изъ мѣстныхъ рукописей, тѣмъ болѣе достовѣрныхъ, что онѣ написаны были туземцемъ и основывались на свѣжихъ преданіяхъ народныхъ. Время сохранило эти рѣдкія и драгоценныя сказанія, которыя, какъ святыня, изъ рода въ родъ передавались Зырянами и до сихъ поръ едвали кому были извѣстны. Для насъ эти рукописи имѣютъ двойной интересъ,—и по характеру изложенія и по современнымъ обстоятельствамъ, въ нихъ описываемымъ. Сообщаемыя ими свѣдѣнія столь важны для система-

тической Исторіи Церковной Іерархіи Устьвымской, что безъ нихъ мы не имѣли бы возможности объяснить ни замѣчательныхъ событій изъ жизни іерарховъ, ни написать ихъ біографій, характеризующихъ и образъ жизни и религіозный духъ этихъ святыхъ отцевъ церкви,—ни высказать дѣятельнаго участія ихъ въ современныхъ происшествіяхъ нашего Государства,—ни указать на тѣ отношенія, которыя имѣла при нихъ Пермь къ Россіи. Не смотря на краткость рукописей, мы почерпаемъ изъ нихъ такіе любопытные факты для отечественной Исторіи вообще и для зырянскаго края въ особенности, что на основаніи ихъ можемъ съ болѣею увѣренностію слѣдить какъ за развитіемъ христіанства въ Перми, такъ и за постепеннымъ іерархическимъ ея управленіемъ. Сбивчивость, темнота и необыкновенная сжатость извѣстѣйшихъ нашихъ лѣтописей того времени поставили бы насъ въ крайне затруднительное положеніе при описаніи этого интереснаго періода Зырянской Исторіи и, руководствуясь ими, мы могли бы сказать объ немъ очень немногое, и то по догадкамъ и предположеніямъ.... Приобрѣтенныя нами рукописи, избавляя насъ отъ голословнаго сужденія и аналогическихъ взглядовъ на іерархію зырянскаго края, въ глазахъ читателей должны

имѣть достоинство той новости, которая проливаетъ яркій свѣтъ на бывшее до сихъ поръ темное мѣсто въ Исторіи Іерархіи Устьвымской. Для большинства зырянскихъ филологовъ это достоинство рукописей въ настоящее время тѣмъ болѣе важно, что о существованіи ихъ, полтора вѣка назадъ тому, не знало даже мѣстное Духовенство Устьвымское; мы имѣемъ письменное доказательство этому, отысканное въ архивахъ Устьвымскихъ церквей (*).

(*) «Господину Вологодскаго Архіерея Дьяку Спиридону Стефановичу.

Устьвымской Благовѣщенской церкви
Священникъ Евтихій съ причетники и
всѣ приходскіе люди челомъ бьютъ.

Пишемъ тебѣ Господину, и объ томъ знатно, что въ Архіерейскомъ домѣ или въ Соборной церкви или у твоей милости есть о началѣ и о бытности на Устьвыми Епископіи Стефана Епископа Пермскаго, и по немъ иныхъ Епископовъ поряду и Чудотворцевъ Герасима, Питирима и Іоны, въ которые годы они епископствовали, и откуда родомъ, и которой Епископъ и Чудотворецъ сколько годовъ во Епископіи пребыли, и каковы Чудотворцамъ кончины и преставленія были, и что ихъ чудеса, и которой Епископъ гдѣ почиваетъ и въ которые годы съ Устьвыми на Вологду, и которой Епископъ переведенъ, — мы испѣдаемъ и приходящіе къ Чудотворцамъ богомольцы о томъ дѣлѣ осуждаютъ, что мы неспѣдимъ.

Въ рукописяхъ поименованы по порядку всѣ Епископы, управлявшіе Пермскою Епархіею и вкратцѣ исчислены разные случаи ихъ іерархическаго управленія. Одно это обстоятельство составляетъ уже историческій интересъ рукописей и дѣлаетъ ихъ примѣчательными и драгоцѣнными, потому что въ другихъ лѣтописяхъ мы не находимъ такихъ положительныхъ показаній; къ тому же и новѣйшіе писатели разногласны въ мнѣніяхъ своихъ и во времени управленія нѣкоторыхъ іерарховъ и въ самыхъ событіяхъ при нихъ случившихся.— Въ одномъ только можно упрекнуть писателя

Да и надлежитъ у ихъ святой раки о вышеписанномъ дѣлѣ на письмѣ быть сполна.

И о томъ вышеписанномъ Спиридонъ Степановичъ, ради ихъ Чудотворцевъ, благоволи порадѣть, прикажи разыскать или и Архіерею Божию доложить, и выписать и къ намъ на Устьвымъ прислать. Не положи о семъ дѣлѣ забвенно, а за твое радѣніе они Чудотворцы воздадутъ тебѣ мзду; а за работу и за письмо плательщики, кто тебѣ сіе писаніе вручить. Пожалуй, Спиридонъ Степановичъ, порадѣй, и которому Епископу какія титла писались и которому Епископу Вологда къ Устьвыми и Черми придана.

(Года, мѣсяца и числа нѣтъ. Изъ клировыхъ церковныхъ вѣдомостей видно, что Священникъ Евтихій умеръ въ 1717 году.)

рукописей, что онъ не поставилъ ни при одномъ изъ Епископовъ годовъ поставленія и кончины; но этотъ недостатокъ совершенно выкупается высказанными нами достоинствами рукописей, — и такъ какъ онъ можетъ быть пополненъ изъ другихъ лѣтописей, то вліяніе его становится едва ощутительнымъ.

Для полноты нашего описанія Іерархіи Устьямской, мы, придерживаясь послѣдовательности мѣстныхъ рукописей, заимствуемъ изъ другихъ лѣтописей все, что говорится объ іерархахъ Перми.

Въ первые годы управленія Герасима Пермь наслаждалась глубокимъ спокойствіемъ: внутри господствовалъ порядокъ, процвѣтала торговля, промышленность народная усиливалась; внѣшняя безопасность обезпечивалась мирными отношеніями ко всѣмъ окружающимъ сосѣдямъ. Народъ благоденствовалъ, увеличивалъ источники приобрѣтеній, обогащался и надѣлялъ щедрыми приношеніями монастыри и храмы Божіи. Набожность его, возбуждаемая мѣстнымъ Духовенствомъ, повсемѣстно доказывалась тѣмъ, что не осталось ни одной многолюдной деревни, гдѣ бы не было создано церкви усердіемъ прихожанъ. — Но прошли эти

счастливыя времена: настали бѣдствія, надолго разстроившія благоденствіе Перми и ея обитателей, настали несчастія, тѣмъ болѣе тяжкія, что не только народъ, но и правители страны, сами святыя іерархи много пострадали отъ нихъ. Бѣдствія эти скоплялись издалека извпѣ, вслѣдствіе разныхъ побудительныхъ причинъ: съ одной стороны изъ мести и злобы, съ другой—алчности къ прибытку. Положеніе Перми стало самое затруднительное: въ одно и то же время она принуждена была защищаться отъ грозныхъ нападсній различныхъ враговъ, далеко превышавшихъ ее силами. Матеріальныя ея средства, разрозненныя на трехъ отдѣльныхъ пунктахъ, именно въ мѣстахъ открытыхъ и удобныхъ ко впаденію непріятелей, не могли быть соединены вмѣстѣ и направлены противъ того или другаго изъ нихъ; а взятыя порознь и употребленныя въ дѣло не надолго удерживали буйное стремленіе врага многочисленнаго. Самыми опасными врагами были Вогуличи. Затаивъ въ душѣ чувство ненависти къ Зырянамъ, они постоянно старались вредить имъ въ промыслахъ и торговлѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ злодѣйствовали въ верхневыхегодскихъ селеніяхъ; но удерживаемые своими Князьками, питавшими невольное уваженіе къ Святителямъ, не смѣли отъ

крытою силою нападаты на Зырянъ. Наконецъ, между Князьками поселился раздоръ, открылись смуты, произошли междоусобія, кончившіяся смертію многихъ дикихъ цариковъ, и съ этихъ поръ одинъ изъ нихъ дѣлается могущественнымъ Княземъ, грознымъ владыкою надъ всѣми другими, которому съ трепетомъ повинуются и осѣдлые и бродячіе Вогуличи и который въ продолженіе полвѣка былъ страшнымъ бичемъ Зырянъ. Этотъ бичъ назывался *Асыкою*. — Нестоль опасными казались прочіе враги Зырянъ — Новгородская и Вятская воляницы, привлеченныя въ Пермь изобиліемъ и богатствами туземной мягкой рухляди. Новгородцы грабили ниже-вычегодскія деревни зырянскіе, а Вятчане по Сысолѣ и Лузѣ. — Въ этихъ плачевныхъ обстоятельствахъ, общесунныіе и отчаяніе были столь сильны, что народъ не думалъ уже о защитѣ, поспѣшно оставлялъ дома, спасался бѣгствомъ въ лѣса и жилъ подолгу въ дѣбряхъ, вмѣстѣ съ дикими звѣрями. Набожный Святитель, въ эти жестокія години испытаній, употребилъ все свое вліяніе, всю дѣятельность на защиту вѣры и паствы, ему ввѣренной. Не щадя здоровья и собственныхъ средствъ, какъ истинный пастырь овецъ, расхищаемыхъ жадными волками, онъ странствовалъ по Перми

изъ конца въ конецъ, являлся какъ Ангелъ хранитель, вездѣ, гдѣ предстояла опасность, вездѣ защищалъ невинно притѣсняемыхъ, повсемѣстно благодѣтельствовалъ, повсюду былъ миротворцемъ и умолялъ сыновъ духовныхъ сносить съ терпѣніемъ посѣщеніе Божіе, неунывать въ постигшей бѣдѣ. Новгородская и Вятская вольницы, тронутыя его ласковыми и смиренными увѣщаніями, а болѣе всего умирительнымъ ходатайствомъ, возвратили все награбленное ими и внесли, изъ уваженія къ доброму святителю, богатые вклады въ обители Пермскія. Вогуличи, не смотря на свирѣпость вождя, когда Герасимъ явился въ станъ ихъ и обратился къ нимъ съ кроткими моленіями о пощадѣ народа, Богомъ и Государемъ порученнаго его заботамъ, они почувствовавши справедливость убѣжденій святаго старца, и удалились. Святитель тогда занялся водвореніемъ порядка въ пострадавшихъ отъ непріятелей деревняхъ; часто посѣщалъ отдаленные предѣлы своей Епархіи; пренебрегалъ опасностями и затруднительными путями сообщеній; проникалъ въ дикую глушь, особенно если слышалъ, что въ ней укрывается бѣдность безпомощная; входилъ во всѣ нужды крестьянъ, помогалъ однимъ, одоужалъ другихъ и заслужилъ вполне имя благодѣтеля народа Ду-

шевные огорченія и недуги тѣлесныя—слѣдствія неусыпныхъ попеченій о благѣ паствы, совершенно разстроили здоровье святаго Герасима. Но и больной, онъ заботился не о здоровьи, а о выполненіи обязанностей священнаго сана: поѣхалъ обозрѣть ближайшія къ Усть-вemu церкви и въ обратный путь, какъ сказано въ рукописи, «на Устьвымскомъ лугу, близъ Устьвымска городка, за мало стадій отъ Соборныя церкви, бысть удушенъ святой отецъ за нѣчто отъ своихъ домочадець, не повинно кончину воспрія святой мѣсяца Генваря въ 24-й день»... Преданіе говоритъ, что Святой Герасимъ былъ удушенъ амфоромъ слугою—Вогуличемъ, котораго онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе отъ родителей Вогуловъ съ цѣлю образовать изъ него духовнаго пастыря, который научилъ бы ихъ познанію Бога Истиннаго.

XXI.

Св. Питиримъ, четвертый Епископъ Устюжскій. Посланія его къ Всеулигамъ и Вятской вольницѣ Бѣдствія Перми. Смуты на сѣверѣ Россіи. Остатки междоусобій Русскихъ Князей. Вліяніе этихъ междоусобныхъ раздоровъ на Пермь. Беззащитное ея положеніе. Отпаденіе Югровъ отъ Новгорода. Политика Новгородскаго Вѣща. Помощь Новгородцевъ Зырянѣ. Сухопутный и водный пути въ землю Югорскую.

Бѣдствія, постигшія Пермь при Герасимѣ повторились съ горчайшими послѣдствіями при преемникѣ его Питиримѣ, іерархѣ, во многихъ отношеніяхъ примѣчательномъ. Наша отечественная Исторія, не входя въ подробности о происхожденіи и раннихъ монашескихъ его подвигахъ, умалчивая даже о самомъ годѣ хиротонисанія его во Епископа землѣ Пермской, упоминаетъ, впрочемъ, объ немъ, какъ объ одномъ изъ ученѣйшихъ мужей того вѣка, славномъ высокими христіанскими добродѣтелями и называетъ ревностнѣйшимъ изъ преемниковъ Стефана, мудрымъ наставникомъ и щедрымъ благотворителемъ народа, такимъ «сердобольнымъ» защитникомъ края и паствы, ему ввѣренной, который пожертвовалъ жизнію, пре-

терпѣлъ мученическую смерть, спасая церковь и своихъ сыновъ духовныхъ отъ люгости враговъ неистовыхъ. Избранный на чреду служенія Архипастырскаго въ странѣ, обуреваемой тяжкими народными несчастіями, поставленный владыкою обширной Епархіи, населенной мирными племенами Финскими, жестоко притѣсняемыми хищными сосѣдями, Пителимъ, съ первыхъ дней управленія, обратилъ особенное вниманіе на устройство церковное и вмѣстѣ съ нимъ на водвореніе, на протяженіи всего края общественнаго порядка, нарушеннаго враждебными отношеніями къ Перми народовъ сосѣдственныхъ. Первымъ дѣломъ іерарха было возстановленіе дружественныхъ съ ними связей и, преимущественно, съ Вогуличами и Вятской вольницей, къ общему негодованію Зырянъ, самовольно поселившейся въ предѣлахъ Пермскихъ, по рѣкамъ Сысолѣ и Лузѣ. Съ этою цѣлію разосланы были имъ увѣщательныя грамоты и посланія не воевать и не грабить народъ, который всегда свято соблюдалъ мирныя условія и не измѣнялъ ручательствъ своихъ правителей. Но что значили эти посланія для людей своевольныхъ, незнакомыхъ съ законами христіанскими и правилами нравственными, чуждыхъ той гражданственности, которая соединяетъ народъ узами родства, любви,

дружбы и заставляеть заботиться о взаимной безопасности, для людей, вскормленных грабежемъ и насиліемъ и совершенно преданныхъ влеченію грубыхъ страстей, низкихъ и отвратительныхъ для человѣчества? Конечно, они не имѣли успѣха и произведенное ими впечатлѣніе въ умахъ корыстолюбивыхъ хищниковъ было для Зырянъ болѣе невыгодное, потому что, обнаруживая нѣкоторымъ образомъ слабость силъ матеріальныхъ, возбуждало въ первыхъ охоту къ злодѣйствамъ, въ надеждѣ на безнаказанность, по праву сильного. И дѣйствительно, во все время управленія Питирима, Вогулича и Вятчана, рассчитывая на эту слабость, не переставали безнокоить Пермь хищными набѣгами. Страшные разбои съ одной стороны и частые грабежи съ другой поставили Зырянъ въ такое страдательное положеніе, что они не знали, гдѣ искать себѣ защиты и покровительства и къ кому прибѣгнуть съ прошеніемъ о помощи. Питиримъ, ревностный блюститель паствы, неутомимый въ попеченіяхъ о благѣ ея, употребилъ личное вліяніе, истощилъ все свои и монастырскіе доходы, чтобъ ослабить по крайней мѣрѣ тягость народнаго несчастія, которое отвратить не было ни какой возможности. Въ выборѣ самыхъ средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ края, Святитель

находился тѣмъ въ большемъ затрудненіи, что, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ нашего Государства, онъ не могъ надѣяться на скорое вспоможеніе ни отъ сосѣдей — Устюжанъ и Новгородцевъ, занятыхъ въ то время собственными интересами, ни отъ самаго Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго, силы котораго были устремлены къ уничтоженію остатковъ междоусобій, произведенныхъ его дядею Юріемъ и сыновьями этого послѣдняго Василиемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякою, нѣсколько лѣтъ сряду свирѣпствовавшими въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи, близь Вологды, Устюга и во всей Двинской области. Эти смуты нашего Отечества и въ особенности эта близость междоусобныхъ раздоровъ къ Перми, усиливали горестное настроеніе умовъ ея обитателей и давали широкій просторъ грабителямъ, грозно бушевавшимъ на пространствѣ всего края: провѣдавъ, что Пермь предоставлена собственнымъ матеріальнымъ средствамъ, они отдѣльными шайками разбрелись по отдаленнымъ деревнямъ зырянскимъ, не щадили ни возраста, ни пола, производили неслыханныя жестокости, варварски убивали беззащитныхъ стариковъ, жгли дома, рѣзали и уводили скоть и преспокойно возвращались на сборныя мѣста, въ увѣренности

что не кому наказать ихъ за хищничество. Народъ, какъ и прежде въ години бѣдствій, не думалъ о сбереженіи хозяйства, но спасалъ лишь свою жизнь, и укрывался съ семействами въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ могъ быть безопасенъ отъ всякихъ поисковъ — Неизвѣстно, сколько именно времени продолжались тяжкія несчастія Перми; только въ 1445 году Зыряне, соединившись съ Новгородцами, имѣли случай отмстить Вогулицамъ за прежнія обиды и взяли съ нихъ клятву не впадать въ предѣлы Перми съ непріязненными дѣйствіями. Но увидимъ далѣе, какъ ничтожны клятвы у народовъ дикихъ и какъ жестоко обманулись Зыряне въ своихъ ожиданіяхъ. . . . Новгородцы явились въ Пермь ничуть не для защиты Зырянъ и не по ихъ призыву: народная держава, каковою былъ тогда Новгородъ, не смотря на убѣдительныя посланія Питирима, не рѣшилась бы, безъ особыхъ правительственныхъ видовъ, вступаться за права народовъ, знакомыхъ собственно по дружественнымъ торговымъ связямъ и ей не подвластныхъ, и жертвовать своими людьми для защиты ихъ. Это все было не въ характерѣ Новгородскаго Вѣча, и оно въ подобныхъ случаяхъ придерживалось постоянно вѣковаго правила извлекать изъ современныхъ историческихъ произшествій существен-

ныя выгоды для своей націи. Удачно примененная политика Новгородцевъ видна и въ этой помощи, предложенной Зырянамъ. Югры, сосѣди Зырянъ, обитавшіе по обоимъ склонамъ Урала, издревле платили дань Новгороду серебромъ и мѣхами, нѣсколько вѣковъ составлявшими единственный предметъ заграничной торговли, весьма обширной и прибыльной для купцовъ Новгородскихъ. Князья Югорскіе всегда исправно платили эту дань; но узнавъ отъ Вогуличей, о смутахъ сѣвера, въ 1445 году вздумали рѣшительно отложиться отъ Новгорода, и не послали на этотъ годъ извѣстной дани. Народное Вѣче, получивъ отказъ, справедливо разсудило, что съ лишеніемъ такого важнаго пункта доходовъ, произойдетъ гибельный кризисъ какъ во внутреннихъ такъ и во внѣшнихъ торговыхъ оборотахъ Новгорода, — и немедленно послало сильную рать усмирить ослушниковъ и опять привести въ подданство Князей Югорскихъ. Такъ какъ путь въ землю Югорскую пролегалъ чрезъ Пермь, то вожди Новгородскіе, именемъ Вѣча, предложивъ Зырянамъ защиту и покровительство, пригласили ихъ съ собою, чтобъ наказать Вогуличей за грабежи и разбой. Зыряне давно искали случая отмстить своимъ непримиримымъ врагамъ и злымъ хищникамъ, и потому съ радостію

приняли вызовъ, который давалъ имъ полную возможность устранить Вогуличей виѣшнюю силу и доказать имъ, что варварскія злодѣйства не всегда остаются ненаказанными. Они присоединились къ Новгородцамъ и были проводниками по трудной и малоизвѣстной дорогѣ въ пустынную, лѣсистую и малонаселенную Угрію. Путь въ нее шелъ вверхъ по Вычегдѣ, съ Южную Мылсу, Ыктыль, Сѣверную Мылсу и наконецъ въ Большую Печору, откуда раздѣляясь на множество лѣсныхъ дорогъ, извѣстныхъ болѣе промышленникамъ, гдѣ ратники должны были идти нѣсколько сотъ верстъ пѣшкомъ по дѣжкамъ паршамъ (*) и топкимъ болотамъ, пробираться чрезъ отроги Урала, преодолевать препятствія, поставленные здѣсь самою природою, испытывать тяжкія лишения, терпѣть недостатки и опасаться на каждомъ шагѣ за жизнь въ борьбѣ съ естественными преградами. Этотъ путь становился еще болѣе ватруднительнымъ, когда проводники сбивались съ дороги и блудились по лѣснымъ тропинкамъ. Рать Новгородская, безъ постороннихъ указаній, неминуемо погибла бы въ этомъ пути, но знаніе и опытность зырянскихъ про-

(*) Паршами называются возвышенныя, но топкія равнины, покрытыя березникомъ и соснами.

мышленниковъ избавляли ее отъ этой жалкой участи. Всѣ эти препятствія хорошо предвидѣло Новгородское Вѣче, и, чтобъ отвратить гибельныя послѣдствія для войска въ лѣсистой и малоизвѣстной странѣ, наказало вождамъ предложить помощь Зырянамъ съ тѣмъ, чтобъ они служили имъ проводниками въ землю Югорскую. Кромѣ этого пути были извѣстны еще два водныхъ. Одинъ — *юга-восточный*, шелъ вверхъ по *Большой Печорѣ* въ *Малую* и по лѣснымъ мелкимъ рѣчкамъ, перерѣзывающимъ *Уралъ*, вводилъ прямо къ *Юграмъ*; другой — *сѣверовосточный*, начинался также съ *Печоры*, именно съ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее широкій и многоводный *Бѣлычъ*, по которому суда шли вверхъ до впаденія въ него рѣки *Егры-Ляги*, а изъ нея должно было на лыжахъ переходить высокій горный хребетъ *Урала*, за которымъ начинались юрты или жилища *Югровъ*. Вообще водный путь требовалъ гораздо болѣе времени противъ сухопутнаго и былъ соединенъ съ неменѣе опасными преградами, по причинѣ мелководія ничтожныхъ рѣчекъ, по которымъ надобно было слѣдовать, и потому рать *Новгородская*, по совѣту мѣстныхъ жителей, рѣшилась идти съ *Печоры* сухимъ путемъ въ землю *Югорскую*.

XXII.

Удаленіе Асыки на верхъ Вычегды. Плѣнь. Блѣтеніе его и освобожденіе. Ходатайство Новгородцевъ у Вятчанъ. Вліяніе междоусобій на Пермь. Вызовъ Питирима въ Москву. Достопамятное посланіе Русскаго Духовенства къ Шемякѣ. Злодѣйства Асыки въ сѣверныхъ предѣлахъ Перми. Заботы Архипастыря о несчастныхъ. Новый вызовъ Питирима въ Москву. Послѣдніе годы управленія его Пермскою Епархіею.

При первой вѣсти о приближеніи Новгородцевъ къ предѣламъ Перми, Вогуличскій князь Асыка собравъ всѣхъ подвластныхъ себѣ князей, поснѣшилъ удалиться на верхъ Вычегды, откуда внезапными нападеніями могъ безпокоить рать Новгородскую и, въ случаѣ пораженія, свободно укрываться въ дикой мѣстности. Страшась, однакожь, грозной силы Новгорода, онъ запасся всѣми средствами къ продолжительному слѣдованію за рѣку Печору, къ приуральскимъ собратамъ. Новгородцы, пользуясь благоприятнымъ весеннимъ временемъ, быстро подвигались впередъ и благополучно проплыли Вычегду; Зыряне составляли передовую стражу Новгородскаго войска. Асыка между тѣмъ ожидалъ времени, когда рать, оставя Вычегду, вступитъ въ Сѣверную Мылву, отъ которой

до Печоры оставалось еще болѣе 700 верстъ. Намѣреніе его было затруднять плаваніе Новгородцевъ по этой пустынной дорогѣ, въ мѣстности дикой и лѣсной, гдѣ не было возможности сражаться на открытомъ мѣстѣ и гдѣ, дѣйствуя врозсыпъ, онъ надѣялся болѣе вредить имъ и на водѣ и съ суши. Хитрый Вогуличскій князь рассчитывалъ, что, если Новгородцы не успѣютъ попасть въ Угрію до осени, то имъ придется зимовать въ Печорѣ; средства ихъ истощатся; дорожные запасы оскудѣютъ; продолжительность пути покажется утомительною; войско, находясь въ бездѣйствіи и праздности, предастся нѣгѣ, потеряетъ бодрость, лишится отваги, упадетъ духомъ, — и гибель его неминуема: тогда онъ однимъ дружнымъ набѣгомъ думалъ нанести рѣшительный ударъ Новгородцамъ. Но строгая осмотрительность войска и благоразумныя мѣры военачальниковъ совершенно разрушили планы Асыки: ватаги его были разсѣяны, самъ онъ захваченъ въ плѣнъ и сопровождалъ Новгородцевъ въ землю Югорскую. Въ послѣдствіи, по покореніи Югровъ, Зыряне, взявъ съ Асыки страшную клятву жить съ ними въ согласіи и не входить въ Пермь съ подвластными народами, дали ему свободу. Коварный Вогуличъ, покорясь необходимости и уступая

силѣ, клялся по своей вѣрѣ грозными духами сохранять до смерти дружественныя отношенія къ Зырянамъ, но въ душѣ ужасно злобился на нихъ; и эта клятва, вынужденная единственно критическими обстоятельствами, еще болѣе усиливала его ненависть, еще болѣе возбуждала въ немъ врожденное чувство мести къ этому народу. Получивъ свободу, онъ отправился на Печору и ждалъ только удаленія Новгородцевъ, чтобъ съ большею яростию пачать свои опустошительныя на Пермь набѣги. Впрочемъ до 1447 года Асыка оставался спокойнымъ, и Зыряне, благодаря неуспыннымъ заботамъ и щедрымъ вспоможеніямъ своего Архипастыря, исподоволь поправились въ домашнемъ быту, обзавелись хозяйствомъ и, не чувствуя недостатка въ житейскихъ потребностяхъ, искренно благодарили Пятирима за тѣ благодѣянія, которыя такъ скоро заставили забыть горькія бѣды, ранѣе ими понесенныя.—Вятчане, внимая предстательству Святителя Пермскаго и уважая ходатайство своихъ братьевъ Новгородцевъ, вызвали изъ Перми вольницу и поручились, что на будущее время она удержится отъ грабежей и хищничества; въ противномъ случаѣ Вятка отвѣчаетъ за ослушниковъ. Къ сожалѣнію, счастье народа и спокойствіе страны не продолжились: жестокая

судьба не переставала испытывать Пермь тяжкими бѣдствиями, не переставала карать люто-стію враговъ язычниковъ. Къ увеличенію бѣд-ствій края много способствовали междоусобія нашего отечества, принявшія въ то время характеръ варварства, по духу христіанства, намъ несвойственного. Питиримъ, извѣстный Великому Князю умомъ и набожностію, въ 1447 году былъ вызванъ въ Москву, чтобъ участвовать въ составленіи Соборнаго посланія къ Димитрію Шемякѣ, измѣнившему клятвеннымъ договорамъ и опять злодѣйствовавшему въ Двинской области. Питиримъ повиновался велѣнію Князя, но неохотно оставлялъ Пермь, какъ бы предчувствуя, что въ отсутствіе его произойдутъ въ ней великія несчастія. Вскорѣ, по прибытіи въ Москву, онъ, вмѣстѣ съ другими Епископами, сочинилъ увѣщательную грамоту къ Шемякѣ; Соборъ прочиталъ ее Великому Князю, уже темному, и она отправлена къ Юрьевичу отъ имени Русскаго Духовенства. Выписывая изъ этого достопамятнаго посланія главныя мѣста, мы объясняемъ этимъ смутное состояніе Россіи и нѣкоторымъ образомъ знакомимъ читателей съ сочиненіемъ (первой половины XV вѣка), въ которомъ участвовалъ ученый Святитель Пермскій.

«Господину Князю Димитрію богомольци, господине, брата твоего старѣйшаго, Великаго Князя, и вашего благородія общіи, Ефремъ Владыка Ростовскій, Авраміи Владыка Суждальскій, Іона Владыка Рязанскій, Варламъ Владыка Коломенскій, Питиримъ Владыка Пермскій, и мы ваши пищии и молебницы Геронтій Архимандритъ Симановскій, Мартиніанъ Игуменъ Сергіева Монастыря, и съ прочими Архимандриты и Игумены, (и проч.) челомъ бьемъ и благословляемъ Всѣси, како отецъ твой . . . коликіе труды подъялъ . . . а княженія великаго не досягль, что ему Богомъ не дано, ни земскою пошлиною Потомъ паки не уймѣся, собравъ къ себѣ злыхъ челоуѣкъ, да Великаго Князя згонилъ: и колико паки на великомъ княженіи пожи? . . . Потомъ и вдругіе пришедъ сѣлъ на великомъ государствѣ безъ пошлины же, паче рещи яко разбойнически: и колико паки самъ пожилъ? . . . Воспомянемъ же и тебе вмаѣ Егда приходилъ къ Москвѣ безбожный Царь Махметъ, а воя по землѣ распустилъ, и Князь Великій колькое пословъ по тебе посылалъ, такоже и грамотъ? и ты не пошелъ Потомъ же безбожный Царевичъ Мамотякъ приходилъ И тобѣ діаволъ на него (Василія) вооружилъ желаніемъ самоначалства, разбойнически, по-

щетатетвомъ изгонити его на крестномъ цѣлованіи, и сотворилъ еси надъ нимъ не меньше. Каина и окаяннаго Святополка Колико еси государствовалъ? . . . Не все ли въ суетѣ и въ прескаканьи отъ мѣста до мѣста Ища и желая большаго и меньшее свое изгубилъ еси А братъ твой старѣйшій, Великій Князь, опять на своемъ государствѣ: понеже кому что дано отъ Бога, и того не можетъ у него отнять никто И дочего млтешися и браомлы творишь? . . . Ты въ цѣлованьи съ Великимъ Новымгородомъ Къ Вятчанамъ посылаешь Посылалъ еси въ Казань къ Царевичу Мамотяку на Великаго Князя лихо Да отъ Царя Седи-Ахмета пришли къ Великому Князю послы за преторы и ты не далъ ничего По грабилъ еси города, села, всѣмъ поотнималъ животы всѣ и животину Смущаешь Великаго Князя людей на Москвѣ и въ другихъ городѣхъ И аще не обратиши-ся къ Богу и къ Великому Князю чистымъ покаянiемъ, чужъ будешь отъ Бога и отъ церкви Божіей и отъ Православной вѣры, и части не имашаи съ вѣрными и проклятъ да будешь отъ Святыхъ Апостолъ и отъ Святыхъ Отецъ, и въ конечную погибель да пойдешь.

А писана на Москвѣ мѣсяца Декаврія въ 29 день, въ лѣто 6956, Индикта» (*).

Эго дѣятельное участіе Духовенства, не смотря на вліяніе его на современныя историческія произшествія, не могло, однакожъ остановить междоусобныхъ распрей, и онѣ, къ общему ужасу, продолжались до самой смерти вѣроломнаго и жестокосердаго Шемяки, страшно свирѣпствовавшаго то въ Заволочѣ, то по Двинѣ и болѣе въ Устюгѣ.

Разлученный съ паствою, Питиримъ, между дѣлами собственными, заботился о благѣ ея, и лично ходатайствовалъ у Великаго Князя въ защиту Перми отъ Вогуличей и Вятской вольницы. Василій Васильевичъ Темный, при всемъ уваженіи къ Святителю Пермскому, тревожимый внутреннею крамолою, могъ подать Перми одну помощь, облегчивъ участь ея временными льготами. Питиримъ выѣхалъ изъ Москвы, надѣленный богатыми дарами Великокняжеской фамиліи, знатнѣйшихъ бо-

(*) Посланіе Епископовъ къ Шемякѣ написано на 28 страницахъ. См. Посл. Рос. Митроп. въ Синодал. Библ., подъ № 164

аръ и гражданъ Московскихъ. Но не радостно было возвращеніе его въ Устьвымъ. Съ при-скорбіемъ узналъ онъ здѣсь, что Асыка, опу-стошивъ ближайшія къ Печорѣ деревни зырян-скія, захватилъ въ плѣнъ беззащитныхъ жи-телей и удалился вверхъ по Печорѣ съ награб-леннымъ имуществомъ. Лишенные крова и жи-тейскихъ потребностей, Зыряне собрались въ Устьвымъ, горько сѣтовали и проливали слезы, одни, потерявъ отцовъ, другіе матерей, иные дѣтей. Вполнѣ сочувствуя лишеніямъ этихъ несчастныхъ и раздѣляя ихъ горькую участь, Питиримъ утѣшалъ и успокаивалъ ихъ Еван-гельскою бесѣдою,—всѣ привезенные дары упот-ребилъ на вспоможеніе раззореннымъ: но бла-годѣянія не вознаграждали всей тяжести утра-ты и не могли утишить жалобныхъ воплей не-винныхъ страдальцевъ. Среди распоряженій ко благу ихъ, Архипастырь въ 1448 году былъ вызванъ въ Москву на поставленіе Митрополи-та церкви Русской, котораго, по причинѣ внут-реннихъ смутъ государства, она не имѣла уже около 8 лѣтъ. Епископы Ефремъ Ростовскій, Варлаамъ Коломенскій, Авраамій Суздальскій и Питиримъ Пермскій прибыли въ Москву, а другіе прислали грамоты, изъявляя согласіе на избраніе Собора. По единодушному желанію Епископы рукоположили Святителя Рязанскаго

Юну главою Русской церкви. Этотъ случай, какъ вѣрный историческій фактъ, для насъ въ особенности замѣчателенъ потому, что свидѣтельствуется призваніе Питирима на великое церковное іерархическое и тѣмъ не менѣе важное государственное дѣло, которому еще не было примѣра въ церкви Русской: въ 1448 году, въ первый разъ Духовенство наше, въ слѣдствіе разногласій съ Греціею по Флорентинскому Собору, обходя Константинопольскаго Патріарха, само собой рукоположило Митрополита, прежде обыкновенно посвящавшагося въ этотъ санъ въ Константинополѣ.—Провожая въ Пермь Питирима, Великій Князь надѣлилъ богатыми вкладами монастыри и пустыни зырянскіе, не забылъ милостями и паствы его, столько пострадавшей отъ дикихъ сосѣдей: уменьшеніе дани и разныя льготы Перми упрочивали на долго ея благосостояніе. Къ радости Зырянъ враги ихъ—Вогуличи и Вятская вольница умолкли. Ревностный Архипастырь провелъ послѣдніе годы управленія своего въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ о благѣ церкви и всего края Пермскаго. Часто обзрѣвая обширныя предѣлы Епархіи, посѣщая отдаленнѣйшія части ея Удору и Печору, онъ съ любовію заботился о просвѣщеніи духовнаго стада, поучалъ въ домахъ,

проповѣдывалъ въ храмахъ и чаще всего бѣсѣдовалъ съ народомъ на открытомъ полѣ, громогласно объясняя ему правила христіанскаго благочестія. Странствуя по Печорѣ, онъ, подобно Стефану, преодолевалъ препятствія, терпѣлъ лишенія, презиралъ опасности и успѣлъ обратить въ христіанскую вѣру Вагуличей, кочевавшихъ по притокамъ Печоры. Но это приобрѣтеніе новыхъ христіанъ навлекло на Пермь страшныя бѣдствія и стоило жизни самому проповѣднику.

XXIII.

Ненависть Вагуличскаго Князя Асыки къ Пятириму. Нашествіе его на Пермь въ 1455 году. Вятская воляница. — оюзники Асыки. Юръ и Вятскій наволокъ. Хитрость Асыки. Плоты деревьевъ. Мысъ. Всенародное медобствоіе, отравляемое Пятиримомъ. Асыка приплываетъ къ Мысу. Общее смятеніе. Прощальное слово Пятирима къ пастырь. Мугенигеская контина Святителя Пермскаго. Удаленіе враговъ. Посланіе въ Москву. Сожалѣніе Великаго Князя и освященнаго Собора о смерти Пятирима. Созиненія и шруды Пятирима.

Мы видѣли труды и заботы святыхъ іерарховъ Устьвымскихъ и ознакомимся съ дѣйстви-

ями ихъ для блага церкви и на пользу паствы, имъ ввѣренной. . . . Благоденствіе той и другой, судя по этой ревностной духовной и гражданской дѣятельности Архипастырей, давно утвердились бы на прочныхъ основаніяхъ, еслибъ онѣ наслаждались спокойствіемъ и не были возмущаемы непріятелями вѣшними. Политическое бытіе Перми, нооспоримо давно бы получило высокое значеніе у народовъ окружающихъ, еслибъ она не испытала этихъ великихъ лишеній, имѣвшихъ пагубное вліяніе на взаимныя отношенія къ просвѣщеннымъ сосѣдямъ, этихъ тяжкихъ бѣдствій совершенно прервавшихъ связи общественныя.

И еще мѣра золь, предназначенныхъ судьбою сей несчастной странѣ, не исполнилась. Поднялась страшная гроза на Пермь съ сѣверовостока. Тучи ся шли издалека — съ верховьевъ Печоры и изъ-за хребта Уральскаго долго собирались вмѣстѣ, быстро пронеслись внизъ по направленію Вычегды и со всѣми ужасами разразились надъ Устьвымомъ. — Съ 1448 по 1455 годъ, слишкомъ семь лѣтъ Вогуличи оставались спокойны и не тревожили Перми опустошительными набѣгами. Въ этотъ промежутокъ времени народъ благоразумно воспользовался дарованными Великимъ Княземъ

льготами и, вспоможествуемый добрымъ Архи-
пастыремъ, скоро забылъ послѣдніе грабежи
и злодѣйства Асыки. Повсюду водворились миръ
и тишина, и улучшенный бытъ хозяйствен-
ный свидѣтельствовалъ о мудромъ управленіи
Питирима. Народъ повсемѣстно благословлялъ
Великаго Князя и своего Владыку — благотво-
рителя, и вмѣстѣ съ нимъ думалъ, что из-
бавился, наконецъ, козней закоренѣлыхъ вра-
говъ — Вогуличей. Зыряне, подобно Питири-
му, радовались духовною радостію за пріобрѣ-
теніе новыхъ христіанъ среди своихъ враждеб-
ныхъ сосѣдей и утѣшались мыслію, что оно
положить конецъ ихъ вѣковой непріязни, ни
чуть не подозрѣвая того, что это самое прі-
обрѣтеніе будетъ имѣть жестоко-пагубныя для
всей Перми послѣдствія. Общественное мнѣніе
было таково, что новопросвѣщенные Вогули-
чи, по духу христіанства, сдѣлавшись брать-
ями Зырянъ, стануть удерживать земляковъ
отъ разбосвъ и хищничества, будутъ между ни-
ми посредниками и миротворцами. Но спра-
ведливыя ожиданія Зырянъ не сбылись. Слухъ
объ обращеніи ближайшихъ къ Перми Вогуловъ
пробудилъ бѣшеную ярость въ Асыкѣ, нена-
висть и злобу въ прочихъ Вогуличахъ. Лично
негодую на Питирима, Вогуличскій князь го-
товился на нести жестокій ударъ Зырянамъ,

проникнувъ въ сердце Пермскаго края — Усть-
вымь. Онъ не стѣсняясь выполненіемъ своего
назначенія, исподоволь заготовилъ средства къ
дальшему пути и велъ приготовленія къ нему
со всевозможною скрытностію и безъ огла-
ски, которая легко могла повредить, потому
что, узнавъ о его предпріятіи, Зыряне имѣ-
ли бы время соединить свои разрозненныя силы
и такимъ образомъ разрушить его планы. При
видѣ угрожающей опасности народъ вооружился
бы поголовно и, предводимый самимъ Архипа-
стыремъ, побѣдилъ бы врага, если не числен-
ностію, то силою нравственною: ибо, въ дѣ-
лѣ правды, любовь къ отечеству и чувство
живой вѣры, возбужденныя святыми обрядами
и общимъ умилсніемъ, естественнымъ обра-
зомъ вселили бы въ Зырянъ такое мужество,
которое, изумивъ враговъ страшнымъ отчаяні-
емъ, одолѣло бы ихъ силу. Зыряне видѣли
въ Вогуличахъ не только своихъ злодѣевъ, но
и враговъ богопротивныхъ: мысль, что Богъ
заступникъ ихъ, придавала бы имъ храбрость
невѣроятную. . . . Все это предвидѣлъ Асыка и
никому не раскрывалъ тайны своего предпрі-
ятія; даже приближенные не знали, — съ ка-
кою цѣлію дѣлаются эти необыкновенныя при-
готовленія. Созвавъ всѣхъ князей съ бродячи-
ми ихъ ватагами, онъ вооружилъ ихъ луками

и стрѣлами, и лѣтомъ въ 1455 году пустился на плотахъ внизъ по Вычегдѣ, стараясь съ поспѣшностію достигнуть Устьвыма и застать врасплохъ Зырянъ и Питирима. Не останавливаясь нигдѣ на пути и задерживая прибрежныхъ жителей, чтобъ не предупредили Питирима о прибытіи его, Асыка вскорѣ доплылъ до Устьвыма и остановился въ виду его, въ десяти верстахъ отъ впаденія Выми въ Вычегду, на высокомъ бору, который донынѣ сохранился въ памяти Зырянъ, подъ названіями — «Юръ» — голова, вершина, становище, и «Вогулъ—ягъ» или «Асыкъ—ягъ» — Вогульскій боръ или Асыкинъ боръ. Здѣсь онъ ожидалъ нѣсколько времени Вятской вольницы, къ которой съ устья Сысолы отправилъ пословъ, приглашая ее для грабежа и добычи. На этотъ призывъ Вятчане не замедлили явиться. Соединившись съ ними, Асыка искалъ удобнаго случая напасть на Устьвымъ. Прежде всего онъ хотѣлъ развѣдать, что дѣлается въ Устьвымѣ, не знаютъ ли тамъ о его прибытіи, не обороняютъ ли города, дома ли Владыка Питиримъ и не намѣренъ ли куда ѣхать? Для этого надобно было добыть «языка». Былъ день Воскресный. Рано, утромъ, одинъ изъ Устьвымскихъ жителей, по домашнимъ надобностямъ, поплылъ въ маленькой лодкѣ вверхъ

отъ насъ эту трудную обязанность: систематическое опредѣленіе ея зависитъ отъ времени и благопріятныхъ обстоятельствъ, когда счастливый случай представить какому нибудь также не менѣе счастливому изслѣдователю цѣлые кодексы утраченныхъ зырянскихъ писменъ, вмѣсто нѣсколькихъ строкъ, по которымъ приходится намъ судить въ настоящее время. До тѣхъ поръ покрывающая эту письменность тайна останется ни чѣмъ необъяснимою; придетъ ли только пора такого драгоцѣннаго пріобрѣтенія?

Перейдемъ къ причинамъ упадка и забвенія письменности зырянской.

Такъ какъ побудительной причиной изобрѣтенія ея было обращеніе Зырянъ въ Христіанскую вѣру, а не собственная народная потребность, то, по крещеніи ихъ, она, очень естественно, не могла быть долговѣчною. Знаніе ея ограничивалось духовенствомъ и тѣмъ незначительнымъ классомъ людей, которые или готовили себя въ духовное званіе, или производили обширную торговлю и промышленность; отсюда можно предположить, что она болѣе сосредоточивалась въ одной извѣстной мѣстности, а не на пространствѣ всего края. Такимъ образомъ, съ годами она видимо долѣ-

влянскому тексту, титлы и сокращения (*); въ другой ихъ нѣтъ, но за то рукопись въ ней сплошная, связанная, — не отдѣлено ни одного слова; прямолинейныя и угловатыя буквы, равно отстоя одна отъ другой, какъ будто вытянуты въ длинную шеренгу. — Принимая въ соображеніе несходство почерковъ въ подписяхъ, особенности штиля и рѣзкіе отличительные его признаки, мы справедливо можемъ сказать, что онѣ относятся къ двумъ разнымъ вѣкамъ, влияние которыхъ вѣроятно отразилось и въ характерѣ письменности. Нетвердый почеркъ надписи на образѣ Сочества Св. Духа заставляетъ подозрѣвать, что она есть или плохой снимокъ, невѣрная копія съ древнѣйшаго подлинника, или же есть произведеніе перваго вѣка упадка и забвенія письменности зырянской. Въ этомъ случаѣ, за недостаткомъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, мы руководствуемся однимъ анализомъ надписей; что онѣ не противорѣчатъ истинѣ, въ этомъ легко убѣдиться, сравнивая ту и другую рукопись. Однакожъ этимъ мы не высказываемъ окончательнаго приговора письменности зырянской; ограниченность вспомогательныхъ средствъ отклоняетъ

(*) Надъ именами трехъ Ангеловъ.

фактъ, больше чѣмъ сомнительномъ, безъ всякихъ историческихъ указаній? Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что сами Русскіе не имѣли полной Библии, до изданія ея Княземъ Константиномъ Острожскимъ, — а это случилось чуть не два вѣка спустя послѣ смерти просвѣтителя Перми.

XVI.

Сравненіе древнихъ переводовъ съ подлинными. Общій характеръ древнихъ переводовъ. Критическій разборъ некоторыхъ переводовъ.

Мы обѣщали въ этой главѣ помѣстить дошедшіе до насъ переводы Стефана, сравнить ихъ съ славянскимъ подлинникомъ и съ новѣйшими переводными образцами, указать погрѣшности, пропуски и отступленія отъ подлинника, замѣтить неполноту ихъ и неясность: но при внимательномъ чтеніи, кромѣ этихъ чувствительныхъ недостатковъ, свидѣтельствующихъ невразумительность и непрочность пере-

встрѣтилъ бы на самомъ дѣлѣ множество непреодолимыхъ преградъ и затрудненій не только со стороны зырянской рѣчи, но и при собраніи вѣрныхъ славянскихъ подлинниковъ, весьма рѣдкихъ въ тогдашнее время, и, слѣдовательно, чрезвычайно цѣнныхъ. Да и была ли потребность въ трудѣ такого обширнаго размѣра? Проповѣдникъ, какъ подозрѣваемъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ заупокойной обѣдни, вовсе не чувствовалъ этой потребности; въ обѣдни переведено только то, что поется и читается клиромъ, во всеуслышаніе народа, — нѣтъ ни проскомидіи, ни тайныхъ молитвъ, произносимыхъ іереемъ и діакономъ въ олтарѣ и проч. — Многіе, и въ числѣ ихъ Шлецеръ, приписали Стефану переводъ Библіи на зырянскій языкъ; но это не болѣе, какъ ученый пухъ писателей — зырянофиловъ, любившихъ впадать въ нелѣпыя крайности и придавать имъ форму сказаній историческихъ. Шлецеръ, однакожъ, повторилъ ошибку другаго извѣстнаго писателя, сославшись на его доводы и помѣстивъ въ своемъ Несторѣ строки: «S. Stepfan die Biebel übersetzte, voñ er ein eignes A B C Buch erfand»... Ни у Епифанія, ни у другихъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ нѣтъ и намеку на переводъ Библіи, и мы недоумѣваемъ, можно ли такъ рѣшительно судить о

дахъ, чтобъ не погрѣшить противъ подлинника и, по возможности, удержать смыслъ его, вводить цѣликомъ или церковно-славянскія реченія, или выдумывать новыя слова, облекать ихъ въ зырянскія формы и производить отъ одного, а иногда и отъ нѣсколькихъ зырянскихъ корней. Разумѣется, подобныя мѣста въ переводахъ, непонятныя народу, требовали особенныхъ комментарій и поясненій. Предстояла немаловажная забота проповѣднику уяснить эти темныя, невразумительныя мѣста, по большей части такия, гдѣ отражалось высокое краснорѣчіе нашихъ Богослужебныхъ книгъ, та величественная рѣчь славянская, которая, не говоря о бѣдномъ и ограниченномъ языкѣ зырянскомъ, трудно уловима даже въ переводѣ русскомъ, — между тѣмъ какъ рѣчь славянская есть первообразъ пынѣшней русской и нашъ образованный языкъ можетъ поспорить съ другими по богатству словъ и выраженій, по многообразнымъ видоизмѣненіямъ самой рѣчи.

Что Стефанъ переводилъ церковныя книги съ славянскихъ рукописей, — это свидѣтельство мы находимъ у Евфанія: «переведе нѣколико російскихъ словенскихъ книгъ на языкъ Пермскій и учаше дѣтей азбукъ Пермской и сло-гомъ и Часослову и Псалтири и прочимъ кни-

момъ началъ проповѣди, обративъ ко Христу многихъ «нарочитыхъ мужей» и построивъ церкви, онъ основалъ при нихъ училища, гдѣ преподавалъ Евангельское ученіе дѣтямъ Зырянъ вообращенныхъ, на родномъ ихъ языкѣ. Метода его, которою руководили опытность и благоразуміе, нисколько не походила на тотъ обыкновенный схоластицизмъ, который, обременя юную память дѣтей, морить ихъ надъ твердымъ заучиваніемъ извѣстныхъ при преподаваніи кодексовъ; по своей простотѣ и вразумительности она была доступна дѣтскимъ понятіямъ, облегчала занятія учащихся и стояла не большихъ трудовъ наставнику. Начальными уроками ея служили объясненія и толкованія Священнаго писанія, которыя такъ нравились любознательнымъ юношамъ, обыкновенно жаждущимъ познаній и столько доставляли обильной пищи духовной ихъ уму и воображенію, что они съ нетерпѣніемъ ожидали поучительныхъ бесѣдъ, всегда съ охотою и любовію, всегда съ глубокимъ вниманіемъ слушали своего мудраго учителя. Такимъ образомъ, имѣя уже ясное понятіе о Святой Троицѣ и главнѣйшихъ уставахъ церковныхъ и, такъ сказать, подготовленные этими продолжительными христіанскими бесѣдами къ дальнѣйшему изученію догматовъ вѣры, дѣти съ необыкновеннымъ любо-

времена язычества, все озарилось свѣтомъ христіанства, все такъ убѣдительно говорило о могуществѣ Единого истиннаго Бога, святости православной вѣры и вмѣстѣ обличало нищету боговъ языческихъ, мерзость служенія идольскаго. — Представляя себѣ необыкновенные успѣхи проповѣди Стефана въ отдаленнѣйшихъ Пермскихъ предѣлахъ, мы невольно приходимъ къ заключенію, что онъ, распространяя православіе на столь великомъ пространствѣ, навѣрное имѣлъ въ дѣлѣ проповѣданія такихъ же ревностныхъ, какъ и самъ сотрудииковъ, изъ которыхъ каждый утверждалъ Слово Божіе въ извѣстной только мѣстности, каждый заботился о духовномъ просвѣщеніи паствы, ему ввѣренной. Имена этихъ благочестивыхъ ревнителей, кромѣ Елифанія, неизвѣстны намъ; лишь разъ упоминается объ нихъ въ лѣтописяхъ: они пришли въ Пермь вмѣстѣ со Стефаномъ, по хиротоніисаніи его во Епископа народу Пермскому. — Въ особенности, какъ надобно догадываться, успѣхамъ проповѣди содѣйствовали образованные въ Устьвымскихъ школахъ природные пастыри изъ Зырянъ; въ лѣтописяхъ сказано, что они, по смерти Стефана, долго правили словеснымъ стадомъ. Проповѣдникъ заранѣе предугадывалъ благотворное вліяніе школъ на нравственный образъ жизни народа, и потому, при са-

Зырянамъ, послужать надежными способами къ улучшенію хозяйственнаго быта многимъ бѣднымъ семействамъ. Вѣроятно, на эти же дары онъ построилъ при Устьвымскомъ монастырѣ домъ, куда принималъ всѣхъ бѣдняковъ и странниковъ, питалъ ихъ пищею духовною и тѣлсною; призиралъ въ немъ сиротъ и воспитывалъ ихъ, какъ отецъ; успокаивалъ немощами одержимыхъ, служилъ имъ въ болѣзняхъ, былъ врачомъ души и тѣла, назидалъ христіанскими бесѣдами, утѣшалъ въ скорбяхъ Евангельскими притчами.

Въ 1392 году сосѣдственная Пермь Вятка,—основанная въ 1174 г. Новгородскими выходцами, которымъ наскучили раздоры и смуты Вѣча,—цвѣтущая промышленностію и торговлею жителей, славная богатствомъ и народонаселеніемъ, была раззорена Татарами. Сосѣдство ея было весьма выгодно для Перми, и въ отношеніи народной безопасности,—потому что она оберегала ее отъ впаденій Закамскихъ обитателей и въ отношеніи развитія туземной торговли зырянской,—такъ какъ Вятчане, господствуя слишкомъ 200 лѣтъ по Вяткѣ, Камѣ, Чусовой, отчасти по Лузѣ и Сысолѣ, давно пріобрѣли своею промышленною дѣятельностію право на извѣстность и уваженіе народовъ со-

мѣли благочестивое намѣреніе построить храмъ «во имя Спаса Преображенія», нарубили лѣсу и приготовили все необходимое къ сооруженію церкви, — при закладѣ ея вышелъ между ними раздоръ, долго волновавшій умы народа; обитатели верхняго конца желали имѣть церковь у себя, а нижняго утверждали, что ей приличнѣе быть созданною у нихъ, на мѣстѣ нагорномъ, прочномъ и безопасномъ. Споръ усиливался. Положили надежду на Бога и просили чуда, которое указало бы имъ мѣсто для сооруженія храма. Молились со слезами, и были увѣрены, что Богъ внемлетъ ихъ молебамъ искреннимъ: отпустили сверху Вычегды нѣсколько бревенъ и назначили, гдѣ они остановятся, тутъ и построить церковь. Но всѣмъ вѣроятіямъ бревна должны бы были остановиться въ верхнемъ концѣ села, у ручейка, въ который воды Вычегды вливались всегда съ теченіемъ стремительнымъ; но, къ общему удивленію, бревна пронесло мимо и они приплыли къ оврагу, куда не могли пристать, потому что противъ него былъ водоворотъ и напоръ волны стремился къ противоположному берегу. Подлѣ этого оврага, на высокомъ берегу, Устькуломцы построили первую свою церковь.

Древность не сохранила для насъ тѣхъ мѣстъ и урочищъ, гдѣ были построены Зырянскими первыя храмы; неизвѣстны ни во имя ихъ, ни разграниченіе самыхъ приходовъ. По преданіямъ народнымъ, историческою давностію пользуются церкви въ Яренскомъ уѣздѣ:

1.) По Вычегдѣ:

Вожемская, въ 30 верстахъ отъ Яренска, внизъ по Вычегдѣ, славная двумя древними образами, съ зырянскими подписями: «Св. Троицы» и «Сочествія Св. Духа.» Первый, почитаемый чудотворнымъ, трижды былъ унесенъ именитыми людьми Осколковыми въ приходскую ихъ церковь на Цилибѣ; но св. образъ невидимо являлся опять въ Вожемѣ. Епископъ Вологодскій Арсеній перенесъ его въ Вологду, гдѣ онъ донынѣ хранится въ кафедральномъ соборѣ, а въ Вожемѣ послалъ съ него точную копию.

Цилибская, на другомъ берегу Вычегды, противъ Вожемской. Въ ней почиваютъ подспудомъ мощи Преподобнаго Димитрія, вѣроупо, св. сотрудника Стефанова. Эта церковь славилась въ древности драгоценными украшеніями св. иконъ и богатою церковною утварью.

о милостяхъ и льготахъ быстро разнесся въ народѣ. Зыряне пробудились отъ горестнаго усыпленія,—оставляли лѣвныя берлоги, гдѣ укрывались отъ поисковъ немилосердыхъ данщиковъ, безбоязненно возвращались подъ родной кровъ, возобновляли заброшенное хозяйство, начинали новую, счастливую жизнь. Не смотря, однакожъ, на великія милости Велико-княжескія, общая бѣдность въ странѣ была столь ощутительна, что народъ, безъ пособій святительскихъ, долго бы еще не поправилъ своего разстроеннаго домашняго быта. Зная недостатки народные, Стефанъ, или самъ лично, или чрезъ сотрудниковъ, оказывалъ посильныя вспоможенія неимущимъ; отыскивалъ ихъ, призывалъ въ Устьямы, давалъ средства къ жизни, и заботился о благѣ ихъ больше, чѣмъ о выгодахъ своей кафедры: благосостояніе паствы было для него лучшее и единственное благо, котораго желалъ усердно,—и онъ достигъ этого неутомимыми трудами и мудрою попечительностію. Дары Великаго Князя всѣ истощены были на пособіе бѣднымъ: жители засылали хлѣбомъ поля,—сѣмена давалъ Стефанъ; покупали домашній скотъ,—деньгами ссужалъ Стефанъ; обзаводились хозяйственными предметами, — помогалъ въ этомъ Стефанъ; нужны были зафрловныя снаряды,—приобрѣталъ ихъ Стефанъ; приходило

извлекали для себя выгоды, силою отнимая у бѣдняковъ послѣднее достояніе. Право власти во всей силѣ обнаруживалось въ жестокостяхъ, съ какими производили сборъ дани: народъ лишенный возможности удовлетворять требованія данщиковъ и страшась пытки, разбѣгался по лѣсамъ, проклиналъ свою участь. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вездѣ и во всемъ проявлялась неутомимая заботливость и отеческая попечительность Стефана для блага унылой цаствы: угнетаемые стекались подъ защиту его и находили вѣрное заступничество предъ немилостивыми данщиками. Утѣшая сыновъ духовныхъ, онъ изыскивалъ средства умиловать строптивость взыскательныхъ Тиуновъ, убеждалъ быть снисходительнѣе въ бѣдѣ народной. Между тѣмъ отправилъ трогательное посланіе къ Великому Князю, въ которомъ описавъ постигшую Пермь кару Божію, явные недостатки и крайнюю бѣдность народа, просилъ объ уменьшеніи налоговъ, о временной льготѣ.

лодь усиливался, и въ отдаленныхъ деревняхъ достигъ плачевной крайности: поселяне бѣжали отъ своихъ жилищъ, какъ отъ заразы; полумертвые доходили до Устьямы, падали по дорогамъ, глодали кору древесную, жалобно просили хлѣба, чтобъ не умереть въ мукахъ голодной смерти. Повсемѣстно мѣшали мякину съ еловыми шишками и корою, и питались этою скудною пищею. Въ годину этой страшной казни небесной Стефанъ употребилъ все, что имѣлъ, на помощь несчастнымъ: нѣсколько разъ хлѣбъ привозили изъ Устюга; наконецъ и тамъ не находили продавателей; послали въ Вологду, — она доставила въ Устьямъ всякаго рода съѣстныхъ припасовъ столько, что ихъ было достаточно для продовольствія Перми, и тѣмъ спасла ее отъ губительнаго бича—голода.

Неминуемымъ слѣдствіемъ голода были общіе народныя недостатки, повсемѣстная бѣдность; нужда, вопіющая о помощи; средства къ содержанію, самыя ограниченныя. Народъ, алчущій и голодный, не могъ заниматься промыслами, которыми оплачивалъ государственныя подати; Тиуны и данщики Великокняжескіе, недоступные состраданію и всегда безжалостные, не хотѣли слушать воплей Зырянъ и съ угрозами требовали дани; изъ несчастій народныхъ они

вымскую волость, съ богатыми пашнями и лугами въ «отчину» Архіереевъ, съ прѣвомъ безошлянной торговли для туземцевъ; крестьянъ приписалъ къ монастырю, — и съ тѣхъ поръ Устьвымъ именовался въ грамотахъ «городомъ Владыччинымъ». Великій Князь, кромѣ этихъ существенныхъ выгодъ, утверждавшихъ на прочномъ основаніи благоденствіе новой Епархіи, позаботился и о средствахъ къ увеличенію ея доходовъ: дань съ прѣѣзжавшихъ въ Пермь купцовъ и промышленниковъ, которую Тіуны прежде собирали въ казну В. Княжескую, предоставлена была «Владыкѣ съ братією».

Съ образованіемъ Пермской Епархіи, первоначальная Благовѣщенская церковь сдѣлалась Кафедральнымъ Соборомъ; Архангельская же — домового Устьвымскихъ Архіереевъ, близъ которой всѣ они жили. При послѣдней, построивъ нѣсколько деревянныхъ келій для братій, Стефанъ основалъ первый монастырь въ Пермѣ, называвшіяся Архангельскимъ, и принималъ въ него престарѣлыхъ Зырянъ, бывъ самъ для нихъ примѣромъ монашеской жизни. — Обозрѣвая предѣлы обширной Епархіи, Стефанъ кроткими назиданіями и благотворительностію болѣе и болѣе привлекалъ къ себѣ народъ, училъ его въ семейной и общественной жизни, помогая въ

нуждахъ, удовлетворялъ справедливыя жалобы, защищалъ слабыхъ отъ сильныхъ, рѣшалъ миролюбиво споры,—и въ тихихъ бесѣдахъ, объясняя ему Евангельскія истины, заставлялъ невольно гнушаться языческихъ обычаевъ и предразсудковъ: народъ вѣрилъ, безмолвствовалъ,—и втайнѣ проливалъ благодарственные слезы въ молитвахъ къ Богу о своемъ просвѣщеніи... Стефанъ видѣлъ благіе плоды проповѣди въ строгомъ благочестіи и всегдашней слабости своей наставы: христіанская вѣра имѣла существенное вліяніе не только на образъ жизни всей массы народа, но и на нравственное ея состояніе. Представляя Зырянамъ Вездѣсущее Божество кроткимъ, незлобивымъ и щедро награждающимъ за дѣла добрыя, она укротила жестокость приорднаго ихъ права, умирнула дикія страсти, просвѣтила умъ и сердце, и направила ихъ къ высшей, благородной цѣли. Руководимые въ начинаніяхъ и поступкахъ добродѣтельнымъ пастыремъ, Зыряне наслаждались спокойствіемъ, какимъ не пользовались при прежнихъ правителяхъ. Дань не казалась обременительною; Тиуны, вирники и даньщики, дотола ненавистныя народу, зная правдивость и заступничество Стефана, не смѣли обременять безотвѣтныхъ Зырянъ излишними налогами, не смѣли обижать и притѣснять безвинно,

признательность духовенству и боярамъ за вниманіе и радушіе, за честь и ласки покровленія. Знатные вельможи и граждане именитые, приглашая его къ себѣ — посѣтить и благословить ихъ дома, по обыкновению, свято соблюдавшемуся нашими предками, щедро одарили новаго Владыку, и просили поминать ихъ въ молитвахъ, какъ «добродѣющихъ о св. храмѣ». Стефанъ не отказывался отъ жертвъ, приносимыхъ на устройство и благоустройство церковное, но не принималъ даровъ, ему лично предлагаемыхъ: строгое нищелюбіе, въ полномъ смыслѣ этого слова, было всегдашнимъ спутникомъ его подвижнической жизни, и только усильныя просьбы могли иногда убѣдить его взять эти дары и то на случай непредвидѣнныхъ несчастій сыновъ духовныхъ.—Задерживаемый по городамъ многлюднымъ стеченіемъ жителей, изъ которыхъ одни съ усердіемъ являлись къ нему съ богатѣйшими приношеніями, а другіе просили о помощи, Святитель достигъ, наконецъ, Устюга — мѣста своей родины.—Здѣсь все народонаселеніе ждало его съ нетерпѣніемъ и заранѣе приготовилось къ радостной встрѣчѣ. Бояре назначали день, граждане считали часы, простой народъ не зналъ, какъ сократить въ ожиданіи время. Окрестныя деревни опустѣли; оставлены домашнія работы; забыты недуги и болѣзни; на дорож-

Vi.

*Сожженіе Стефана современниками. Стефанъ въ Устю-
жѣ. Милости Великаго Князя. Образованіе Устьвым-
ской Епархіи. Владычій городъ — Устьвымъ. Кафедраль-
ный Блговѣщенскій Соборъ. Устьвымскій Архипсѣль-
скій монастырь. Заботы Стефана о возрасширеніи
пастырѣ.*

Имѣя полное право на извѣстность, какъ ревностный просвѣтитель Пермь, Стефанъ, въ обратный путь къ своей пастырѣ, былъ радостно встрѣчаемъ народомъ по городамъ и селамъ, видѣлъ общую привязанность бояръ и лицъ духовныхъ, повсемѣстно оказывавшихъ ему и почести и уваженіе, какое только могли питать по чувству удивленія къ доблестному его подвигу: они принимали Архіерея Божія, какъ Апостола земли Пермской, какъ мужа прославленнаго высокими христіанскими добродѣтелями, — и спѣшили наперерывъ получить его благословеніе. Полный смиренія и кротости, чуждый суеты мірской и земнаго величія, Стефанъ былъ тронутъ этимъ непритворнымъ изъявленіемъ народной любви и въ умиленіи сердца благодарилъ Бога за благочестивое настроеніе чувствъ современниковъ, — благословлялъ народъ, выражалъ

силою и силой прогонялъ безпокойныхъ враговъ христіанства. Со временемъ вражда ихъ къ обратившимся Зырянамъ еще болѣе усилилась: они подговорили къ себѣ бродячія толпы Вогуличей и Остяковъ, жившихъ по обѣимъ сторонамъ Урала, и съ ними производили хищныя набѣги на мирныхъ христіанъ.—Народы эти составляли отрасль обширнаго Зырянскаго племени, говорили языкомъ, сходнымъ съ зырянскимъ, и поклонялись тѣмъ же идоламъ, какихъ почитали Зыряне. Полагаютъ, что они отдѣлились отъ Зырянъ во времена Владимірова крещенія Руси и поселились одни по Печорѣ, ближе къ Уралу, а другіе перешли, унеся съ собою идоловъ, чрезъ горный хребетъ, расположившись по рѣкамъ: Оби, Есвѣ, Пелымъ, Манѣ и др.

Происхожденіе Вогуличей такъ объясняютъ народныя преданія: Зыряне — идолопоклонники, любя проводить жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не считали развитія этой страсти порокомъ, побочныя дѣти ихъ росли и множились, и такимъ образомъ составили особенное племя, бывшее однакожъ, въ общемъ народномъ презрѣніи: подобно паріямъ, оно было лишено гражданскихъ правъ, неимѣло ни какой собственности, исправляло всѣ тяжелыя

хотѣли видѣть внутреннее расположеніе храма и всё то, что въ немъ находится; проповѣдникъ удовлетворялъ ихъ желаніямъ. Въ первомъ зырянскомъ храмѣ, по началу, конечно, не могло быть особеннаго благолѣпія, — но грубые идолопоклонники всегда были поражаемы не земнымъ выраженіемъ лицъ Божіихъ на мѣстныхъ иконахъ: они казались живыми, кроткими, радостными, и призывали ихъ къ себѣ; при взглядѣ на нихъ, Зыряне ощущали невыразимый восторгъ и умиленіе, до сихъ поръ невѣданныя.... Здѣсь Стефанъ объяснялъ Зырянамъ общественное богослуженіе, значеніе и употребленіе церковной утвари и другихъ священныхъ предметовъ; за тѣмъ переходилъ къ ученію о таинствахъ вѣры... Съ плачемъ оставляли они церковь, когда диаконъ возглашалъ: «оглашенніи изыдите», и молили Стефана сократить оглашеніе и приобщить ихъ къ вѣрнымъ. Рѣки Выми и Вычегда служили купелью многимъ тысячамъ Зырянъ, какъ нѣкогда Днѣпръ и Почайна Кіевлянамъ, съ тою разницею, что Кіевляне, повинувшись только грозной власти Князя, просвѣтителя, бросали въ воду идоловъ и провожали ихъ, какъ замѣчаетъ Лѣтописецъ, съ сожалѣніемъ, — а здѣсь безъ посторонняго побужденія, по силѣ однихъ убѣжденій проповѣдника, народъ повсемѣстно, или

бавалъ крещенія. Стефанъ радовался за приобретение новыхъ чадъ церкви, училъ ихъ вѣрѣ съ терпѣніемъ и кротостію и запретилъ всякое сообщеніе съ язычниками, особенно наказавъ не вкушать идоложертвеннаго, которое, какъ бы освященное самими идолами, почиталось святынею въ обществѣ Зырянъ. Новообращенные, молясь Богу истинному, и, вмѣстѣ страшась гнѣва кумировъ, втайнѣ читали ихъ и не отзывали себѣ въ идоложертвенномъ. Съ горестію узналъ это Стефанъ; просилъ, убѣждалъ, умолялъ новообращенныхъ отстать отъ этого языческаго обыкновенія, противнаго христіанской религіи, доказывалъ всю гнусность его; народъ вѣрилъ словамъ его, соглашался, обѣщалъ воздержаться и совершенно отстать отъ всего языческаго,—но сила привычки невольно влекла его на путь прежней жизни. Стефанъ неоднократно останавливалъ эту вкоренившуюся привязанность ихъ къ идоложертвенному,—и все напрасно: они приносили Стефану покаяніе въ грѣхахъ, но не раскаявались въ томъ, что дѣлали угодное идоламъ. Въ праведномъ гнѣвѣ своемъ онъ, говоритъ преданіе, изрекъ эти грозныя слова, до сихъ поръ тяготящія надъ жителями Гама: «народъ маловѣрный! народъ слѣпой! да будетъ Гамъ слѣпъ вѣвѣки!» Дѣйствительно, по настоящее время, это наказаніе

пропасти, гдѣ должны рабѣпствовать злымъ духамъ, безчувственнымъ къ человѣческимъ вошлямъ и страданіямъ, не имѣть никогда покоя, бѣсть и пить все сиверное, спать на раскаленныхъ угляхъ, переносить ужасныя кары и мученія и никогда не заслужить прощенія въ грѣхахъ. Этихъ духовъ они представляли себѣ отвратительными безобразными страшилами, созданными на ужасъ грѣшникамъ.

Такимъ образомъ грубый умъ Зырянъ, вздорный въ вѣковыхъ предразсудкахъ, блуждая во мракѣ невѣрія, имѣлъ весьма темныя понятія о Божествѣ и, пресмыкаясь предъ созданіемъ рукъ—идолами, увѣрительно думалъ, что многочисленность ихъ въ силахъ отвратить губительные удары рока, которымъ иногда бываетъ подвержено бѣдное человѣчество и противъ которыхъ ничего не значить и самая мудрость человѣческая!

При поклоненіи идоламъ совершались у Зырянъ домашніе и общественные религіозные обряды; но, къ чувствительной утратѣ потомства, они большею частію остались сокрытыми отъ него. Строгое благочестіе современниковъ, проникнутыхъ святостію уставовъ Православной Церкви, не допускало распространяться вѣдѣнію

основываясь на филологическом языке Зырян и на преданиях народных, позволяем себе думать, что оно действительно правдоподобно.

Чувство страха и зависимости от воли богов усугублялось у Зырян верованием в бессмертие души и в жизнь за гробом,— о чем весьма глухо и темно упоминается в летописях, но мы очень кстати можем пользоваться при этом преданиями, песнями и сказками, обыкновенно раждающимися в начале жизни народа и живо характеризующими нравственную его сторону.—Зыряне верили, что за гробом не всех их ожидает одинаковая участь; верили, что она тогда будет зависеть от воли Всевышнего «Ень», всезнающего и всесовершенного, Которому известен каждый шаг их жизни, что по смерти предстоят им или радости спокойной жизни, или жестокие истязания и рабство, смотря потому, как жили в мире. Опасно больной, думая об исходе души, отдавал идолам все свое богатство и молил их—да избавят его в будущей жизни от тягостной неволи. Верование Зырян в жизнь за гробом проявлялось и в том народном убеждении, что все недобрые люди по смерти бывают низринуты, по суду величайшего «Ень», в мрачные подземныя

Бярнію самимъ Королемъ Олофомъ: купцы эти ограбили истукана и увезли съ собою его драгоценности. Сходство въ почитаніи идоловъ и равносильныя имъ приношенія какъ у того, такъ и у другаго народа, приводятъ на мысль, что они тождественны, т. е. «Золотая Баба» у Зырянъ есть тоже, что «Юмала» у Финновъ,—и мы утвердительно думаемъ, что въ грамотѣ истуканъ этотъ названъ «Золотою Бабою», собственно по богатству украшеній.

III.

Погиманіе духовъ. Мысли о единствѣ Божества. Зависимость меньшихъ боговъ отъ воли Вселогущаго «Енз». Вѣрованія въ безсмертіе души и въ загробную жизнь Гудирницы. Жертвоприношеніе. Волхвы-правители.

Поклоняясь идоламъ, Зыряне почитали и духовъ, которые имѣли, по мнѣнію ихъ, разныя мѣста пребыванія и сильную власть надъ природою и человѣкомъ. Въ удѣлѣ своемъ каждый духъ владычествовалъ самовластно, не простирая, впрочемъ, своихъ правъ за черту собственныхъ владѣній. Такъ, они вѣрили въ бытіе

Въ этихъ послѣднихъ мы находимъ и имена двухъ идоловъ Зырянскихъ, плохо извѣстныхъ народу и по преданіямъ: это—«Войпель» и «Золотая баба»; (*) по ни очевидецъ, ни современники не говорятъ ни слова о видѣ, значеніи, власти и объ условіяхъ боготворенія этихъ идоловъ. Названіе перваго точно Зырянское; *Вой*—вочной, сѣверный; *пель*—ухо; думаемъ, что этотъ истуканъ почитался неусыпнымъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ, защитникомъ народа. О второмъ былое время не оставило даже и темныхъ воспоминаній, и Зыряне со всѣмъ отрекаются отъ него.... Извѣстный Финскій идолъ «*Юмала*», описываемый въ путешествіи Отера, Норвежскаго мореходца, въ IX вѣкѣ бывшаго въ Біармїи или Перми, болѣе знакомъ Зырянамъ; память о немъ сохранилась до сихъ поръ въ преданіяхъ ихъ и нѣтъ сомнѣнія, что Зыряне покланялись ему. Названіе идола чисто Зырянское, оно вошло въ народъ въ поговорку, которая употребляется, когда хотятъ устрашить, испугать, озадачить кого-либо. На языкѣ ихъ Юмала выражаетъ что-то ужасающее, страшное, свирѣлое; такъ говорятъ: «Юма

(*) Грамота Архіепіскупа Симона къ Зырянамъ. Новгород. Лѣтоп.

по Вычегдѣ и нечаянно паткнулся на становище Богулчей. Асыка радъ былъ этой встрѣчѣ. Изъ разсказовъ крестьянина узналъ онъ, что въ Устьвымѣ все спокойно, что Питиримъ дома и въ этотъ день намѣренъ идти со всеѣмъ Соборомъ на Мысь, что близъ устья Выми, для молебствія. . . . Соображая эти обстоятельства, весьма выгодныя для приведенія въ дѣйствіе злобныхъ своихъ намѣреній, Асыка поспѣшилъ пристать къ Устьвому именно въ то время, когда Питиримъ выйдетъ на Мысь и займется проповѣдью: тогда внезапною нападенія онъ всего легче надѣлся поразить смертію и пастыря и стадо. Мѣсто, откуда Богулчи и Вятчане наблюдали за шествіемъ святаго Питирима на Мысь, донынѣ извѣстно народу, подъ названіемъ *Вятскаго наволока*. Но, при этомъ благопріятномъ случаѣ, чтобъ обмануть бдительность Питирима и скорѣе захватить его въ руки, Асыка велѣлъ набросать на плоты множество срубленныхъ елей и сосенъ, вершины и густыя вѣтви которыхъ скрывали его войско, этимъ онъ думалъ своей вооруженной флотиліи придать видъ пловучихъ деревъ, будто подмытыхъ напоромъ воды. . . .

Обратимся къ Устьвому и посмотримъ, что нѣдалось тамъ въ тѣ часы, когда свирѣпый

врагъ тайно грозилъ ему страшными ковами и злыми умыслами.—Въ Устьвымѣ, дѣйствительно, все было спокойно. Никто изъ мѣстныхъ жителей Владычняго города, окруженнаго въ то время густымъ лѣсомъ на большое пространство не чаялъ близости врага, жаждавшаго мести и крови, никто не зналъ ни угрожающей опасности, ни того, какъ велика она: темный лѣсъ прикрывалъ близкую бѣду. Такъ какъ былъ день Воскресный, всѣ—и старъ и младъ шли въ Соборъ къ Божественной Литургіи, которую совершалъ святой Питиримъ. По окончаніи ея, по заведенному обычаю, Владыка въ святительскихъ одеждахъ, послѣдуемый клиромъ, соборомъ Духовенства и всѣмъ народомъ, съ образами и хоругвями отправился на Мысь,—обширное поле, образуемое сліяніемъ рѣкъ Выми и Вычегды,—для принесенія Богу всенароднаго молебствія и для поучительной бесѣды съ паствою. Духовная процессія, во главѣ которой шелъ, неся животворящій крестъ и святое Евангеліе, Святитель Питиримъ, наститый старецъ, убѣленный сѣдинами, съ пѣніемъ священныхъ псалмовъ достигла предназначеннаго мѣста и остановилась. Стали молебствовать. Народъ окружилъ любимаго Владыку и вмѣстѣ съ нимъ умиленно молился Богу, Подателю благъ, Защитнику и

Покровителю. Вдругъ клиръ замѣтилъ массы деревьевъ, которыя на большое протяженіе тянулись въ длину рѣки и плыли прямо къ мысу. Это не могло быть случайностію или дѣломъ бури, и потому онъ передалъ свои догадки и опасенія народу, а народъ пересказалъ ихъ Владыкѣ. «Святый же о семъ тайно проразсуждая, увѣда свою кончину, уразумѣ и сказа, что хочетъ быти» Произшло общее смятеніе. Мысль—попасть въ руки безжалостныхъ варваровъ, казалась ужасною; страхъ сообщился всѣмъ, защищаться было не чѣмъ; надежды на помощь не предвидѣлось никакой; участь каждаго была рѣшена: потому что всѣ знали, что врагъ немилостивъ и не дастъ пощады никому. Оставалось одно средство къ спасенію—бѣгство въ Устьвымъ, но какъ оставить добраго Архипастыря, своего отца и благодѣтеля? Народъ растерялся; бодрость его оставила; страхъ отнялъ присутствіе духа; отчаяніе лишило и послѣднихъ силъ И то мѣсто, гдѣ такъ недавно раздавались хвалебныя гимны во славу Господа и гдѣ возносились теплыя молебны ко Св. Троицѣ, то мѣсто огласилось теперь раздирающими душу воплями и криками! Тамъ, гдѣ ранѣе царствовали стройный порядокъ и глубокая тишина, гдѣ все было проникнуто умиленіемъ и

восторгомъ, тамъ господствовали теперь паническій страхъ, ужасное смятеніе, неутѣшный плачь и громкія сѣтованія! . . . Святитель «мятущеся втайнѣ», съ воздѣтыми къ небу руками обратился къ той сторонѣ, гдѣ стоялъ Устьвымъ и, преклонивъ колѣна, молился; троекратно осѣнилъ монастырь, церкви и городъ знаменіемъ святаго креста, благословилъ паству и изрекъ эти трогательно—поучительныя прощальныя слова къ ней: «Братіе и чада моя возлюбленная! Господь Богъ восхотѣ предати мя немилосердымъ Воруличамъ на смерть, и часъ отшествія моего отъ сего временнаго житія къ вѣчному уже приспѣ. . . . Азъ же готовъ есмь умерети за Господа Бога моего. . . . Лучше единому мнѣ умерети, нежели всѣмъ вамъ изгибнути. . . . Вамъ же, чадамъ моимъ, оставляю миръ и благословеніе: любите Бога, любите другъ друга, любите и враговъ своихъ сихъ; Господь спасетъ вы смертию моею отъ гнѣва ихъ и ярости. . . . Храните православную вѣру, соблюдайте заповѣди, . . . поучайтесь благочестію, возлюбите церковь, яко сами себе. . . . Почитайте Государя, повинуйтесь властямъ, яже суть отъ Бога, внимайте пастыремъ церковнымъ, и Господь благословитъ васъ . . . Миръ и благословеніе вамъ, чада моя возлюбленная! Не сѣтуйте и не скор-

бите ради мене... Отъидите отъ мене вскорѣ, дабы и възъ не постигла нѣкая бѣда; азъ бо не хочу укрытися или бѣжати, но хочу за Христа Бога и за святую вѣру православную мученіе пріяти и смерть вкусити готовъ есмь»... Врагъ былъ уже близокъ. Паства слушая святаго отца, проливала горестныя слезы и не трогалась съ мѣста, «зана той святой Птиримъ вельми милостивъ бысть и кротокъ и со смиреніемъ уча и наказуя, . . . и вси готовяхуся защищати святаго отца». Но когда толпы Вогудичей высыпали на берегъ и съ яростію бросились къ тому мѣсту, гдѣ былъ Птиримъ, народъ въ страхъ разбѣжался, кто куда могъ, и оставилъ одного Архипастыря. «Святой же въ тое время токмо Богу моляся. . . . Немилосердіи же Вогудичи и Вятчане жестокосердіи како не сжалишася, видяще святаго Богу молящася и готовящася добровольнымъ на муки вдатися и смерть воспріяти; но твердо наступивше и съ яростію яша святаго, и единъ поединому пачаша бити его. . . . Святой отецъ увѣщаша Асыку и же съ нимъ»... Но смиренныя увѣщанія не могли тронуть души, ожесточенной злобою. Владыка Пермскій варварски былъ замученъ Асыкою, и святое тѣло его, опозоренное наглыми кровопійцами, было брошено ими на Мысу. «Сиде пострада святой

Питиримъ Епископъ Устьвымскій Чудотворецъ, и добровольно за Христа отъ безбожныхъ Вогуличъ и Вятчанъ кончину воспрія, и мзду и вѣнецъ отъ Подвигоположника Святительства пріемъ отъ Владыки Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, Августа въ 19 день, лѣта 1355.... (*) Совершивъ злодѣяніе и слѣдовательно удовлетворивъ чувству личной мести къ Питириму, Асыка, довольный смертію его не приступалъ къ Устьвому и удалился, захвативъ въ плѣнъ прибрежныхъ жителей. Быть можетъ, Владычный городъ, защищенный самою природою, представлялъ ему не преодолимые пренятствія при нападении и потому, очень вѣроятно, онъ не хотѣлъ напрасно жертвовать людьми тамъ, гдѣ предстала явная опасность и гдѣ всѣ невыгоды были на его сторонѣ.— Замѣтимъ здѣсь, что объ этомъ нашествіи Вогуличей на Пермь, равно какъ и объ открытыхъ военныхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ 1455 году, въ первый разъ упоминается въ нашей отечественной Исторіи. (**) — По удалении врага, первымъ дѣломъ духовныхъ и гражданскихъ властей Пермскаго края было отпра-

(*) О смерти Питирима см. Архангел. Лѣт., г. 6963.

(**) Ист. Госуд. Росс. Т. V, стр. 209, 210.

вить посланіе въ Москву къ Государю и къ освященному Собору обо всемъ случившемся. До полученія отвѣта, въ продолженіи 40 дней, тѣло святаго Питирима «върнии храниша на мѣстѣ, идѣже умученъ бысть, въ обрубѣ, ничимъ же вредимо или тлѣнію коснутися».... Жители самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Перми стеклись на погребеніе святаго Владыки: скорбь и сѣтованія ихъ выражались въ молитвахъ къ сему Святителю—мученику, котораго въ то же время они признавали уже святымъ и просили его заступничества предъ Богомъ. — Великій Князь, Соборъ Духовенства, бояре и все знавшіе Питирима съ прискорбіемъ свѣдали о мученической кончинѣ его и сожалѣли объ утратѣ мужа, столь ревностно трудившагося на пользу Государства и Епархіи, ему ввѣренной. Умъ, благочестіе и духовныя заслуги снискали Питириму общую извѣстность между современниками и полное право на ихъ уваженіе. Великій Князь Василій Васильевичъ любилъ и уважалъ Питирима и какъ ревностнаго Архипастыря и какъ даровитаго ученаго, съ любовью трудившагося для блага церкви. Изъ сочиненій Питирима намъ извѣстны Житіе святаго Алексѣя Митрополита и нѣсколько каноновъ и тропарей русскимъ святымъ. Мы знаемъ также, что Питиримъ хорошо былъ зна

номъ съ Греческимъ языкомъ и читалъ въ подлинникъ святыхъ отцовъ церкви; но оставилъ ли послѣ себя какіе либо переводы съ этого языка, объ этомъ мы находимъ нигдѣ указаній.

XXIV.

Святый Іона, 5-й Епископъ Устюжскій. Умирненіе Вятчанъ. Устюжане и Новгородцы — оберегатели Перми. Благоденствіе паствы. Крещеніе Перми Великой и Князя ея Михаила. Предѣлы Пермской Епархіи. Наказаніе Вогулигей и Югровъ. Казанскіе Татары беспокоятъ Пермь. Храбрость Устюжанъ. Блаженная кончина Святителя Іоны.

Мученическая смерть Питирима была жестокимъ ударомъ для всего края Пермскаго. И этотъ ударъ становился тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что принадлежалъ къ числу печальныхъ, непредвидѣнныхъ, внезапныхъ, которыя обыкновенно оставляютъ по себѣ впечатлѣнія потрясающія. Самое стеченіе обстоятельствъ, подготовившихъ кончину Святителя, увеличивало опасенія Перми и ставило ее въ то трепетное положеніе, которое заставляло по-

дозрѣвать въ будущемъ горькія испытанія, неводно напоминало о волненіяхъ и превратностяхъ жизни и о томъ, что спокойствіе и безопасность каждаго сомнительны въ настоящее бурное время. . Врагъ также неожиданно могъ варварски напасть на ту или другую деревню зырянскую и, пользуясь значительнымъ перевѣсомъ силъ матеріальныхъ, а болѣе всего паническимъ страхомъ жителей и ихъ беззащитностію, могъ также злодѣйски все истребить и разрушить. Разсчитывать на постороннюю помощь было нельзя, потому что не было уже на свѣтѣ того, кто обратился бы съ прошеніемъ ея къ мирнымъ сосѣдямъ: въ лицѣ Питирима Пермь лишилась отца и наставника, защитника и миротворца, благодѣтеля и ходатая. Народъ, повсемѣстно оплакивая незабвеннаго іерарха, смерть его называлъ предвѣстницею будущихъ великихъ бѣдствій. Два искренно любимыя имъ Архипастыря сдѣлались жертвою злобныхъ варваровъ,—и онъ уже отчаявался видѣть новаго Владыку, думая, что никто не пожелаетъ быть пастыремъ стада тамъ, гдѣ можетъ статься, предстоитъ ему страдальческій подвигъ. Волнуемый этими горькими думами, народъ предался жалобнымъ сѣтованіямъ. Печальное настроеніе умовъ сиротствующей паствы возрасло до состоянія отчаянія, когда освя

щенный Соборъ хиротонисалъ во Епископа на Пермь инока Іону. Мы не знаемъ положительно, сколько времени, по смерти Пителима, престолъ Устьвымскихъ Архіереевъ оставался празднымъ; но, судя по разнымъ случаямъ іерархическаго управленія Іоны можно утвердительно полагать, что сиротство Епархіи едва ли было продолжительно. Въ лѣтописяхъ, въ первый разъ, упоминается объ Іонѣ Епископѣ Пермскомъ въ 1462 и 1463 годахъ, когда онъ крестилъ Великую Пермь. Просвѣщеніе Христіанскою вѣрою обширной страны не могло быть совершено въ теченіе одного или двухъ лѣтъ,—но требовало, безъ сомнѣнія, долговременныхъ предварительныхъ приготовленій. Исторія вѣковъ убѣждаетъ насъ, что подвиги Апостольскіе у всѣхъ народовъ не вдругъ увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, и въ самомъ началѣ требовали величайшихъ трудовъ и пожертвованій отъ проповѣдниковъ. Основываясь на этомъ доводѣ, мы относимъ хиротонію святаго Іоны къ 1456 году.

Отправляя Іону въ Пермь, Великій Князь Василій Васильевичъ обѣщалъ ему покровительство и защиту отъ безпокойныхъ сосѣдей—Вогуличей и Вятской вольницы. Зная всѣ бѣдствія, какія сія несчастная страна перенесла

отъ этихъ варваровъ, онъ принялъ скорѣе мѣры къ усмирению ихъ. Первые, испытывшіе на себѣ справедливый гнѣвъ Государя, были Вятчане. Вятка, подобно Новгороду, была державою народною. Духъ свободы и молодечества, съ основанія въ ней господствовавшій, развился наконецъ за предѣлы возможности, — до степени забвенія правъ народныхъ и обязанностей въ отношеніи къ Государю и отечеству. Воднуемая внутри смутами черни, угрожаемая извнѣ Татарами, она не имѣла ни твердаго правленія, ни ясной политической системы, а воляница ея безнаказанно свирѣпствовала даже во владѣніяхъ Великокняжескихъ, не щадя ни званія, ни возраста, ни пола. Живя въ соседствѣ Пермь, Вятчане также злодѣйствовали въ ней, какъ и дикіе Вогулы. Великій Князь имѣлъ много причинъ наказатъ Вятчанъ: они захватывали доходы его, грабили, гдѣ только можно, купцовъ Московскихъ, сожгли крѣпость въ Устюгѣ — Гледень и еще такъ недавно помогали Юрію и сыновьямъ его, Шемякѣ и Косому. Въ 1458 и 1459 годахъ рать Московская съ Устюжанами, покоривъ много Вятскихъ городовъ, обложила Вятку данію и привела въ зависимость отъ Государя Московскаго. Страшась грознаго могущества Москвы, Вятская воляница не смѣла послѣ того впадать

въ Пермь съ дѣйствіями непріязненными. Слѣдовательно, одинъ безпокойный сосѣдь Перми, подавленный силою Московскаго Государя, сдѣлался совершенно для нея безопасенъ; оставалось усмирить другаго, болѣе строптиваго и кровожаднаго: увидимъ далѣе, что и Вогуличи жестоко были наказаны, по волѣ Государя Державнаго Іоанна III Великаго, сына и наслѣдника Василія Васильевича Темнаго.

Обезопасивъ Пермь съ одной стороны—отъ Вятской вольницы, Великій Князь хотѣлъ защитить ее и съ другой—отъ Вогуличей. Съ этою цѣлію, по отшествіи Святителя Іоны на кафедру Устюжскую, онъ, думая о томъ, чтобъ и этого іерарха не постигла участь двухъ его предшественниковъ, озаботился пріисканіемъ средствъ къ личной его безопасности. По отдаленности Перми, онъ находилъ много неудобствъ оберегать ее собственными силами, и потому просилъ Устюжанъ и Новгородцевъ — «блюсти Пермскую землю отъ хищничества Вогуличей и помогать ей ратными людьми», по первому ходатайству новаго Владыки Пермскаго. И такъ, на будущее время, безопасность Перми нѣкоторымъ образомъ утверждалась надежными ручательствами. Іона благоразумно воспользовался ими, и въ короткое

время во всей странѣ успѣлъ ввести твердый порядокъ, возстановить общественное спокойствіе, упрочить народное благосостояніе. Зыряне видѣли, что сей Святитель не уступалъ Питириму ни въ духовной, ни въ гражданской дѣятельности по управленію Пермскимъ краемъ; видѣли его неусыпныя попеченія о благѣ церкви, видѣли безкорыстную готовность содѣйствовать къ улучшенію нравственного и хозяйственного ихъ быта, уже испытали его щедрую благотворительность, забыли свои горькія лишенія и бѣды, и молили Бога — продлить вѣкъ Іоны и ихъ счастье. Искренняя любовь и общее расположеніе, совершенная преданность и глубочайшее уваженіе были наградою сему ревностному Святителю. Когда миръ церкви и паствы былъ уже упроченъ, и когда внутри Перми все свидѣтельствовало о цвѣтущемъ состояніи жителей, Иона предпринялъ доблестный Апостольскій подвигъ, многотрудный и по началу сопряженный съ великими препятствіями, но который исподоволь увѣнчался полнымъ успѣхомъ—это обращеніе въ Христіанскую вѣру обитателей Перми Великой, жившихъ по Вишерѣ, Камѣ, Чусовой и другимъ рѣкамъ.

• До 1462 года народы Перми Великой стро

го хранили заветы старины глубокой, не переменяли веры отцовъ, держались многобожія, поклонялись бездушнымъ истуканамъ — «Войтелю» и «Золотой Бабѣ», боготворили духовъ тьмы и пребывали въ грубомъ идолопоклонствѣ. Ревнуя по Богѣ и соболѣзнуя объ этихъ несчастныхъ братіяхъ Зырянъ, зараженныхъ языческимъ нечестіемъ, Иона обрекъ себя на служеніе имъ, сдѣлался ихъ просвѣтителемъ. Вначалѣ, подобно Стефану, онъ долго боролся съ предразсудками закоренѣлыхъ идолопоклонниковъ, преодолевалъ тяжкія препятствія, переносилъ обиды и лишенія, терпѣлъ гоненія ради имени Христова и побѣдивъ въ преніяхъ о вѣрѣ упорнѣйшихъ волхвовъ и туновъ, крестилъ, наконецъ, Пермскаго Князя Михаила. Вспомоществуемый этимъ властителемъ страны, онъ, въ 1462 и 1463 годахъ, просвѣтилъ Христіанскою вѣрою всѣхъ Пермьковъ, сжегъ кумирницы, истребилъ идоловъ, построилъ церкви на мѣстахъ идольскихъ капищъ, образовалъ при нихъ школы, перевелъ къ новопросвѣщеннымъ опытныхъ іереевъ изъ Епархіи Устьвымской. Къ сожалѣнію, подробности этого знаменитаго Христіанскаго дѣла не записаны современными лѣтописцами, и самыя преданія сохранили о немъ очень не многое для потомства. По преданіямъ извѣстно

только, что успѣху проповѣди въ этой обширнѣйшей странѣ много способствовали монахи Троицкой Печорской пустыни, какъ ближайшіе сосѣди къ главному городу Великой Перми — Чердыню. Такимъ образомъ предѣлы Пермской Епархіи широко раздвинулись на юговостокѣ. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ и освященный Соборъ, когда радостная вѣсть о просвѣщеніи Великой Перми достигли Москвы, благодарили Бога за новое приобрѣтеніе чадъ Русской церкви и прославляли Апостольскій подвигъ Іоны. Устюжане и Новгородцы, прежде всѣхъ узнавшіе объ успѣхѣхъ проповѣди Святителя, спѣшили наградить его ревность богатыми дарами и тѣмъ выразить любовь и уваженіе къ нему. Слава просвѣтителя Великой Перми разнеслась по всему Государству Русскому: всѣ заочно благоговѣли предъ іерархомъ Устьвымскимъ и всѣ удивлялись великому дѣлу, имъ совершенному. Какъ высоко цѣнили духовныя заслуги Святителя Пермскаго Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, это видно изъ того, что онъ, вскорѣ послѣ крещенія Великой Перми, желая показать просвѣтителю свое благоволеніе, принялъ ее подъ высокую царскую руку и обѣщалъ всегдашнее покровительство. Такъ, въ 1465 году, по повелѣнію его, Устюгскій Атаманъ Василій Скрыба

ходилъ съ вольницей на Вогуличей и Югровъ и привелъ въ Москву Князей Югорскихъ Калпака и Течика. . . . «А шли съ нимъ (Скрябой) хотячіе люди, да Князь Василій Вымскій Ермоличъ съ Вымичи и съ Вычетжаны; а пошла рать съ Устюга Мая въ 9 день. . . . и полуно много вывели и землю за Великимъ Княземъ привели». . . . (*) Въ 1467 году 120 Вятчанъ на Вогуличи ходили, да съ ними Пермьки» Вогуличи воевали, а князя Вогульскаго Асыку на Вятку привели» . . . Въ 1468 году спокойствіе Перми было нарушено Казанскими Татарами. Ибрагимъ, Казанскій Царь, покоривъ Вятку, близко придвинулся къ предѣламъ Великимъ Пермскимъ и частыми грабежами безпокоилъ ея жителей. Іоаниъ Васильевичъ велъ съ нимъ кровопролитную войну. . . . «По велицѣ дни послалъ Князь Великій Дворъ свой на Каму съ Москвы къ Галичу Руна съ казаки, а изъ Галича Семеновыхъ дѣтей Филимонова Глѣба, Ивана Шуста, Василья Губу и поидоша къ Вологдѣ, а изъ Вологды въ судѣхъ съ Во-

(*) Здѣсь въ первый разъ упоминается о Князяхъ *Вымскихъ*. Нынѣшнее село *Княжь-поселье*, что на Выми въ Яренскомъ уѣздѣ, вѣроятно, было резиденціею этихъ Князей. Любопытно знать лѣстные преданія о Князяхъ Вымскихъ, если они сохранились въ народѣ.

логжаны къ Устюгу на Николинъ день, и съ Устюга поиде Князь Иванъ Звѣнецъ, а Иванъ Игнатьевъ съ Кичменжанья». . . (*) «Рать Московская да Устюжане да Галичане шедше на Каму да изымали языка; а сказываетъ, что Татарове пошли вверхъ по Камѣ въ Великую Пермь, и воеводы шедше за ними, да ихъ побили. На томъ бою убить Атаманъ Устюжскій Сава Осѣевъ» . . . Въ 1469 году, въ рѣшительной битвѣ съ Татарами, Устюжане съ княземъ Василюемъ Ухтомскимъ оказали чудеса храбрости: Ибрагимъ былъ усмирень и заключилъ миръ «на всей волѣ» Государя Московскаго (**) Въ награду за храбрость «послалъ Князь Великій Устюжанамъ дважды по деньгѣ золотой, а они обѣ отдали попу Ивану», и «въ третіа послалъ ужину запасъ 700 четвертей муки, да 300 пудовъ масла, да 300 луковъ, 600 стрѣлъ, да 300 шубъ бараньихъ, да 30 однорядковъ Чипскихъ и Лунскихъ (Лондонскихъ и Новогольскихъ и Трекумскихъ, да 300 сермягъ.»

Послѣдній годъ управленія Пермскою Епар-

(*) Архив. Лѣтоп.

(**) Архангел. Лѣт. Стр. 145 и 146

хією Іона посвятилъ на устройство и благочиніе церковное и вмѣстѣ на религіозную и нравственную стороны жизни своей паствы. Въ Великой Перми были основаны обители, поставлены игумены, построены вновь церкви, увеличенъ клиръ духовный. Среди неусотомимыхъ заботъ о благѣ церкви и сыновъ духовныхъ, къ неутѣшной ихъ горести, Святитель Іона скончался 6 Іюня 1470 года. «И положено бысть святое тѣло его на Устьвыми, въ своей его Епископїи, близъ мощей святыхъ въ церкви по лѣвую сторону Герасима и Питирима Епископовъ, Устьвымскихъ Чудотворцевъ, съ надгробными псалмопѣніи проводивше честнѣ, идѣжѣ и донинѣ вси тріе вкупѣ почиваютъ и чудеса творятъ и изцѣлѣнія различно подаютъ съ вѣрою приходящимъ и до сего дня во славу Христа Бога нашего.»

XXV.

Филофей, шестый Епископъ Устьвыжскій. Нѣсколь-
ко словъ объ Епископѣ Амфилохѣ, упоминаемомъ нѣ-
которыми писателями до Филофея. Филофей—преоб-
разователь Перми. Плоды 30-лѣтняго управленія его
Пермскою Епархіею. Угасіе въ современныхъ исто-
рическихъ событіяхъ. Покореніе Новгорода. Филофей—
Епископъ Великопермскій и Вологодскій. Завоеваніе
Перми Великой. Пльнъ Князя Михаила и воеводъ
Пермскихъ. Первая дань съ Перми. Первый намест-
никъ Перми.

Пять мѣсяцевъ, по смерти Іоны, Пермская
Епархія не имѣли Владыки (*). Великій Князь
и освященный Соборъ не замедлили избраніемъ
новаго Епископа обширнѣйшей въ Россіи Епар-
хіи, предѣлы которой еще такъ не давно уве-
личились пріобрѣтеніемъ великой и многолюд-
ной страны, обращенной въ Христіанскую
вѣру трудами Св. Іоны. Они справедливо
разчитывали, что оставить на долго безъ Ар-
хиастыря эту пространнѣйшую Епархію зна-
чило бы пренебречь благочестивымъ подвигомъ
Іоны и дать вновь укорениться въ ней языче-
скому нечестію. При современномъ положеніи

(*) Слѣдуетъ считать годы съ Сентября.

Перми нужно было избрать ей такого Владыку, который, свято выполняя священный долг своего призванія, споспѣшествовалъ бы вмѣстѣ и правительственнымъ интересамъ Москвы и личнымъ видамъ на Пермь Государя Московскаго. По долгомъ испытаніи, освященный Соборъ указалъ на Игумена Оерапонтова Бѣлозерскаго монастыря Филофея, какъ способнѣйшаго и достойнѣйшаго занять кафедру Устьвымскихъ Архіереевъ. 8 Ноября 1471 года Игуменъ Филофей хиротонисанъ во Епископа на Пермь. Мы узнаемъ въ послѣдствіи, что этотъ знаменитый іерархъ вполне оправдалъ надежды Государя и освященнаго Собора долговременнымъ ревностнымъ служеніемъ; ознаменованнымъ многими дѣяніями, важными и въ Исторіи Государства Россійскаго и въ Исторіи Церковной Іерархіи края зырянскаго.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію іерархическаго управленія Филофея Пермскою Епархіею, замѣтимъ разногласіе извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей въ хронологической послѣдовательности Епископовъ Устьвымскихъ. Такъ Митрополитъ Евгений и составитель Исторіи Русской Іерархіи, не ссылаясь, впрочемъ, на источники, между святымъ Іоною и Филофеемъ упоминаютъ объ Аифилохѣ, который, по ска-

занію ихъ, былъ посвященъ во Епископа на Пермь въ 1472 г. и вскорѣ скончался. Но ни въ мѣстныхъ рукописяхъ, ни въ современныхъ лѣтописяхъ не находимъ мы имени Амфилохія въ спискѣ іерарховъ Устьвымскихъ, и оно кажется намъ тѣмъ болѣе сомнительнымъ, что хронологическое указаніе на хиротонію этого Епископа явно противорѣчитъ смыслу достовѣрнѣйшихъ лѣтописей, въ которыхъ годъ и число смерти Іоны, равнымъ образомъ годъ и число избранія ему преемника на Пермь, обозначены совершенно согласно съ нашими рукописями. Посему, отвергая свидѣтельства Митрополита Евгенія и составителя Исторіи Русской Іерархіи, какъ ни на чемъ не основанныя, мы, при описаніи іерархическаго управленія Епископовъ Устьвымскихъ, придерживаемся того хронологическаго порядка, въ которомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ историческихъ лѣтописяхъ и въ мѣстныхъ рукописяхъ. Въ нихъ сказано, что «Іона представился 1470 году, Іюніа 6,» вмѣсто его «поставленъ бысть Епископъ Перми Филофей, 8 Ноября 1471 году,» слѣдовательно, сказаніе двухъ вышеприведенныхъ писателей о хиротоніи Амфилохія въ 1472 году, когда въ Перми былъ уже Епископъ, есть—или ложно и ни оба впали въ очевидную ошибку, или же

остается предположить, что Амфилохій, по обширности предѣловъ Велико-Пермскихъ, былъ помощникомъ Филофел, такъ сказать Викаріемъ Пермскимъ. Быть можетъ, Филофей управлялъ Устьвымскою Епархіею, а Амфилохій, въ зависимости отъ него, завѣдывалъ и утверждалъ въ вѣрѣ новопросвѣщенную Пермь Великую; но этихъ примѣровъ викаріатства мы не встрѣчаемъ въ древней Русской Іерархіи.

Слишкомъ 30 лѣтъ управляя Пермскою Епархіею, Филофей совершенно преобразовалъ Пермь, былъ творцемъ ея славы между русскими современниками и главнымъ виновникомъ той извѣстности, которую она стяжала себѣ тогда у иностранцевъ. Плодомъ продолжительнаго управленія его былъ прочный миръ на пространствахъ всего края, возстановленіе дружественныхъ связей съ окружающими сосѣдями, повсемѣстный порядокъ общественный, улучшенный бытъ народа, семейный и домашній. Церковь процвѣтала, паства благоденствовала. Внѣшняя безопасность всей Великой Перми, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ этого іерарха, была утверждена покореніемъ вѣковыхъ враговъ ея—Вогуловъ подѣ власть Государя Москвы, и она съ этой стороны навсегда осталась спокойною. Государь Іоаннъ Васильевичъ, слѣ-

дуя планамъ отца и дѣда, также домогался пріобрѣсть эту обширную страну, столько вѣковъ обогащавшую Новгородцевъ, — и въ семь затруднительномъ государственномъ дѣлѣ Филофеемъ личнымъ участіемъ и благоразумными мѣрами много способствовалъ видамъ Государевымъ.... Но, чтобъ короче ознакомить читателя съ іерархическимъ управленіемъ Филофея, съ рядомъ важнѣйшихъ историческихъ событій, въ которыхъ онъ или самъ лично участвовалъ или успѣхъ которыхъ преимущественно зависѣлъ отъ особеннаго вліянія его, по власти Святительской,—или же въ которыхъ дѣйствовали его дѣти духовныя, мы, въ слѣдующихъ главахъ, придерживаясь, смысла мѣстныхъ рукописей, а также и тѣхъ лѣтописцевъ, которые упоминаютъ о дѣяніяхъ Филофея, постараемся развить ихъ подробнѣе и со всевозможною точностію. Читатели увидятъ, какъ обильно 30—лѣтнее управленіе Филофея этими событіями и вмѣстѣ какое дѣятельное участіе припималъ въ нихъ іерархъ Пермскій, изъ всѣхъ замѣчательнѣйшій и по степени образованія, и по Архипастырскимъ дѣйствіямъ, и по вліянію на Великую Пермь, и по уваженію Государя Московскаго и всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ, не выключая и дикихъ Вогуловъ и Югры.

Первый годъ управленія Филофея замѣчательнъ двумя событіями, изъ которыхъ послѣднее для паствы въ особенности важно. Одно изъ этихъ событій указываетъ на участіе Святителя Пермскаго въ дѣлахъ Московской Митрополіи: 8 Декабря 1471 года новопосвященный владыка Филофей присутствовалъ при хиротоніи Епископа Рязанскаго Θεодосія. Другое касалось государственныхъ интересовъ Москвы и важно въ духовномъ и правительственномъ отношеніяхъ — это усмиреніе Новгорода, первый сильный ударъ Новгородской вольности. Въ 1471 году, Новгородъ, желая возстановить древнія права свободы, вздумалъ бороться съ Москвою: отказалъ въ дани Іоанну, захватилъ доходы Великокняжескіе, презиралъ Намѣстниковъ и пословъ Государевыхъ, противился волѣ Іоанна, не признавалъ его своимъ Владыкою, грабилъ Московскихъ купцовъ, искалъ независимости, грозилъ силою. Жена знатная, хитрая, велерѣчивая, вдова Посадника Борецкаго, руководила въ то время Новгородскимъ Вѣчемъ, убѣжая его отдать отчество въ защиту отъ угнѣтеній Государя Московскаго подъ власть Литовскаго короля Казимира. Правительство и народъ, увлеченные ея лъстивыми обещаніями на счастливую будущность, отправили многочисленное посольство въ Литву просить

Казимира быть главою Новгородской державы... Еще Великий Князь надѣялся скромными убѣжденіями образумить мятежниковъ. Новгородцы сдѣлались строптивы и не слушали рѣчей Государевыхъ.... Еще Іоаннъ медлил грознымъ ударомъ, чтобъ наказать измѣнниковъ: призвалъ въ Москву всѣхъ Епископовъ, князей, бояръ, воеводъ; съ прискорбіемъ объяснилъ имъ смутное теченіе дѣлъ Новгорода. Всѣ единогласно отвѣтствовали: «Государи! возьми оружіе въ руки». — «Да будетъ же война», — сказала Іоаннъ Васильевичъ, и просилъ благословенія и молитвъ Святительскихъ. Филофей, какъ духовный властитель въ большей части владѣній Новгородскихъ въ Пермь Великой, получилъ особыя наставленія отъ Великаго Князя и Государевой Думы, какъ дѣйствовать на народъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.... Мы знаемъ изъ отечественной Исторіи важныя послѣдствія этой войны Іоанна съ Новгородомъ; скажемъ только, что въ ней участвовали Печорцы, вызванные на берега Двины Новгородскимъ Вѣчемъ, гдѣ они вмѣстѣ съ Двинянами, (*) которыми предводительствовалъ Князь Василій Шуйскій, вѣрный защитникъ Новгородской

(*) Двиняне и Печорцы было 12,000.

вольности, были на-голову разбиты Устюжанами и Вятчанами, подъ начальствомъ Московскихъ воеводъ Образца и Бориса слѣпаго.... Новгородцы за вину свою возвратили Іоанну все земли около Вологды, берега Пинеги, Мезени, Кегролу, Чаколу, Немьюгу, Выю, Сурю Поганую, Пилы горы, т. е. значительную часть владѣній Велико-Пермскихъ, которыя были ими уступлены Василию Темному, но послѣ отняты. — Въ іерархическомъ отношеніи послѣдствіемъ этой войны было то, что городъ Вологда былъ причисленъ къ Епархіи Велико Пермской и Филофей съ сего времени сталъ именоваться Епископомъ Великопермскимъ и Вологодскимъ, а за нимъ и послѣдующіе іерархи Устьянскіе именовались также Вологодскими до 1503 года, когда упразднена Устьянская Епархія.

Строго наказавъ Новгородъ и какъ бы на-время оставивъ его державою свободною, Іоаннъ Васильевичъ съ богатыми трофеями войны, какъ побѣдитель, со славою возвратился въ Москву. По силѣ Шелонскаго договора съ Новгородскимъ Вѣчемъ, Государь Московскій сдѣлался обладателемъ большей части земель Пермскихъ. Новгородцы крѣпко стояли за Великую Пермь, обогащаясь въ ней мѣною

драгоценныхъ мѣховъ и серебра *Закамскаго* на сукна и ткани нѣмецкія. Хитрый и дальновидный, Великій Князь не употребилъ настойчивости, уступилъ народнымъ требованіямъ, призналъ Великую Пермь законнымъ владѣніемъ Новгородцевъ,—а между тѣмъ выжидалъ перваго случая присоединить эту обширную страну къ Государству Московскому. Великая Пермь, эта славная въ древности Біармія, во времена незапамятныхъ завоеваній Новгородскими ушкуйниками, искони платила извѣстную дань Новгороду, но слыла державою самостоятельною, имѣла собственныхъ князей — правителей и торговала съ Москвою и Новгородомъ, какъ страна свободная и независимая. Обстоятельство маловажное само по себѣ, но по политикѣ Іоанна имѣвшее справедливость закона, было причиною ея завоеванія: въ Перми обидѣли Московскихъ бояръ и купцевъ. Іоаннъ вступился за обиженныхъ, пославъ войско и опытныхъ воеводъ князей Ѳедора Пестраго и Гаврила Нелидова, съ наказомъ покорить Пермь во имя Государя Московскаго. Зимой, 1472 г. полки Московскіе выступили въ походъ.— Филофей, давно посвященный въ тайные виды Іоанна на Пермь, какъ мѣстный духовный Владыка, имѣвшій ближайшія отношенія къ народу, заранѣе успѣлъ расположить народные умы въ

пользу Государя Московскаго. Любимый и уважаемый многочисленною паствою, онъ внушилъ ей недовѣріе къ Новгородцамъ, а равно и къ мѣстнымъ правителямъ и, восхваляя добродѣтели Іоанна, привлекъ къ нему сердца туземныхъ жителей, такъ что они все усердно желали видѣть его своимъ властителемъ. Московскія войска, проходя по Перми, повсемѣстно встрѣчали дружественный пріемъ и ласки туземныхъ обитателей. Филофей, чтобъ облегчить для войскъ трудныя пути въ странѣ малоизвѣстной воеводамъ, далъ имъ искусныхъ проводниковъ, коротко знакомыхъ съ мѣстностію края. При помощи этихъ свѣдущихъ людей, войска быстро подвигались впередъ и на Оминой недѣлѣ достигли рѣки Черной, по которой на плотахъ спустились до мѣстечка *Айфалосскаго*, а отсюда на коняхъ пришли къ городу *Искору* и сразились съ Пермскою ратію. Князь Пермскій *Михаилъ*, тотъ самый, котораго обратилъ въ Христіанскую вѣру святой Іона, и воеводы были разбиты и взяты въ плѣнъ; множество незначительныхъ городковъ сожжено; жители большихъ городовъ *Чердыни*, *Искора*, *Уруса* и другія обложены данію; вся Пермь присягнула Іоанну. Князь *Михаилъ* и воеводы Пермскіе *Качъ*, *Бурмотъ*, *Мичкинъ*, *Зыранъ* посланы плѣнниками въ

Москву. Князь Федоръ Пестрый отправилъ вмѣстѣ съ ними первую дань съ Великой Перми—16 сороковъ черныхъ соболей, драгоценную шубу соболю, 29 поставовъ сукна нѣмецкаго, (*) три панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Обрадованный этимъ скорымъ завоеваніемъ, которымъ границы Московскаго Государства придвигались къ хребту горъ Уральскихъ, Великій Князь искренно благодарилъ Святителя Пермскаго за ревностное участіе въ этомъ дѣлѣ, щедро награждалъ своихъ воеводъ, отпустилъ обратно въ Пермь Князя ея и воеводъ, обязавъ ихъ клятвою въ вѣрности престолу Московскому. Михаилъ долго еще управлялъ своею отчиною, какъ присяжникъ Іоанна, и передавъ въ послѣдствіи право господства сыну своему Матвѣю, который въ 1505 г. былъ сведенъ съ отчины, и мѣсто ея въ томъ же году занялъ первый Намѣстникъ Перми Князь Василій Андреевичъ Коверзъ.

(*) Въ древнихъ Арифметикахъ, въ составъ сукна заключалось 32 аршина.

XXVI.

Біармія, какъ данница Новгорода. Озеркъ ея промышленности. Иностранцы съ IX до XIII вѣка посѣщаютъ ее Пезора и Югра, завоеванныя ушкуйниками. Торговля съ народами Сибири. Опасенія Новгородцевъ потерять выгоды купечества отъ угасія въ Сибирской торговлѣ другихъ промышленниковъ русскихъ. Разсказъ Гюряти Тараговиза. Устюжане въ Угеріи. Новгородъ — складка пушныхъ товаровъ. Виды на Біармію Государей Московскихъ. Вѣншняя политика ихъ въ отношеніи Новгорода. Покореніе Перми. Тяжестъ утраты для Новгородцевъ.

Наконецъ древняя Біармія, эта обширѣйшая сѣверная страна, пять слѣшкомъ вѣковъ бывшая богатою данницею Новгорода, принадлежала Государю Московскому. Съ IX вѣка извѣстная иностранцамъ по богатству даровъ природы и по дешевизнѣ туземныхъ товаровъ, она въ то же время, какъ замѣчаютъ наши писатели, была покорена Новгородскими ушкуйниками, этимъ неустрашимымъ классомъ людей временъ патріархальныхъ, который, безъ вѣдома своего Правительства, отдѣльными флотиліями шнырялъ по сѣвернымъ рѣкамъ, ища всюду грабежа и добычи, всюду промышляя воюя. Сдѣлавшись данницею Великаго Новгорода, Біармія, хотя и зависѣла отъ него въ

гражданскомъ отношеніи, но до 1472 года хранила древне-вѣковъ образъ правленія и въ политическомъ своемъ бытіи походила болѣе на Государство самостоятельное, ни отъ кого независимое. Купцы Новгородскіе пользовались въ ней правомъ безошлнной торговли и обогащались мѣною товаровъ, преимущественно звѣроловныхъ снарядовъ и жѣзныхъ издѣлій—топоровъ, ножей, луковъ и стрѣлъ, на дорогія мѣха и шкуры пушныхъ звѣрей. Встрѣчаясь здѣсь съ иностранцами, которые, какъ извѣстно, съ IX до половины XIII вѣка посѣщали Біармію, привлекаемые въ нее обиліемъ мягкой рухляди,—привозили сукна и ткани *нѣмецкія*, они знакомились и заводили коммерческія связи съ этими чужеземцами, и отъ нихъ заимствовали болѣе правильныя понятія о торговлѣ и о правахъ взаимныхъ отношеній разныхъ націй. Новгородцы обогащались въ Біарміи сколько отъ мѣстныхъ жителей, покупая у нихъ туземные товары, столько же и отъ чужеземныхъ гостей, вымѣнивая произведенія заграничныхъ фабрикъ и заводовъ, у насъ еще тогда неизвѣстныхъ и, безспорно, въ глазахъ Великихъ Князей и бояръ, имѣвшія цѣнность весьма значительную; слѣдовательно, этимъ взаимнымъ обмѣномъ товаровъ они пріобрѣтали для себя двойныя вы-

годы. — Жажда славы и богатства, алчность къ прибытку, страсть ко всякимъ разнымъ приобрѣтеніямъ, заводили предприимчивыхъ Новгородцевъ далеко на сѣверъ, въ страны полунощныя, гиперборейскія. Пренебреженіе опасностей, отвага и удалъ, отчаянная храбрость сопровождали ихъ въ этихъ путешествіяхъ. Недовольные выгодами купечества въ обширныхъ предѣлахъ Пермскихъ, они проникали въ отдаленную Печору, достигали Лукоморья, первые узнали дикихъ народовъ Печору, Самоядь и Югру, заводили съ ними дружественныя торговыя связи, кругомъ обирали этихъ грубыхъ простяковъ, предлагая имъ вмѣсто дорогой рухляди желѣзо, — металлъ, цѣнность котораго, въ сравненіи съ пушинымъ товаромъ, ничтожна внутри Россіи, но для туземцевъ польза его была ощутительно важна: желѣзо принадлежало къ числу ихъ необходимѣйшихъ потребностей, составляло, по образу жизни ихъ, собственность весьма драгоцѣнную. Также побужденія руководили Новгородцевъ и въ сношеніяхъ съ народами Западной Сибири, о которыхъ мы въ первые узнали отъ нихъ же. Ни дикія пармы, ни лѣсныя болота, ни громадные отроги Урала, не удерживали этихъ смѣлыхъ искателей счастья и корысти: уже въ XI вѣкѣ они торговали съ Югрой и дру-

гими народами Сибирскими. Посѣтивъ въ первый разъ Угрію, Новгородцы нашли въ ней столь великіе запасы мягкой рухляди, что они казались неистощимыми, если судить по обилію и ежегодному лову звѣрей, которымъ необозримая мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ и перерѣзанная въ разныхъ направленіяхъ большими и малыми рѣками, служила привольнымъ виталищемъ. За первымъ удачнымъ опытомъ мѣновой торговли съ туземцами, съ каждымъ годомъ повторялись другіе, не менѣ счастливые и, наконецъ, многочисленные ушкуи, привлекаемые надеждою на богатые пріобрѣтенія, устремились въ Угрію: весной и осенью суда плавали чрезъ Пермь въ Сибирь и возвращались въ Новгородъ съ полнымъ грузомъ пушныхъ товаровъ. Посадники и люди житые, одобряя предпримчивый духъ купцовъ, съ изумленіемъ и не безъ зависти смотрѣли на богатства, ими привозимыя и рѣшили на Вѣчѣ—покорить Югровъ и обложить ихъ данію, что и приведено было въ исполненіе въ 1030 году. Мысль потерять здѣсь часть выгодъ отъ совмѣстничества и участія въ торговлѣ другихъ промышленниковъ русскихъ, вынуждали Новгородцевъ изобрѣтать басни и небылицы какъ о странѣ, ими посѣщаемой, такъ и о пародахъ, въ ней обитающихъ и пускать ихъ въ

ходъ по русской землѣ собственно для того, чтобъ, произведеннымъ ими впечатлѣніемъ въ умахъ довѣрчивыхъ купцовъ, отнять у послѣднихъ всякую охоту къ путешествію въ землю Югорскую. Читая одно мѣсто Нестора, гдѣ онъ, говоря объ Угріи, упоминаетъ о какихъ-то народахъ, запертыхъ въ горахъ «зайдуче Лукоморья», мы, не безъ основанія, предполагаемъ, что весь рассказъ Гюрати Тараговича есть неслѣзый вымыселъ, придуманный именно съ цѣлію, чтобъ отвлечь другихъ народовъ отъ торговли съ Западною Сибирью, гдѣ Новгородцы одни желали пользоваться выгодами коммерческими. Вотъ подлинныя слова Нестора: «Сказа ми Гюрати Тараговичъ Новгородецъ, глаголя сице: яко посла отрокъ свой въ Печору, людіе, яже суть дань дающе Новугороду, и пришедшю отроку моему къ нимъ, и отгуду иде въ Югру. Югра же языкъ есть нѣмъ и съ сѣдятся съ Самоѣды на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: давно находимъ мы чюдо, его же несмы слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть горы зайдуче Лукоморя, имъ же высота до небеси, и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и ту де молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, да кажутъ на желѣзо, и помагають рукою просяче

желѣза: Кто дастъ имъ ножъ, ли сѣкиру, да-
ютъ скорою (*) противу. . . . Есть же путь до
горъ тѣхъ, и не проходимо пропастьми, спѣ-
гомъ и лѣсомъ: тѣмъ же не доходимъ ихъ
всегда» (*) Пресувеличивая трудности пути,
которыя будто бы преодолевали посѣщая
страны полунощныя, купцы Новгородскіе от-
клоняли такимъ образомъ отъ знакомства съ
Сибирью другихъ предприимчивыхъ торговцевъ
русскихъ и долго одинъ ѣздили въ Угрію, ску-
пая въ ней «серебро и соболи и ина узорочья»,
которыя для нихъ копили Князья Югорскіе.
Въ послѣдствіи обманъ открылся; ложь обна-
ружилась: видя успѣшныя торговыя попытки
Новгородцевъ, купечество прочихъ городовъ
русскихъ узнало хитрую уловку, перестало вѣ-
рить баснословнымъ страшнымъ рассказамъ объ
Угрии и, по слѣдамъ ихъ, устремилось въ эту
богатую, по туземной промышленности, зем-
лю. Въ 1324 году Устюжане первые начали
оспаривать здѣсь у Новгородцевъ выгоды купе-
ческія, за что нѣсколько лѣтъ происходили
раздоръ между Новгородомъ и Устюгомъ, кон-

(*) Шкурою.

(*) Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей, изданное
по Высочайшему повелѣнію.

чившійся тѣмъ, что Новгородцы, на будущее-время, вооруженною рукою заградили Устюжанамъ путь въ землю Югорскую.

Преимущественно предъ другими городами производя промышленную дѣятельность, купечеству безошлинно въ Біарміи, захвативъ въ руки всю торговлю сѣвера Россіи и запада Сибири, Новгородъ получалъ огромные барыши внутри Государства, сбывалъ пушный товаръ, производилъ обширную заграничную торговлю, обогащался, процвѣталъ и благоденствовалъ. Каждогодно въ пристани Новгородскія приходили многочисленныя суда изъ Великой Перми, Печоры и Сибири, нагруженные пушнымъ товаромъ, общая цѣнность коихъ изумляла современниковъ. Какъ главный пунктъ складки дорогой мягкой рухляди, какъ славный представитель торговли Государства Русскаго, Новгородъ пользовался знаменитою извѣстностію на западѣ Европы по дѣятельности промышленной. Съ IX и до XVI вѣка сюда пріѣзжали купцы изъ отдаленныхъ странъ Германіи, Шведы, Норвежцы и Датчане съ шелковыми и бумажными тканями, съ дорогими сукнами и подѣлками изъ мѣди и серебра, вымѣнивали ихъ на мѣха соболѣи и лисьи, на шкурки куницы и горностаевы и на всякую рухлядь,

столь высоко цѣнимую въ земляхъ Нѣмецкихъ. Въ XV вѣкѣ тамъ уже знали, что лучшіе соборы идутъ въ Новгородъ и Москву изъ Обдоріи, бѣлые медвѣди, бобры, куницы, лисичы, горностан и бѣлки изъ земли Пермской и Печоры, лосыи и олени кожи изъ Перми Великой Вотъ причина, почему съ одной стороны Великіе Князья Московскіе, начиная съ Іоанна Даниловича Калиты, постоянно домогались обладанія надъ Пермью и каждый, смотря по обстоятельствамъ, объявлялъ болѣе или менѣе притязаній на нее; съ другой—Новгородцы сильно противились ихъ домогательствамъ, и отстаивали права власти, скрѣпленныя вѣками, съ энергіею, рѣдко свойственною народамъ своевольнымъ. Долго длилась вражда между Москвою и Новгородомъ, вражда, которая происходила, кажется, единственно изъ желанія первой обогатиться на счетъ Великой Народной Державы. Зная обширныя статьи доходовъ, которыя Новгородъ собиралъ въ Перми, Государи Московскіе рассчитывали на нихъ, какъ на вѣрныя средства къ личному своему благосостоянію, а равно и къ увеличенію казны государственной, по тогдашнему бѣдственному состоянію нашего отечества, далеко не покрывавшей расходовъ князей въ Ордѣ корыстолюбивой. Не смотря на то, что Новго-

родъ дѣлился съ Москвой выгодами Перми, но часть ихъ, въ сравненіи съ цѣлымъ, казалась слишкомъ ничтожною Государямъ Московскимъ, и они простирали виды свои гораздо далѣе, чѣмъ предполагали Новгородцы, именно на совершенное присвоеніе Перми, на полное цѣлое. Съ начала XIV вѣка стала развиваться эта мысль Государей и обнаруживаться ихъ вѣдѣшняя политика въ отношеніи къ Новгороду, цѣлю которой было пріобрѣтеніе Перми, сдѣлавшееся съ сихъ поръ для всѣхъ яснымъ и открытымъ. Но это пріобрѣтеніе совершилось не вдругъ. Около двухъ вѣковъ Пермь была предметомъ политическихъ сдѣлокъ Москвы и Новгорода. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ первой, съ болѣе и болѣе возрастающимъ могуществомъ ея Государей, шло и постепенное присоединеніе Перми къ державѣ Московской. Димитрій Іоанновичъ Донской то ласками и хитростію, то настояніями и угрозами, то войною открытою, принудилъ наконецъ Новгородъ уступить себѣ большую часть владѣній малой Перми, и тѣмъ первый положилъ въ ней начало полезнымъ для Москвы пріобрѣтеніямъ, упрочить и расширить которыя, хотя и не всегда съ успѣхомъ, старались всѣ его преемники. Новгородцы, однакожъ, не выпустили изъ рукъ всей Біарміи, и только платили Великимъ Князъ -

ямъ извѣстную дань *Печорскую*, о которой въ 1-й разъ упоминается въ княженіе Ярополка Владиміровича, въ 1134 году, и такъ называемый *черный боръ*. Іоаннъ Васильевичъ окончательно довершилъ покореніе этой богатой страны. Какъ тяжело было Новгородцамъ разстаться съ ней, это видно изъ того, что Вѣче крѣпко стояло за Пермь даже и тогда, когда справедливый гнѣвъ Государя Московскаго грозилъ Новгороду жестокимъ ударомъ, когда готовился рѣшительный переворотъ въ политическомъ его бытіи и когда свобода и вольность его многимъ уже казались сомнительными. Изъ «*докончальной Шелонской грамоты*» мы усматриваемъ, что Вѣче, не смотря на жестокія испытанія и тяжкія утраты, не смотря на грозныя требованія пословъ Государевыхъ, не согласилось уступить Перми и включило ее въ число законныхъ владѣній Новгорода. Изъ этого можно догадываться, какъ важна была эта богатая страна для Великой Народной Державы, что, дорожа ею, какъ ключемъ народнаго богатства, она рѣшилась бороться съ силами Москвы, рѣшилась вмѣстѣ съ нею потерять и собственную свободу.

XXVII.

Первыя распоряженія Иоанна въ Перми. Милости и льготы странъ. Преобразование Перми въ гражданскомъ отношеніи. Унигтоженіе прежняго деспотическаго правленія. Епископъ Филофей—главный судія Перми. Быстрое возвышеніе политическаго бытія Перми. Заботы Филофея о религіозномъ направленіи паствы.

Присоединивъ къ Москвѣ обширнѣйшую страну, процвѣтавшую промышленностію и славную по обилію даровъ природы и богатствомъ обитателей, страну, которою владѣнія Государства Московскаго близко примыкали къ Азіи и граничили съ Сибирью, наконецъ ту привлекательную страну для Государей Московскихъ, которая въ теченіе двухъ вѣковъ была виновницею вражды ихъ съ Новгородомъ, Иоаннъ Васильевичъ, по справедливости совершилъ великое государственное дѣло и увѣнчалъ себя подвигомъ, знаменитымъ въ страницахъ Истории Русской: ибо то, что съ XIV вѣка составляло предметъ любимыхъ замысловъ его предковъ, чего постоянно домогались они, иногда даже съ лишеніемъ собственныхъ интересовъ, было достигнуто имъ въ самое короткое время, войной непродолжительной, безъ большаго кровопролитія, безъ значи-

тельной потери людей и войск, безъ отягощенія покоренныхъ; достигнуто однимъ умомъ, глубоко обдуманнѣми соображеніями, твердою волею, рѣшительною настойчивостію и мудрою политикою. Сдѣлавшись полнымъ властителемъ Перми, Іоаннъ Васильевичъ первѣе всего вникнулъ въ гражданское управленіе ея, обратилъ особенное вниманіе на внутреннее состояніе края и на общественный бытъ народа. Умѣренный въ счастіи, которое доставило ему въ руки, всѣ богатства Біарміи, онъ рассчитывалъ на нихъ болѣе въ будущемъ, нежели въ настоящемъ, зная на вѣрное, что послѣднее никогда не можетъ быть для него выгодно, потому что народъ, только-что покоренный, всегда недвѣрчиво смотритъ на новыхъ своихъ правителей и въ каждомъ благонамѣренномъ ихъ дѣйствіи подозреваетъ какое либо угнѣтеніе, чтобъ лишить его благопріобрѣтенной собственности. Чтобъ не дать распространиться этому невыгодному мнѣнію и такимъ образомъ не повредить себѣ на будущее время, онъ въ самомъ началѣ ознаменовалъ свою власть въ Перми милостями, благодѣяніями и льготами: города, пострадавшіе отъ войны, были возобновлены; жители ихъ получили за понесенные убытки щедрое вознагражденіе изъ казны Государевой; сверхъ того

вся страна избавлялась временно отъ дани и пошлинъ торговыхъ, довольно значительныхъ въ тогдашнее время. Эта неожиданность произвела такое радостное впечатлѣніе на умы туземцевъ, что они повсюду прославляли Царя Московскаго, указывали на его доброту, какой не замѣчали въ родныхъ владыкахъ, всегда строптивыхъ и жестокихъ, — съ чувствами признательности говорили повсемѣстно о его пожертвованіяхъ, какихъ не знали ихъ бывшіе князья, всегда корыстолюбивые и несострадательные, искренно и всей душой предались Іоанну, питали полное довѣріе къ новому правительству, выражали знаки преданности къ новымъ властямъ гражданскимъ, — всѣ были довольны переменой правленія и утѣшались мыслию, что оно хранить въ себѣ залогъ ихъ будущаго благоденствія. Хотя Князь Пермскій Михаилъ, взятый царскими воеводами въ плѣнъ и потомъ отпущенный Іоанномъ на отчину, управлялъ до смерти своей Пермью; но власть его была во многомъ ограничена волею Государя и не имѣла того деспотическаго могущества, которое прежде было такъ страшно для народа. Михаилъ, которому милость Іоаннова дала на время наслѣдіе его предковъ, былъ правителемъ Перми только по имени, но вся власть, духовная и гражданская, сосредото-

чивалась въ рукахъ Архипастыря Великой Перми Филофея. Этотъ Князь пользовался опредѣленною Государемъ данью и доходами съ родовыхъ земель, ему принадлежавшихъ, содержалъ на жалованье своихъ чиновниковъ, жилъ беззаботно въ главномъ городѣ Великой Перми и рѣдко входилъ въ дѣла правленія. Такъ какъ понятіе народа о гражданственности, о правѣ собственности и о личной безопасности были развиты на началахъ деспотизма, происходили изъ того источника, по которому вездѣ и повсемѣ преобладаетъ право сильного, то ревностному Архипастырю предстояло много трудовъ ввести въ странѣ правильную систему гражданского управленія. Притомъ же, духъ свободы не могъ скорѣе исчезнуть въ странѣ, столько вѣковъ наслаждавшейся своеволіемъ, въ странѣ, гдѣ народные правители заботились болѣе о личныхъ выгодахъ, позволяли себѣ насилие и гдѣ чернь, противясь наглýmъ злоупотребленіямъ власти, съ врожденною строптивостію защищала свою собственность, буйно свирѣпствовала и не щадила жизни. По духу вѣка и жестокости тогдашнихъ нравовъ можно судить о тяжкихъ злодѣйствахъ правителей: въ отдаленности, они позволяли себѣ безнаказанно притѣснять слабыхъ, винить правыхъ, защищать виновныхъ, собственно изъ видовъ ко-

рысти. Чернь страдала, терпѣла обиды и лишения, переносила притѣсненія и оскорбленія до послѣдней крайности, терпѣніе ея истощалось: она проклинала правителей, порицала Князей и громко вопіяла о своей жалкой участи и не рѣдко производила крамолы внутреннія. . . . Въ такомъ состояніи нашли Пермь полки Московскіе, посланные Іоанномъ для завоеванія ея. Нѣтъ сомнѣнія, что дурное настроеніе умовъ, крайне невыгодное для туземнаго правительства, было причиною быстрого покоренія Перми. Народъ, заранѣе расположенный къ Іоанну, зналъ намѣренія и планы его въ отношеніи родной земли, былъ подготовленъ къ дружественному приему войскъ, оказывалъ имъ знаки уваженія, предлагалъ съ особенною готовностію услуги, называлъ ихъ избавителями и ждалъ съ нетерпѣніемъ конца ратныхъ дѣйствій. Война, мы видѣли выше, увѣнчала полнымъ успѣхомъ оружіе Іоанна: вся Пермь безусловно покорилась ему, охотно присягнула на подданство, назвала своимъ царемъ и повелителемъ. — Желая привязать къ себѣ новыхъ подданныхъ, Іоаннъ, искусный въ дѣлѣ государственнаго управленія, строгими мѣрами уничтожилъ господствовавшій въ Перми деспотизмъ и право сильного, ненавистныя народамъ промышленнымъ и торговымъ, смѣнилъ

прежнихъ народныхъ правителей новыми, надежными и опытными въ гражданскомъ дѣлопроизводствѣ, которыхъ избралъ изъ своихъ ревностныхъ слугъ и послалъ въ Пермь — съ наказомъ блюсти правосудіе и нелицепріятіе. Не советѣмъ, однакожъ, довѣряясь этимъ чиновникамъ, онъ предоставилъ полную власть въ Пермь Епископу Филофею, какъ отцу духовному Пермской паствы, болѣе знакомому народу, искренно имъ любимому и уважаемому, съ правомъ судить и рѣшить, прощать и наказывать, измѣнять гражданскій порядокъ и вводить, по усмотрѣнію, соображаясь съ мѣстностію и характеромъ народа, новыя правила. Облеченный этою властію, Филофей совершенно преобразовалъ Пермь въ гражданскомъ отношеніи, ввелъ въ ней прочный порядокъ общественный и былъ виновникомъ славы страны и благоденствія народнаго. Не отвлекаемый отъ паствы, онъ весь предался попеченіямъ о благѣ ея: внушалъ правила нравственности и общежитія, возбуждалъ охоту къ полезнымъ знаніямъ, поощрялъ торговую дѣятельность, заботился объ усиленіи народной промышленности, изыскивалъ средства къ процвѣтанію и благосостоянію края. Отличаясь необыкновеннымъ усердіемъ, привлекая къ себѣ всѣхъ привѣтливостію и снисхожденіемъ, любимый

за правосудіе и безпристрастіе, Филофей снискалъ общую любовь народа и въ короткое время возвелъ политическое бытіе Перми до возможно лучшаго совершенства. Грабежи и злодѣйства, обыкновенныя слѣдствія притѣсненій властей корыстолюбивыхъ, прекратились; личная безопасность каждаго была священною; собственность — неприкосновенною; слабые не страшились сильныхъ; обиженная невинность находила покровительство и защиту, а насиліе — должное наказаніе. Судія, не причастный низкимъ побужденіямъ корысти, Филофей не взиралъ на личность и творилъ судъ и праву съ строгою осмотрительностію и безпристрастіемъ, а это, какъ извѣстно, всего болѣе нравится народу въ правителяхъ и привязываетъ къ нимъ сердца подчиненныхъ. Если гдѣ, по отдаленности, народъ, волнуемый грубыми страстями, остаткомъ прежняго своеволія, подавлялся врожденной строптивости и производилъ внутренніе безпорядки, Владыка немедленно отправлялся на мѣсто раздора, и одного появленія его достаточно было, чтобъ смирить строптивыхъ: такъ сильно было вліяніе его на умы обитателей Перми. Прошло не много лѣтъ, и Пермь много подвинулась впередъ на поприщѣ своего преобразованія, была уже далеко не такою, какою досталась Іоанну: на всемъ

пространствѣ ся воцарились миръ и тишина, развились правильныя понятія о гражданственности, взаимныя отношенія, общественныя и семейныя, улучшились, промышленность усилилась, торговля оживилась,—и народъ, превознося и благословляя мудрое правленіе Іоанново, благоговѣлъ предъ Филофеемъ, своимъ благодѣтелемъ и наставникомъ, зная, что ему обязанъ счастливою судьбою.—Заботясь о внутреннемъ устройствѣ края, Филофей вмѣстѣ съ тѣмъ прилагалъ неослабныя попеченія и о духовномъ просвѣщеніи народа, Съ этою цѣлію, онъ, съ первыхъ годовъ управленія Пермскою Епархіею, занялся изученіемъ зырянскаго языка, чтобъ внятиѣ бесѣдовать къ народу на его природномъ языкѣ. Часто обзрѣвая предѣлы Епархіи, онъ строго смотрѣлъ за благочиніемъ церковнымъ, слѣдилъ за ирравственностію причта, наблюдалъ за образованіемъ дѣтей въ приходскихъ школахъ, избиралъ и посвящалъ въ санъ іереевъ и діаконовъ достойнѣйшихъ изъ учениковъ, самъ испытывалъ ихъ званіе Св. Писанія и преподавалъ правила, какъ они должны вести себя въ отношеніи къ словесному стаду. При такомъ строгомъ духовномъ надзорѣ, паства естественно получала правильное религіозное направленіе и утверждалась болѣе и болѣе въ православіи.

XXVIII.

Важныя статьи доходовъ съ Перми. Особенное вниманіе къ ней Государя. Завоеваніе стверозападной Сибири въ 1465 г., покоренной Устюжаниномъ Васи́ліемъ Скрыбою. Походъ Андрея Мишневъ съ Устюжанами и шильниками на Вогулигѣй. Первый походъ въ Сибирь воеводъ Московскихъ. Битва ихъ съ Вогулигскими княземъ Юмшаномъ, близъ устья рѣки Пельми. Плънъ Югорскаго князя Молдина. Возвращеніе воеводъ въ Устюгъ. Освобожденіе Молдана и измѣна его. Епископъ Филофей употребляетъ свое вліяніе на племена Сибирскія и приводитъ ихъ въ подданство Россіи.

Уставы гражданскіе, основаніемъ которыхъ служили религія и убѣжденіе нравственное, согласно съ самодержавіемъ введенныя въ Пермь, имѣли благотворное вліяніе на постепенное возвышеніе ея въ мірѣ политическомъ. Пользуясь ими, Пермь благоденствовала внутри, славилась извнѣ, какъ страна устроенная и промышленная. Достигнувъ подъ управленіемъ Филофея правительственной цѣли, указанной Іоанномъ—развитія и усовершенствованія гражданскихъ началъ, она скоро заняла видное мѣсто въ стройной системѣ Государства Московскаго. Разнообразныя статьи доходовъ (кромя поголовной дани, они заключались въ торговыхъ пошлинахъ и въ поземельной собственности,—въ раз-

работкѣ мѣдныхъ и серебряныхъ рудъ, по рѣкамъ Вычегдѣ и Печорѣ и въ Пиліихъ горахъ (*), которыя она посылала въ Москву естественно не могли не обратить на себя особеннаго вниманія Государя. Обогащая ими казну государственную, Іоаннъ Васильевичъ дорожилъ Пермью, какъ самымъ блестящимъ приобрѣтеніемъ, по существу интересовъ, откуда получаемыхъ и изыскивалъ средства къ процвѣтанію ея и къ увеличенію богатствъ народныхъ. Чтобъ доставить спокойствіе этой странѣ и безопасность ея обитателямъ, чтобъ навсегда упрочить въ ней миръ и устранить опасность внѣшнюю, онъ вознамѣрился покорить дикихъ сосѣдей ея—Вогуличей, Югровъ, Остяковъ и другихъ Сибирскихъ народовъ, изрѣдка беспокоившихъ ее впаденіями неврагьскими. При этомъ другая важная мысль руководила видами Іоанна: подчинивъ себѣ Новгородъ, отнявъ у него древнія права вольно-

(*) Думаемъ,—судя по историческимъ указаніямъ наметенность этихъ горъ,—что тамъ назывались иныѣшнія горы *Брусно-тогильнаго* камня, на большое пространство тянушіяся по обоимъ берегамъ рѣки Сошлеса, впадающаго въ Печору. Этотъ камень, можно сказать—неисотощимый источникъ народного богатства, издавна обезпечиваетъ состояніе Печорскаго края

сти, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ лишить его давнихъ завоеваній въ Сибири и предоста-
вить всѣ выгоды купечества въ сей землѣ куп-
цамъ Московскимъ, что значило—ослабить Нов-
городъ и усилить Державу Московскую на счетъ
дальнихъ приобрѣтеній Новгородскихъ. Мед-
ленный въ рѣшеніи важныхъ политическихъ
вопросовъ, но скорый въ исполненіи своихъ
предпріятій, Іоаннъ, хотя и не было закон-
наго повода наказать дикія племена Сибирскія,
принялъ твердое намѣреніе обладать ими и воз-
пользоваться по праву войны, данію *сереб-
ромъ и соболями и иными цзурочьями*, ко-
торую они платили Новгородцамъ. Дань эта
была тѣмъ привлекательнѣе для Іоанна, что
онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, зналъ цѣ-
ну и достоинство ея, какъ Государь, имѣв-
шій на нее полное право. Припомнимъ, что
въ 1465 году Устюжанинъ Василій Скрыба съ
толпою вольницы ходилъ въ Сибирь; воевалъ
многія племена, обложилъ ихъ данію во имя
Москвы и привелъ къ Іоанну двухъ князей Си-
бирскихъ, Калпака и Течина. Оба князя
дали присягу на подданство Россіи, обязались
платить дань и воспользовались свободою. Съ
тѣхъ поръ, въ продолженіе не многихъ лѣтъ,
Іоаннъ дѣйствительно получалъ дань Сибир-
скую; но, убѣжденные Новгородцами, князя

перестали посылать ее, и даньщики Московскіе, увидѣвъ измѣну и опасаясь ихъ коварства, принуждены были оставить Сибирь. Слѣдовательно, завосваніе Скрыбы оказалось непрочно и требовало вторичнаго подкрѣпленія войною. Опустить же его изъ рукъ было не въ характерѣ Іоанна: главное правило его политики было приобрѣтать, а не лишаться того, что было уже въ рукахъ. Потерявъ на время выгоды Сибири, онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ ними навсегда, — и ждалъ только благоприятныхъ обстоятельствъ, чтобъ возвратить принадлежавшее себѣ право обладанія. Обстоятельства эти приблизились. Рѣшивъ дѣла Новгородскія, уничтоживъ навѣки своеволие Народной Державы, Іоаннъ Васильевичъ занялся тогда Пермью и сосѣдственною съ ней Сибирью.... По волѣ его, лѣтомъ 1481 года, «Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устюжаны ходили въ Великую Пермь, да побили Вогуличъ подъ Чердынемъ.... а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ Татаръ, да пограбили.... (*) Намѣреніе Мишнева, подобно Скрыбѣ, было проникнуть въ сѣверозападную Сибирь и обложить данію князей Югорскихъ и Вогуличскихъ; но оно, къ общему сожалѣ-

(*) Архангел. Лѣтоп. стр. 160.

нію этого храбраго атамана Устюгскаго и его дружины, не сбылось, по слѣдующимъ непредвидѣннымъ причинамъ. Въ это время юго-западъ Перми и прилежащая къ ней Вятка были взволнованы событіями, грозившими разрушить народное благосостояніе. Возмутители спокойствія были Татары, данники Ибрагимовы. Вятчане и Филофей, неусыпный стражъ Перми, опасаясь ихъ непріязненныхъ дѣйствій, обратились къ Мишневу и призывали его на помощь. Отвлеченный этими современными историческими происшествіями отъ первоначальной цѣли, Мишневъ обратился съ своими удалцами на Каму и здѣсь съ успѣхомъ ратовалъ противъ Татаръ. — Наконецъ настало время завоеванія той части Сибири, которая издревле платила дань Новгороду. Чрезъ два года послѣ похода Мишнева, именно въ 1483 году, Іоаннъ Васильевичъ отрядилъ противъ Вогуличей и Югровъ двухъ воеводъ: Князя Феодора Курбскаго-Чернаго и Ивана Ивановича Салтыка-Травина, съ полками Устюгскими и Пермскими. Война, однакожь, не вдругъ увѣнчала успѣхомъ оружіе воеводъ Іоанновыхъ. Причиной этого была дикая мѣстность, лѣсистая, болотистая и малоизвѣстная, изрѣзанная въ разныхъ направленіяхъ неприступными горами, высочайшими утесами и страшными

стремнинами, гдѣ войска преодолевали неимо-
вѣрныя трудности, сражались съ ужасами при-
роды, боролись съ вѣтрами и непогодами, на
каждомъ шагу встрѣчали опасности, изнемо-
гали подъ бременемъ пути и отчаявались за
жизнь свою. Звоеваніе дикихъ племенъ Си-
бирскихъ, защищенныхъ самою природою отъ
покушеній на обладаніе ими, длилось такимъ
образомъ съ 1483 по 1499 годъ, когда всѣ
они, съ общаго согласія, приняли присягу
на подданство Россіи. Въ 1483 году, съ
Курбскимъ и Травинымъ шли на Вогуличей и
Югровъ «Устюжане и Вологжане, Вычегжане,
Вымичи, Сысоличи, Пермязи... Юмшанъ
убѣжалъ... Шли мимо Тюмень въ Сибирскую
землю:... а отъ Сибири по Иртышу....
А пошла рать съ Устюга Мая 9-го, а пришла
на Устюгъ на Покровъ, а въ Югрѣ померло
Вологжанъ много, а Устюжане всѣ вышли».. (*)
Въ этотъ первый походъ за Уральскія горы
воеводы Московскіе не достигнули вполнѣ сво-
его назначенія и не оправдали всѣхъ надеждъ
Государя. Вліяніе, произведенное ими на пле-
мена Сибирскія, было если не безплодное, то
очень слабое, мало принесшее существенныхъ

(*) Архангел. Лѣтоп. стр. 160 г. 1485.

выгодъ Государю Іоанну Васильевичу. Изнуренные продолжительностію пути, истощивъ большую половину запасовъ, войска не рѣшились зимовать въ Сибири, опасаясь жестокихъ морозовъ и сильныхъ вьюговъ здѣшняго климата и, послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ Вогуличами и Юграми, поспѣшили къ осени выбраться во-свояси. Первое военное дѣло ихъ было близъ устья рѣки Пелыни съ Вогуличами. Неустрашимый князь Вогуличскій Юмшанъ, сынъ храбраго Асыки, дотоле страшнаго бича Пермской земли, наслѣдовавъ отъ отца отвагу и удалъ, стерегъ здѣсь воеводъ Московскихъ. Съ горстью Вогуловъ, пользуясь выгоднымъ мѣстоположеніемъ, онъ долго защищалъ переправу чрезъ рѣку и не мало нанесъ вреда русскимъ ратникамъ; но видя, что одинъ не можетъ противостоятъ многочисленности царскаго войска, онъ бѣжалъ и скрылся совершенно изъ глазъ воеводъ Московскихъ. Изъ Пелыни Курбскій и Травинъ плыли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ, потомъ сухимъ путемъ шли по берегу Иртыша до Великой Оби, въ землю Югорскую. Плывъ Обью и не предполагая ни какой засады, они вдругъ были засыпаны тучею стрѣлъ: это было военное привѣтствіе, конечно не дружественное, хитраго Князя Югорскаго Молдана. Войска собрались съ духомъ, причалили къ тому бе-

регу, съ котораго сыпались на нихъ стрѣлы, и дружнымъ ударомъ разбили и разсѣяли Югорцевъ, Молданъ взять въ плѣнъ, — «поймана на рѣцѣ на Оби князя Молдана и княжихъ Екмычевыхъ двю сыновъ» (*) — народъ Югорскій присягнулъ на подданство Царю Московскому и обложенъ данью. Побѣдители не рѣшились идти далѣе, собрали съ жителей, сколько могли, пушныхъ товаровъ на имя Царя Московскаго, взяли съ собой Молдана и отсюда тѣмъ же путемъ возвратились въ Устюгъ на Покровъ. Курбскій представилъ Іоанну дорогую рухлядь, — первую дань, военною рукою взятую въ Сибири и, какъ замѣчательный трофей войны, князя Югорскаго Молдана. Государь обласкалъ этого князька Сибирскаго, взялъ съ него присягу въ вѣрности и въ 1484 году, по ходатайству Филофея и по челобитью князей Сибирскихъ, отпустилъ его на волю, обложивъ народъ Югорскій данью. «Того же лѣта (1484 г.) приходилъ къ Великому князю бити челомъ Вогулятинъ князь Пыткей съ поминки съ великими отъ Князей Кодскихъ, отъ Лаба да отъ Чангила, и отъ всея земли Кодскіе и Югорскіе, да били челомъ о полоненныхъ Кня-

(*) Синод. Лѣтоп. № 365.

зехъ, о Молданъ съ товарищи, и Князь Великій отпустилъ ихъ въ свою землю, да и Шыткея печалованіемъ Владыки Филофея, да Володимера Григорьевича Ховрина» (*). . . . Но, получивъ свободу, Молданъ измѣнилъ присягѣ, вынужденной тяжкими обстоятельствами, забывъ клятвы, разумѣется, неискреннія, не платилъ дани, которую обязался доставлять какъ плѣнникъ, а не какъ человекъ свободный, и тѣмъ охотнѣе отказался отъ выполненія ея, что другіе князя Сибирскіе не присягнули, подобно ему, на подданство Россіи. Тогда Филофей употребилъ все свое вліяніе на народовъ Сибири, и кроткими убѣжденіями, силою Архипастырскихъ увѣщаній довелъ ихъ до того, что они всѣ признали надъ собою власть Іоанна Васильевича, поклялись крѣпко, по своей вѣрѣ, въ вѣрности Престолу Московскому, признали Іоанна Государемъ Сибири, сами явились въ Москву съ богатою данью и обѣщали на будущее время всегда исправно платить ее.— Далѣе мы распространимъ о дѣятельномъ участіи Филофея, Епископа Великопермскаго, въ этомъ интересномъ государственномъ дѣлѣ и выскажемъ, какъ много содѣйствовалъ онъ видамъ Государевымъ.

(*) Синодал. Лѣтоп. № 365.

XXIX.

Сближеніе народовъ Сибири съ обитателями Перми Великой. Дружественныя торговыя связи. Старанія духовныхъ и гражданскихъ властей Пермскаго края поддержать эти сношенія. Вниманіе Филофея къ Вогулигамъ и Юерамъ. Искренняя любовь ихъ къ этому Епископу. Могуущественное вліяніе его на этихъ народовъ. Ходатайство за нихъ предъ Государемъ. Прибытіе Князей Вогулицкихъ и Югорскихъ въ Москву. Окончателъный миръ съ ними подъ Владыгнимъ горомъ Устьвымомъ.

Народы сѣверозападной Сибири, эти давніе враги обитателей Перми Великой, столько вѣковъ питавшіе къ нимъ отношенія непріязненныя, по смерти воинственнаго князя Вогульскаго Асыки, еще при Епископѣ Пермскомъ Іонѣ, начали посѣщать ее съ цѣлями благонамѣренными. Родство по происхожденію и языку, знакомство отъ временъ глубокой древности, сходство въ образѣ жизни, потребность взаимнаго обмѣна домашнихъ произведеній, отстраняя врожденныя чувства ненависти, ставили ихъ въ необходимость болѣе и болѣе сближаться съ Пермяками и видѣть въ нихъ единственныхъ сосѣдей, съ которыми могутъ имѣть частыя сношенія, обоюдно полезныя въ быту семейномъ и общественномъ. Такимъ образомъ

вражда ихъ, вслѣдствіе этихъ побужденій, внушенныхъ какъ бы самою необходимостію, начала мало по малу исчезать; злодѣйственныя покушенія прекращаться, дружественныя связи усиливаться. Нужда имѣть все необходимое для жизни привела ихъ къ умному заключенію—пріобрѣтать для себя житейскія потребности не хищничествомъ и грабительствомъ, какъ прежде, но путями правильными, законными,—мѣною товаровъ. Она начали постигать всѣ выгоды мирной жизни, разгадали условія гражданскихъ общинъ,—заимствовали и въ продолженіе времени усвоили ихъ, узнали права народныхъ,—воспользовались ими: больше стали заниматься промышленностію, какъ главнымъ источникомъ благосостоянія народовъ. Копили во множествѣ богатую рухлядь и другія произведенія родной земли и сбывали не на мѣстѣ, какъ бывало до сихъ поръ, купцамъ Новгородскимъ, которые нагло и безсовѣстно обирали ихъ, а въ землѣ, дотошъ имъ ненавистной,—въ Перми, гдѣ производилась свободная торговля, безъ притѣсненій и обидъ торгующимъ. Благоклонно принимаемые здѣсь духовными и гражданскими властями, искренно желавшими сближенія ихъ съ Пермьками, они по нѣскольку разъ въ годъ пріѣзжали въ Пермь, съ большими, чѣмъ прежде, выгодами сбв-

вали свой товаръ, долго проживали на извѣстныхъ торговыхъ пунктахъ, вездѣ встрѣчали ласковый пріемъ, во всемъ видѣли справедливость и отсутствіе обмана, получали вѣрные расчеты, не замѣчали обидъ, видѣли покровительство и защиту. Эта полная свобода въ торговыхъ отношеніяхъ, пріятная классу торгующему, это постоянное покровительство мѣстныхъ правителей народныхъ, сильно располагающее къ нимъ людей новыхъ и чуждыхъ, эта безукоризненная ихъ справедливость, естественно пробуждающая въ послѣднихъ чувство невольнаго къ нимъ уваженія, болѣе и болѣе привязывали къ Перми народовъ Сибири и оставляли въ умахъ ихъ весьма выгодное о ней мнѣніе. Съ каждымъ годомъ посѣщенія ихъ увеличивались, знакомства дѣлались короче, торговля разширилась и наконецъ князья Сибирскіе, безъ боязни и опасеній за свою личность, стали пріѣзжать въ Пермь—оспаривать торговлю у своихъ подданныхъ. — Предусмотрительный и дальновидный Филофей, какъ искусный государственный политикъ, справедливо разчитывалъ, что короткое сближеніе народовъ Сибири съ Пермьяками поведетъ къ результатамъ, важнымъ въ смыслѣ правительственномъ,—и потому возбуждалъ охоту ихъ къ этимъ посѣщеніямъ, дружественно встрѣчалъ

въ Перми, строго выполнялъ при этомъ обязанности гостепріимства и, предпочтительно, предъ другими торговцами, оказывалъ имъ особенное вниманіе, давалъ разныя льготы и преимущества. Дѣйствуя на умы ихъ въ духѣ религіозномъ, привлекая къ себѣ привѣтливостію и снисхожденіемъ, лаская въ пріемахъ, питая чувства врожденнаго самолюбія, позволяя себѣ льстить ихъ любимымъ привычкамъ, постоянно отличаясь радушіемъ и гостепріимствомъ, Филофей пріобрѣталъ этимъ всеобщую извѣстность между ними, снискивалъ любовь и расположеніе и что всего важнѣе, чего, конечно, не безъ трудовъ и пожертвованій достигъ онъ,—пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ. Сѣверозападная Сибирь произносила имя его съ уваженіемъ, какъ имя мудраго и добраго правителя Перми: всѣ обитатели ея,—Князья и народные властители, и самая чернь превозносили его добродѣтели, выхваляли правосудіе и кротость, высоко цѣнили благосклонность и ласки, были признательны за гостепріимство, благодарны за милости и покровительство,—и болѣе и сильнѣе привязывались къ нему. Не мудрено, если при такомъ выгодномъ общественномъ мнѣніи, Филофей имѣлъ на Вогуличей и Югровъ вліяніе могущественное.

Ласкаемые Архипастыремъ, народы Сибири не переставали посѣщать Пермь даже и тогда, когда Іоаннъ Васильевичъ, объявивъ притязанія на давно утраченную дань съ нихъ, въ 1483 году послалъ воеводъ Курбскаго и Салтыка возвратить войною потерянное на нее право. Не смотря на страхъ, вселяемый оружіемъ, торговля дѣла ихъ въ Перми, покровительствуемая Филофсемъ, не прекращалась и шла все по прежнему, во весь періодъ ратныхъ дѣйствій нашихъ воеводъ въ Сибири... Когда же успѣхъ войны не оправдалъ видовъ Государя на эту страну, то умному Архипастырю Пермскому предстояло достигнуть словомъ и убѣжденіемъ того, чего войска не успѣли сдѣлать оружіемъ. Послѣ взятія въ плѣнъ Молдана, большаго князя Югорскаго, Филоффей убѣдилъ прочихъ князьковъ Югорскихъ и Вогулическихъ явиться съ челобитьемъ въ Москву, упасть къ ногамъ Іоанна, признать его своимъ Государемъ, согласиться на добровольную дань, которую прежде платили Новгородцамъ, и ходатайствовать объ освобожденіи плѣнённаго Молдана; въ противномъ случаѣ страшилъ ихъ грозною силою Царя разгнѣваннаго... Князьки вѣрили ему искренно,—рѣшились, и въ 1484 году отправились въ Москву, были приняты тамъ съ честью, обласка-

ны и одарены Государемъ. Іоаннъ Васильевичъ обложилъ ихъ данію и вмѣстѣ съ освобожденнымъ Молданомъ отпустилъ въ томъ же году въ отечество. Когда же Молданъ воспользовавшися свободой, измѣнилъ присягѣ, не хотѣлъ слышать о подданствѣ и отказался отъ платежа дани, Филофей употребилъ все средства, все вліяніе, всю силу убѣжденій, чтобъ образумить дикаго воинственнаго Князя и доказать гнусную сторону его поступка, который неминуемо наведетъ ужасы кровопролитій на землю Сибирскую. Предлагая на судъ прочихъ князьковъ Югорскихъ и Вогуличскихъ свои благоразумныя представленія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ имъ довѣріе къ Русскому Правительству, которое всегда заботится о благѣ подданныхъ и не терпитъ угнѣтеній, доказывая пользу зависимости отъ Великаго Князя Московскаго, который будетъ вѣрнымъ оберегателемъ ихъ, какъ своихъ данниковъ, и, чтобъ скорѣе вынудить у нихъ согласіе на подданство, обѣщалъ, что Іоаннъ Васильевичъ, по ходатайству его, оставитъ древній порядокъ гражданскій въ странѣ, ими управляемой. Князьки понимали основательность представленій Филофея, были увѣрены, что онъ не желаетъ имъ лиха, согласились на его убѣжденіе и назвались данниками Іоанна. Филофей дѣйствительно ходатай-

ствовавъ за нихъ предъ Государемъ, прося о
льготахъ и преимуществахъ этимъ новымъ под-
даннымъ. Но чтобъ загладить вину Молдана въ
глазахъ Царя, онъ совѣтовалъ князьямъ Сибир-
скимъ отправиться съ челобитьемъ въ Москву и
личными прошеніями заслужить его прощеніе;
для безопасности, онъ выхлопоталъ нѣкото-
рымъ изъ нихъ охранныя или опасныя гра-
моты. Это еще сильнѣе убѣдило князей въ
добросовѣстности дѣйствій Архипастыря Перм-
скаго. Весной, 1484 года, сопровождаемые
многочисленною толпою дикарей, они явились
въ Москву и пали къ ногамъ Іоанна, именую
его своимъ Верховнымъ Княземъ. «Тое же
весны (1484 году) пришли съ челобитьемъ
князи Вогуличскіе и Югорскіе, Вогульскій
Юмшанъ да Калпа, а Сибирскій князь Лятикъ,
а Югорскій Пыткей, а большой князь Югор-
скій Молданъ. . . . и Князь Великій данъ на
нихъ уложилъ, да отпустилъ въ свояси» . . . (*)
Того же лѣта приходили къ Великому Князю
отъ Вогульского Князя Юмшана, Асыкина сы-
на, бити челомъ о опасѣ шурину его Вогу-
лятинъ Юрга, да сотникъ его Вогулятинъ Ан-
фимъ, а печаловался о немъ Владыка Филофей

(*) Архангел. Лѣтоп. стр. 160

Пермскій, и Князь Великій опасъ далъ, и послалъ Владыка съ Великаго Князя опасомъ слугу своего Леваша»... (*) Принявъ присягу въ вѣрности Іоанну, князья Сибирскіе не сошлись, однакожъ, съ чиновниками Московскими въ условіяхъ о подданствѣ. Въ дѣлѣ этомъ довольно щекотливомъ для князей, дипломаты Московскіе, незнакомые съ языкомъ ихъ и правами, медленно шли впередъ и въ продолженіе цѣлаго года ничего не выиграли въ пользу Государя,—и потому оно поручено было Іоанномъ Филофеемъ, Епископу Пермскому. По призыву его, всѣ князья Сибирскіе собрались въ Устьвымъ, и тутъ начались окончательные переговоры объ условіяхъ подданства ихъ Россіи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, Филофей, пользуясь давно пріобрѣтеннымъ на нихъ вліяніемъ, успѣлъ согласить ихъ быть данниками Россіи «на всей волѣ Государя». «Тое же зимы (1485 года) князи Кодскіе, Молданъ съ дѣтьми, да Пынзей, да Сонта, да Пытзей имали миръ подъ Владычнымъ городомъ Устьвымскимъ за вси свои земли съ князьми Вымскими, съ Петромъ да съ

(*) Синодальн. Лѣтоп. № 365.

Оедоромъ (*), да съ Вычегодскимъ Сотникомъ Алексѣемъ Казакомъ, да съ Владычникомъ слугою съ Левашемъ, на томъ, что имъ лиха не смыслити, ни силы не чинити надъ Пермскими людьми, а Великому Князю *правити* во всемъ; а вѣрность ихъ, со золота воду пили и пойдоса въ свою землю»... (*) Совершивъ важное государственное дѣло съ одними князьями, Филофей въ томъ же году убѣдилъ и другихъ—Вогуличскихъ покориться Іоанну «на *всей воли его*», и самъ ѣздилъ съ Юмшаномъ въ Москву просить для него милостей Государевыхъ.—... «Августа 18 приде къ Владыцѣ Филофсю на усть Выми по опасу Вогульскій князь Юмшанъ, а съ нимъ Вогуличи, тестъ его Калба да Домотко, . . . Сентября въ 1 поиде съ ними Филофей къ Великому Князю бити челомъ.»(***)

(*) Отсюда можно догадываться, что князья Вымские, пребываніемъ которыхъ было нынѣшнее село *Князь-Погостъ* (Ярен. уѣзда) владѣли царствомъ Удорскимъ или такъ называемою *Удорою*, пограничною съ землями Вогуличей и Югровъ. Весьма вѣроятно, что смежность владѣній, не имѣвшихъ въ древности опредѣленныхъ границъ была причиною споровъ князей Вымскихъ и Сибирскихъ за право обладанія въ мѣстахъ пограничныхъ. Прим. Соч.

(**) Синодальный Лѣтоп. л 365.

(***) Idem.

XXX.

Участіе Филофея въ духовныхъ дѣлахъ Московской Митрополіи. Ересь Жидовская въ Новгородѣ. Противъ Геннадія, Архіепископа Новгородскаго къ Филофею. Соборъ Епископовъ въ Москвѣ. Судъ еретиковъ. Митрополитъ Зосима, тайный послѣдователь ереси Низложеніе его. Избраніе въ Митрополиты Силона, Неумена Троицкаго. Заботы его о просвѣщеніи Пермскихъ. Присоединеніе къ Пермской Епархіи приходъ отъ Новгородской. Соборъ Епископовъ для составленія Пасхалии на новое тысячелѣтіе. Геннадіева Пасхалия. Филофеемъ провърлена ея. Пасхалия Филофея, присланная на Соборъ за подписью зырянскою. Основаніе Пыелдинскаго Монастыря.

Придерживаясь,—при описаніи іерархическаго управленія Филофея Пермскимъ краемъ, — принятой нами послѣдовательности, мы оставляемъ на время дѣла Князей Сибирскихъ, приведенныя неуспѣшными попеченіями этого Архипастыря къ благополучному окончанію и переходимъ къ описанію современныхъ событій нашего Отечества, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе и которыя замѣчательны въ духовномъ и гражданскомъ отношеніи. Въ послѣдствіи, за изложеніемъ этихъ событій въ хронологическомъ порядкѣ, мы опять возвратимся къ исторіи покоренія сѣверозападной Сибири и передадимъ читателямъ интересныя отношенія

ся къ Россіи въ промежутокъ времени отъ 1485 до 1499 года, т. е. до окончательнаго покоренія Вогуличей и Югровъ войсками Государевыми. Сперва прослѣдимъ дѣла церковно-іерархическія.

Въ концѣ XV вѣка, въ числѣ замѣчательнѣйшихъ событій въ Русской церкви была ересь *Жидовская*, злое сѣмя которой первоначально было брошено въ 1470 году, въ Новгородѣ, ученымъ жидомъ Схаріей, коего наши современники звали «астрологомъ и чернокнижникомъ» (*). «Умомъ хитрый, языкомъ острый» (**), Схарія, плѣняя умы духовенства и бояръ Новгородскихъ чудесною *Каббалою*, наукою славною въ вѣка средніе, успѣлъ обольстить большую часть людей здравомыслящихъ и сдѣлать ревностными послѣдователями своего ложнаго ученія. Съ годами, ересь становилась болѣе и болѣе заразительною, быстро развивалась во всѣхъ слояхъ общества, проникла даже въ келіи монастырскія и, наконецъ, въ 1480 году, перешла въ Москву. Приверженцы ереси дѣйствовали скрытно, отличались притворною на

(*) Св. Іосифъ Волоцкій, въ книгѣ о ереси Жидовской.

(**) Карамзинъ, въ Ист. Государства Рос., Т. VI. л. 121 и 212.

божностію, казались истинными сынами Церкви. . . . Со вступленіемъ на Новгородскій Архієпископскій престолъ Геннадія ересь обнаружилась: онъ просилъ Государя и Митрополита Геронтія изслѣдовать расколъ, прислалъ въ Москву отступниковъ Православія, требовалъ для нихъ жестокой казни; но Государь изъяснилъ христіанскую умѣренность въ дѣлѣ Вѣры, столъ пагубномъ, по духу вѣка, для церкви Русской: обличенныхъ наказали градскою казнію и послали въ Новгородъ. Это человеколюбіе не только не обратило на правый путь заблужденныхъ, но еще значительно умножило число ихъ, развязавъ языкъ многимъ, до толъ скрытымъ еретикзмъ. Геннадій разсылалъ грамоты къ Епископамъ, объяснялъ плачевное состояніе Церкви, убѣждалъ вступить въ дѣло вѣры, умолялъ ходатайствовать предъ Государемъ и Митрополитомъ. Приводимъ *противень* его съ грамоты къ Филофею, Епископу Пермскому (*).

«Генадій, Архієпископъ Великаго Новогграда и Пскова. . . . Филофею Епископу Пермскому.

(*) *Противень* посланъ Нифонту, Епископу Суздальскому, да Филофею Епископу Пермскому, въ одинъ рѣчи о еретикъхъ съ Семеномъ съ Зозевцкимъ, лѣта 96 (1488) Генваря. Рукопис. Сборн. XVI в. Сгресса

.... Нынѣ, какъ продоллось то дѣло (о ереси Жидовской), обыскъ ему не крѣпокъ чинится. . . . Уже нынѣ наругаются Христіанству: влзуть кресты на вѣроны и на ворѣны. . . . воронъ летасть, а крестъ на немъ вязанъ древянъ. . . . а на ворѣнѣ крестъ мѣдянъ; садыся на стервѣ и на калу. . . . А здѣсе обрѣтохъ икону у Спаса на Ильинѣ улицѣ, Преображеніе. . . . стоятъ Василій Кисарійскій, да у Спаса руку да ногу отрѣзалъ; а на подлинси написано: *Обрѣзаніе Господа нашего Иисуса Христа*. Да привели ко мнѣ Попа да Діака, и они крестьяннику дали крестъ тѣльникъ: древо плакунъ, да на крестѣ вырѣзанъ соромъ. . . . и Христіанинъ—дей съ тѣхъ мѣстъ учалъ сохнути, да не много бодѣлъ, да умерлъ. А Діакъ сказывается племянникъ Еридѣ Ключу еретику, что въ подлинникъ написанъ. . . . (*) Итого только не управить Государь, ино будетъ послѣдняя лезть горше первыя. . . . А тому бы есте не вѣрили, что ся они зовутъ Христіане: то они покрываютъ тѣмъ свою ересь. . . . (**) и проч. Наконецъ, Государь,

(*) Геннадій посылалъ Государю списки уличенныхъ еретиковъ.

(**) Рукописный Сборникъ XVI вѣка, Строева.

убѣжденный Духовенствомъ и въ особеннѣйшій
присланными Геннадіемъ удостовѣрительными
фактами, приказалъ Соборомъ изслѣдовать
ересь. Для дѣла, столь важнаго, были вызва-
наны Епископы: Тихонъ Ростовскій, Нифонтъ
Суздальскій; Симеонъ Рязанскій, Василій Твер-
скій, Прохоръ Сарскій, Филофей Пермскій; Ар-
химандриты, Игумены, Священники. Съ изум-
леніемъ и ужасомъ слушали всѣ Геннадіеву об-
винительную грамоту. Сильнымъ и смѣлымъ
обличителемъ еретиковъ былъ Св. Іосифъ
Волоцкій, основатель и Игуменъ монастыря
Волоколамскаго. Грозно гремѣлъ онъ противъ
заблужденныхъ, обличалъ ихъ невѣжество, смѣял-
ся безумію, дивился странному невѣрію и тре-
бовалъ всенародной ихъ казни; но дѣло это, къ
общему соблазну современниковъ, кончилось
лишь проклятіемъ ереси и заточеніемъ глав-
ныхъ виновниковъ. Причиной слабого наказа-
нія еретиковъ былъ Митрополитъ Зосима, пре-
емникъ Геронтія, тайный послѣдователь ереси;
слѣдовательно зло осталось не только не иско-
рененнымъ, но еще болѣе опаснымъ, потому
что поборникомъ его былъ глава Русской Церк-
ви: всѣ, зараженные ересію, имѣли свободный
доступъ къ Митрополиту, видѣли въ немъ по-
кровителя и защитника, находили въ палатахъ
его вѣрное убѣжище отъ преслѣдованій власти

и закона. Св. Іосифъ Волоцкій, справедливо негодуя на Зосиму, называлъ его въ письмахъ къ Епископамъ «чадомъ Сатаны, хищнымъ волкомъ въ одеждѣ мирнаго пастыря, зміемъ пагубнымъ, нечестиво изрыгающимъ хулу на Господа и Его Матерь»,— заклиналъ ихъ раскрыть глаза Государю и свергнуть Зосиму съ престола угодниковъ Божіихъ. Въ послѣдствіи, Государь внялъ мольбамъ Духовенства, разузналъ истину, самъ увѣрился въ расколѣ, заподозрилъ въ немъ Митрополита, но безъ суда удалилъ его: ибо огласить всенароднымъ осужденіемъ ересь іерарха церковнаго, значило дать поводъ усилиться многимъ соблазнамъ въ церкви Русской. Мѣсто его заступилъ Троицкій Игуменъ Симонъ, посвященный въ санъ Митрополита Соборомъ Духовенства въ 1495, «Сентября въ 20 день, въ недѣлю; а на поставленіи его было Владыкъ Тихонъ Ростовскій, Нифонтъ Суздальскій, Семіонъ Рязанскій, Аврамій Коломенскій, Силуанъ Подрѣльскій и Крутицкой (*), Филофей Пермскій; и тогда обѣдаша у Митрополита всѣ Владыки; а ослѣ тогда водилъ подъ Митрополитомъ Михай-

(*) Сарекій и Подонскій.

ла Русалка». (*), Ревностный ко благу церкви, новый Архиепископ водворилъ въ ней миръ, совершенно искоренивъ ересь Жидовскую. Отличаясь неутомимою дѣятельностію въ дѣлахъ Московской Митрополіи, онъ не опускалъ изъ виду и малѣйшихъ обстоятельствъ, касающихся церкви; обращалъ строгое вниманіе на благочиніе церковное въ отдаленныхъ епархіяхъ, слѣдилъ за нравственностію духовенства, заботился о правильномъ религіозномъ направленіи всей пастыи Русской, водворялъ всюду Православіе, утверждалъ мирный порядокъ общественный. Симонъ, первый изъ іерарховъ Московскихъ, усердно заботился о просвѣщеніи Пермскихъ, посылалъ къ нимъ увѣщательныя грамоты, воспрещалъ кланяться куширамъ и почитать ихъ (**).

Въ 1492 году, Государь Іоаннъ Васильевичъ, желая наградить государственныя заслуги Флосфея, увеличеніемъ доходовъ его Епископѣ, по общему согласію съ Митрополитомъ, отдѣливъ отъ Повгородской Епархіи большую

(*) Синодал. Лѣтон. л. 565 л. 510.

(**) Одну изъ этихъ грамотъ, въ которой впервые упоминаются имена идоловъ зырянскихъ, мы приведемъ своевременно въ наше повѣствованіе объ Усть-Вымѣ,

часть богатыхъ приходовъ и присоединили къ Пермской. «Мѣсяца Февраля, повелѣніемъ Великаго Князя Митрополитъ Зосима и Архіепископъ Новгородскій Генадій придали изъ Митрополіи и Архіепископіи Новгородскіе церкви свои на Вологдѣ, въ городѣ и на посадѣ; Епископу Пермскому Филофею въ Пермскую Епископію» (*).

Въ томъ же году Филофей былъ вызванъ Государемъ и Митрополитомъ въ Москву на Соборъ, чтобъ участвовать въ составленіи новой Пасхалии на осьмое тысячелѣтіе. «Въ лѣто 7000, сирѣчь начало осьмья тысячи, мѣсяца Сентября, повелѣніемъ Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, того ради снискошася на Соборъ къ Москвѣ Преосвященный Митрополитъ Зосима, Генадій Архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова, Тихонъ Архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, Нифонтъ Епископъ Суздальскій и Тарусскій, Семіонъ Рязанскій и Муромскій, Васьянъ Тѣерскій и Кашинскій, Аврамій Коломенскій и Каширскій, Прохоръ Сарскій и Пѣдонскій, Филофей Перм-

(*) Исторія Карамзина, Т. VI, примѣч.—Выписки изъ Лѣтописей.

скій, и Архимандриты и Игумены, и весь освященный Соборъ, и начаша сваягый мірогвардцый кругъ». . . . (*). На Соборѣ мнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ были разногласны. Митрополитъ Зосима поручилъ составить Пасхалию умному Архіепископу Новгородскому Геннадію (**). Сей обозначивъ на большихъ листахъ круги солнечные, лунные, эпакты, основанія, въ руцѣ лѣто и ключи, въ 1493 году послалъ свои труды въ Москву. Государь и освященный Соборъ, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ Геннадіевой Пасхалии, составленной на 20 лѣтъ, поручилъ окончательно провѣрить и утвердить ее учсному Епископу Пермскому Филофею. «Въ лѣто 7001, Ноября въ 27, Зосима Митрополитъ на Москвѣ соборнѣ изложилъ Пасхалию на 20 лѣтъ; прислалъ на Вологду, Владыцѣ Филофею Пермскому и Вологодскому (***); за своєю поднисью, а Фило-

(*) Исторія Карамзина, къ VI Том. примѣч. 618.

(**) Idem, примѣч. 619 «Въ лѣто 7001 повелѣно бысть отъ Господина, отца нашего Зоимы Митрополита всеа Руси, мнѣ Генадію, Архіепископу Великаго Новаграда и Пскова, учинити Пасхалию на осьмую тысящу». Предисловіе къ церковному кругу Архіепископа Генадія.

(***) Значить, Епископы Пермскіе, съ присоединеніемъ Вологды, имѣли пребываніе и на Устьевымъ и на Вологдѣ?

фею такожь соборнѣ велѣлъ о томъ поискати и Владыка пообыскавъ, ино пришли по Митрополити жъ Пасхалии, и послалъ къ Митрополиту свою Пасхалию на 19 лѣтъ, за своею подписью за Пермскою (*).

Къ этому же времени относится, по преданіямъ, основаніе новаго монастыря въ предѣлахъ Великопермскихъ, по благословенію Епископа Филофея. Монастырь этотъ былъ созданъ въ нынѣшнемъ селѣ *Пыелдинскомъ*, на сторонѣ Сысольской; но существованіе его было непродолжительное. Лѣтописи, къ сожалѣнію, не сохранили благочестивыхъ дѣяній иноковъ сей обители; а мѣстная преданія объ ней весьма сбивчивы и темны. Побудительной причиной къ созданію Пыелдинскаго монастыря, полагаютъ, было общее народное мнѣніе, что съ концемъ седьмой тысячи настанетъ конецъ міра. Умъ и чувства людей тогда дѣлались ко всему болезненно-внимательными и обстоятельства, неважныя сами по себѣ, превращались въ нѣчто грозное суевѣріемъ народа: малѣйшее отступленіе отъ законовъ природы, которое осталось бы не замѣченнымъ въ обыкновенное время, казалось тогда полнымъ зна-

(*) Синодальн. Лѣтоп. ж 365 л. 509.

ченія и смысла для боязливаго взгляда и предвѣщало конечную гибель человѣчества. Эта несчастная мысль, располагая умы къ печальнымъ настроеніямъ, вселяя въ сердца уныніе, возбуждала въ народѣ благочестіе, усиливала его набожность, которая повсемѣстно выражалась въ построеніи храмовъ и основаніи монастырей, гдѣ во множествѣ спѣшили укрыться отъ заботъ мирскихъ и обрѣсти вѣчное спасеніе.

XXXI.

Знаменіе Филофелъ и обитателей Перми Великой въ политическихъ дѣлахъ Государства Русскаго. Окончательное покореніе Вятки. Послѣдніе годы бытія этой народной державы. Смуты и волненія въ ней—слѣдствія демократическаго правленія. Выписки изъ летописей. Покореніе Арской области. Открытіе Пезгорскихъ серебряныхъ и медныхъ рудниковъ. Венеціанцы и Греки—арендаторы Пезгоры. Грамоты изъ Государей Московскихъ. Первые деньги и медали изъ серебра и золота Пезгорскаго. Важныя для Россіи слѣдствія открытія Пезгорскихъ рудниковъ.

За описаніемъ дѣлъ церковно-іерархическихъ переходимъ къ изложенію современныхъ событій политическихъ нашего Отечества, въ ко-

торыхъ видно дѣятельное участіе Филофея и обитателей Перми Великой. Эти событія мы рассмотримъ въ тѣмъ же порядкѣ хронологическомъ.— По важности государственныхъ интересовъ, первое мѣсто между ними занимаетъ покореніе *Вятки* и смежной съ нею области *Арской*. Великіе Князья Московскіе, начиная съ *Василія Димитріевича сына Донскаго*, постоянно объявляли притязанія свои на эту народную державу, основанную *Новгородскими выходцами* и,—мы видѣли уже,—что *Василій Васильевичъ Темный*, въ 1458 и 1459 годахъ, привелъ ее со всѣми зависящими городами подъ свою «высокую Государеву руку» и обложилъ данію. Съ тѣхъ поръ по городамъ *Вятскимъ* жили чиновники *Великокняжескіе*, для наблюденія за порядкомъ гражданскимъ и для водворенія уставовъ единой державы. Но духъ свободы, поддерживаемый отдаленностію отъ *Москвы*, не вдругъ исчезъ въ странѣ, которая около трехъ вѣковъ наслаждалась имъ: своевольный народъ, руководимый древними правами демократическими, не слушался Намѣстниковъ Государевыхъ, оскорблялъ въ лицѣ ихъ Великаго Князя Московскаго, захватывалъ его доходы, уклонялся отъ платежа дани, притѣснялъ купцовъ иногородныхъ, грабилъ *Московскихъ*, производилъ частые мяжежи и

беспорядки; въ городахъ и селахъ проявлялось бореніе низкихъ страстей, свойственныхъ народамъ, привыкшимъ къ безначалію . . . Недовольные обширными выгодами коммерческими, которыя получали купечеству на сѣверѣ Россіи, въ Перми и въ Болгаріи, Вятчане производили разбой извиѣ, грабили Вологду и Устюгъ, злодѣйствовали въ Двинской области,—крамольничали и внутри, пренебрегая правами гражданскими. Необходимъ былъ ударъ рѣшительный, чтобъ на всегда остановить наглосвоеволіе народа и, обуздавъ его строптивый характеръ, такимъ образомъ пріучить къ мирному порядку гражданскому,—этотъ рѣшительный ударъ нанесенъ былъ народною державѣ Іоанномъ Васильевичемъ Великимъ. Въ 1489 году, Государь, негодуя на Вятчанъ, изгнавшихъ не задолго предъ симъ его Намѣстника,—именно въ то время, когда онъ дѣйствуя соединенными силами противъ Болгаріи, просилъ у нихъ вспомошествованія,—подвинулъ многочисленное войско къ предѣламъ Вятки съ тѣмъ, чтобъ строго наказать крамольниковъ. «Князь Великій послалъ Князя Данила, да Григорья Поплева. . . а у Тверичъ воевода Ондрей Коробовъ да Князь Осипъ Дорогобужской; а у Устюжанъ Князь Иванъ Ивановичъ Звѣнецъ, а у Движанъ Князь Иванъ Лыко, а у Важанъ

и у Каргопольцовъ Юрье Ивановичъ Шостаць;
а Царь Казанской посла 700 Татаръ, а вос-
вода Уракъ Князь; а Москвичи иные шли конь-
ми, а Устюжане и Бѣлозерцы и Вологжане и
Вымичи и Сысоличы въ судѣхъ. . . . Пришли
Юля въ 24, а Московская рать въ 30 день
подъ Котельничъ, а Татарская Августа во 2-й;
а стояли подъ Котельничемъ до 6 Августа;
а было силы 64,000. . . . Пришли къ Хлынову
Августа въ 16. Вятчане жь затворишась, а
къ воеводамъ послаша съ поминки Исупа Еси-
пова сына Глазатова, и воеводы дади Вятча-
намъ опась; а на завтрее Вятчане люди боль-
шіе вышли бить челомъ Воеводамъ: *покоряем-*
ся во всей волю Великаго Князя, и дань да-
емъ и службу служимъ. . . . А измѣнниковъ
и каромольниковъ воеводы поковавъ дади ихъ
на руки Устюжанамъ. . . . А на Семень день
всю Вятку розвели(*) . . . Такимъ образомъ
древнее политическое бытіе Вятки, потрясен-
ное въ основаніяхъ силою Москвы, рушилось
и она навсегда потеряла значеніе демократиче-
ское: всѣ города Вятскіе присягнули въ вѣр-
ности Іоанну, отказались отъ прежнихъ условій
общежитія и приняли уставы правленія, сход-
ные съ волею Государя Московскаго.

(*) Архангел, Лѣт. л. 165; Архив: Лѣт. и Лѣво-
ва л. 202.

Слѣдствіемъ похода на Вятку было еще другое въ правительственномъ смыслѣ не менѣе важное государственное приобрѣтеніе,— это покореніе земли Арской, которая составляла часть древней Болгаріи. Эта послѣдняя въ 1487 году была завоевана Государемъ Іоанномъ Васильевичемъ, который тогда же обложилъ ее данію, назвалъ ея властителемъ, взялъ въ плѣнъ Царя Алегамъ и послалъ его на житье въ Вологду. Князья Арскіе, захваченные въ плѣнъ воеводами, были приведены въ Москву, дали присягу на подданство Россіи, клялись быть вѣрными данниками Іоанна, и были отпущены въ отечество.

Показавъ участіе Пермь въ современныхъ историческихъ событіяхъ, обратимся собственно къ Перми Великой, объяснимъ внутреннее состояніе ея и выскажемъ все достопримѣчательное, въ ней случившееся, въ исходѣ XV вѣка.

До конца XV вѣка Великая Пермь повсемѣстно пользовалась громкою извѣстностію, какъ страна промышленная и торговая, въ особенности славная по обилію и главному сбыту дорогой мягкой рухляди, весьма цѣнной внутри Россіи и еще болѣе въ странахъ Нѣ-

медкихъ. Въ это время въ ней открытъ другой источникъ народного богатства, прибыльный для туземныхъ обитателей, привлекательный для Государей Московскихъ: это *Печорскіе серебряные и мѣдные рудники*. Правительство Русское приобрѣтало прежде драгоценные металлы мѣною товаровъ отъ народовъ Сибирскихъ, у которыхъ издревль славилось такъ называемое серебро *Закамское*; но это приобрѣтеніе годъ отъ году становилось менѣе и менѣе и наконецъ совсѣмъ пресѣклось, такъ что въ XV вѣкѣ мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ ни слова ни о «серебрѣ», ни объ «узорочьяхъ» Югорскихъ. Надобно думать, что добыча этого металла, по какимъ либо причинамъ, прекратилась, или же оскудѣла до того, что трудъ народа мало оставался вознагражденнымъ. Между тѣмъ возрастающее великолѣпіе Двора Московскаго требовало каждаго года увеличенія казны государственной; въ звонкой монетѣ былъ ощутительный недостатокъ; внутри государства не предвидѣлось ни какихъ новыхъ источниковъ доходовъ; надобно было изобрѣсть такія статьи интересовъ, которыя вполнѣ удовлетворяя величію Двора, не были бы обременительны для подданныхъ. Предусмотрительность Іоанна открывала эти блестящія статьи интересовъ. — По актамъ государственнымъ и

по молвѣ народной, подтвержденной удачными развѣдками частныхъ лицъ, давно извѣстно было, что Великая Пермь изобилуетъ разными металлами, хранящимся въ нѣдрахъ горныхъ отроговъ Урала, разсѣянныхъ на всемъ ея протяженіи. Основываясь сколько на актахъ и записяхъ правительственныхъ, столько же и на показаніяхъ людей, опытныхъ въ горномъ дѣлѣ, Іоаннъ Васильевичъ, въ 1492 году, отправилъ въ Пермь искусныхъ знатоковъ въ горной наукѣ искать разной руды въ Печорѣ, такъ какъ она нѣсколько сряду лѣтъ и прежде была отдавана въ арендное содержаніе Венеціанцамъ и Грекамъ съ тѣмъ, чтобъ они извѣстную часть выплавленного металла представляли въ казну государеву. Еще въ XIV вѣкѣ предки Дмитрія Донскаго, по взаимному согласію съ Новгородскимъ Вѣчемъ, жаловали Печорой этихъ иностранцевъ, свѣдущихъ въ разработкѣ рудъ. Дмитрій Донскій, пользуясь особеннымъ вліяніемъ на дѣла Новгородскія, располагалъ Печорою по своему усмотрѣнію и, не ссылаясь съ Вѣчемъ, посылая въ нее Намѣстниковъ, обязанность которыхъ преимущественно состояла въ соблюденіи государственныхъ интересовъ Москвы и личныхъ его выгодъ. Въ собраніи *Двинскихъ грамотъ* мы находимъ одну, прямо касающуюся Печоры въ этомъ

отношеніи. «Се язь Князь Димитрій Ивановичъ, пожаловалъ есмь Ондрѣя Фрязина Печорою; какъ было за его дадею за Матѳеемъ, за Фрязиномъ; а въ Перми смлетъ подводы, какъ было и доселѣ; а вы, Печеряне, слушайте его и чтите; а онъ васъ блюдетъ. А ходить по пошлинѣ, какъ было при моемъ дѣдѣ, при Князи при Великомъ при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при князи при великомъ при Семенѣ, и при моемъ отцѣ при князи при Великомъ при Иванѣ, такъ и при мѣѣ». — По лѣтописямъ неизвѣстно однакожь, сколько годовъ Фрязины владѣли Печорою на правахъ арендныхъ; не знаемъ, въ какихъ мѣстахъ производили они разработки рудъ, сколько именно пудовъ мѣди и серебра выплавляли, что оставляли себѣ и что отсылали въ казну Государеву? Кому послѣ нихъ, досталась Печора въ аренду, также не находимъ нигдѣ указаній. Лѣтописи наши умалчиваютъ о Печорѣ до самаго того времени, когда Новгородъ, по волѣ Іоанна, лишился древнихъ правъ вольности, вмѣстѣ съ которыми утратилъ и давнишнія свои завоеванія, тогда Печора вошла въ политическій составъ Государства Русскаго и, какъ страна издавна извѣстная по богатству естественныхъ даровъ природы, обратила на себя особенное вниманіе нашего правительства.

Государь Иоаннь Васильевичъ вызвалъ изъ Европы людей, опытныхъ въ горномъ дѣлѣ и весной 1491 года отправилъ ихъ искать руды какъ по рѣкѣ Печорѣ, такъ и по впадающимъ въ нее притокамъ. Въ числѣ иностранцевъ, прибывшихъ въ Россію для горныхъ развѣдовъ, болѣе другихъ извѣстны Грекъ Эммануилъ и два Нѣмца Иванъ и Викторъ. Последніе дѣйствительно нашли мѣдную и серебряную руду по рѣкѣ Цильмъ,—въ разстояніи 300 верстъ отъ Печоры (*) и въ 4 т. верстъ отъ Москвы,—поспѣшили къ осени прибыть въ столицу и обрадовать Государя этимъ важнымъ открытіемъ (**). На слѣдующій годъ Иоаннь Васильевичъ вмѣстѣ съ нами послалъ въ Печору Грека Эммануила, прислалъ ему дѣтей боярскихъ, снабдилъ всѣмъ необходимымъ для разработки руды въ большомъ размѣрѣ, приказалъ взять рабочихъ людей изъ Устюга, съ Двины и съ Пинеги, обезпечилъ ихъ содержаніе, да-

(*) Здѣсь надобно разумѣть разстояніе отъ р. Печеры, но не отъ погоста Печорскаго, отъ котораго до устья рѣки Цильмы, внизъ по рѣкѣ Печорѣ, будетъ болѣе 1000 верстъ —

(**) Они выѣхали изъ Москвы 26 Марта, искали руды 4 мѣсяца, нашли ее 8 Августа, а возвратились въ Москву 20 Октября.

ровалъ льготы, повелѣлъ не жалѣть казны для пользы государственной. «Въ лѣто 6999, Марта во 2 (1492) отпустилъ Князь Великій Мануила, Иларіева сына, Грека, да съ нимъ своихъ дѣтей боярскихъ, Василья Болтина да Ивана Брюха Коробына, да Ондрюшку Петрова съ мастера съ Фрязы серебра дѣлати и мѣди на рѣцѣ на Цымѣ, а дѣловцовъ съ ними, кому руда копати, съ Устюга 60 человекъ, съ Двины 100, съ Пинеги 80; а Пермичь и Вымичь и Вычегжанъ и Усоличъ 100: тѣмъ ужина провадити въ судѣхъ до мѣста, а неѣлати. . . . (*) — Такимъ образомъ первое въ Россіи серебро и золото—эти два благороднѣйшіе металлы получаемы были изъ Печоры,—и эта страна, по справедливости, называлась тогда драгоцѣннѣйшимъ приобрѣтеніемъ. Государь Іоаннъ Васильевичъ первый началъ плавить металлы изъ рудъ Печорскихъ и чеканить монету серебряную и золотую; въ 1497 году онъ имѣлъ удовольствіе видѣть золотую медаль, вылитую изъ Печорскаго золота въ честь любимой дочери его, Феодосіи.

Важнымъ слѣдствіемъ открытія Печорскихъ рудниковъ было то, что Россія много возвы-

(*) Ветх. Синодал. Лѣт. № 565, л. 508.

силась во мнѣніи другихъ Государствъ Европы. Въ то время повсемѣстно нуждались въ драгоценныхъ металлахъ и Государя Германіи первые обратились къ Іоанну съ прошеніемъ oznакониться съ географіею Россіи ученымъ иностранцамъ, которыхъ въ 1492 г. съ грамотами прислали въ Москву (*). Одинъ изъ нихъ Михайлъ Снупсъ изъявилъ желаніе отправиться въ Сибирь, къ берегамъ Оби, въ землю Югорскую, издревль славную по богатству благородныхъ металловъ, которыми Югры платили дань Новгородцамъ, но Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, опасаясь потерять при этомъ собственныя выгоды, не согласился съ желаніемъ хитраго иностранца и рѣшительно отказалъ ему, представляя между тѣмъ въ отвѣтной грамотѣ Государю его весьма уважительныя отзѣвы въ невозможности исполненія порученій, возложенныхъ на Снупса, по причинѣ отдаленности страны Югорской, и величайшимъ трудностямъ пути въ нее. (**)

(*) Максимилианъ и дядя его Австр. Эрцгерцогъ Сигизмундъ.

(**) Дѣла Цесарскія л 1, . 120—127л.

XXXII.

Возвышеніе Пегоры во мнѣніи Москвы. Заботы о ней Государя. Война съ народами Сибири. Причины ея, ходъ военныхъ дѣйствій и послѣдствій. Князя Югорскіе и Вогулгскіе возмущаютъ прочихъ князьковъ Сибирскихъ противъ Россіи. Составъ войскъ Государевыхъ. Описаніе пути нашихъ воеводъ въ Сибирь, на основаніи лѣтописей. Объясненіе нѣкоторыхъ рѣкъ и мѣстностей этого пути. Іоаннъ Васильевичъ именуется въ титулѣ Княземъ Югорскимъ, Обдорскимъ, Кондійскимъ и иныхъ странъ Сибирскихъ повелителемъ.

Съ открытіемъ Печорскихъ рудниковъ, въ концѣ XV вѣка составлявшихъ важный источникъ государственныхъ интересовъ, политическое существованіе Перми еще болѣе возвысилось и во мнѣніи Москвы и во мнѣніи другихъ государствъ Европы. (Припомнимъ, что Европейцы тогда не знали богатой металлами Америки). Принимая въ соображеніе новыя статьи доходовъ, получаемыя съ поземельной собственности Печорскаго края, Государь Іоаннъ Васильевичъ, чтобъ не потерять здѣсь правительственныхъ выгодъ отъ сосѣдства съ дикими обитателями Сибири, не смотря на клятвы подданства не переставшими нарушать спокойствіе мирныхъ жителей Перми Великой, — вознамѣрился нанести рѣшительный ударъ имъ.

вольности, устрасить ихъ грозною силою Московскою и на полѣ ратномъ предписать законы безусловнаго повиновенія своей волѣ. Этою мѣрою онъ надѣялся смирить строптивыхъ, обуздать дерзкихъ, наказать своевольныхъ и такимъ образомъ отнять у нихъ охоту къ нечаяннымъ впаденіямъ непріятельскимъ въ предѣлы Пермскіе. Вмѣстѣ съ симъ онъ рассчитывалъ основательно, что послѣдствія этой мѣры, грозной для дикарей, будутъ благодѣтельны для Перми, упрочатъ благосостояніе ея, утвердятъ спокойствіе и безопасность Печоры, какъ прилежащей къ владѣніямъ князьковъ Сибирскихъ. Военныя дѣйствія противъ нихъ открылись въ 1499 году и, къ удовольствію Іоанна, съ блестящимъ успѣхомъ въ томъ же году были окончены. Разсмотримъ и разберемъ подробнѣе причины, подготовившія эту войну, распространимъ о ходѣ ратныхъ дѣйствій нашихъ воеводъ въ Сибири и выскажемъ послѣдствія этого вторичнаго похода ихъ въ землю Югорскую.

Вогуличи, Югра, Остяки и другія племена Сибирскія, съ 1485 года сдѣлавшись данниками Государя Московскаго, не всѣ питали къ нему чувства вѣрноподданническія, не всѣ въ равной степени оцѣнивали высокое его покров-

вительство: многіе любя свободу и независимость, такъ скоро и легко утраченныя, воспоминаая прежнія условія бродячей жизни и обольщаясь ихъ привольемъ, тяготились настоящимъ положеніемъ и желали свергнуть иго подданства. Съ негодованіемъ и злобою встрѣчали нашихъ даньщиковъ, наносили имъ оскорбленія и обиды, усиливали ропотъ въ народѣ, увеличивали число недовольныхъ и при всякомъ сборѣ дани обнаруживали явное нерасположеніе къ Русскому Правительству. Первые, оказавшіе сопротивленіе распоряженіямъ и дѣйствіямъ нашего Правительства въ Сибири, первые и главные возмутители народовъ Сибирскихъ противъ Россіи были Князья Югорскіе и Вогуличскіе. Югорскій Молданъ и Вогуличскій Юмшанъ, отличался природною строптивостію характера, безпокойнаго и воинственнаго, первые подали голосъ въ пользу возстанія. По праву наслѣдства они пользовались искони пріобрѣтенною властію надъ прочими князьками, имѣли могущественное вліяніе на простой народъ и не мудрено, если голосъ ихъ мгновенно разнесся по всей сѣверозападной Сибири и взволновалъ всѣхъ подвластныхъ имъ народовъ Сибирскихъ. Между тѣмъ отдаленность не позволяла Русскому Правительству строго слѣдить за дикарями, въ отношеніи ихъ

вѣрноподданическихъ обязанностей къ Государю Московскому; ни какъ не подозрѣвая измѣны, оно долго не замѣчало волненія умовъ народныхъ; довольствовалось въ началѣ умѣренною данію, которую, однакожъ, съ трудомъ собирало въ Сибири, каждый годъ настойчиво требовало у князей всей условленной подати; предписывало данщикамъ заботиться о соблюденіи интересовъ государственныхъ и наконецъ, когда послѣдніе, опасаясь мести озлобленныхъ дикарей, въ 1488 году тайно выѣхали изъ Сибири и явились въ Москву съ пустыми руками, то увидѣло, что словесныя убѣжденія неумѣстны тамъ, гдѣ слѣдуетъ употребить доказательства болѣе сильныя, доказательства жельзныя. . . . Въ свою очередь Князья Югорскіе и Вогуличскіе, отложившись отъ Россіи, дѣятельно работали для успѣшнаго выполненія замышляемыхъ плановъ. Зная твердость характера Іоанна, привыкшаго не терять, а пріобрѣтать, они были увѣрены, что война неизбежна,—и заранѣе приготавливали себя къ кровавой защитѣ и оборонѣ. Они предвидѣли, что развязка этой войны принесетъ опустошеніе ихъ краю, будетъ соединена съ гибелью и разрушеніемъ городовъ, съ ужасами кровопролитій, съ тяжкимъ порабощеніемъ страны, и потому употребили всю силу убѣжденій, все вліяніе

чтобъ настроить умы къ враждебному отпору ратной силы Государя Московскаго. Оба Князя, Молданъ и Юмшанъ, равно предприимчивые и храбрые, въ дружественныхъ свиданіяхъ часто повѣряли одинъ другому свои замыслы въ отношеніи Россіи, судили съ отрадой о настоящемъ, съ трепетомъ намекали на будущее и расходились, полные утѣшительныхъ мыслей на счастливую развязку. Конечно мрачныя думы и горькія ожиданія, одинаково таившіяся въ душѣ обоихъ вождей, не имѣли мѣста въ искренней бесѣдѣ, не высказывались и не участвовали при этомъ; но глубокая, неутѣшная скорбь, выражавшаяся на лицахъ ихъ, безъ словъ ясно говорила о томъ, что скрывалось у нихъ на сердцѣ, какія чувства волновали ихъ буйныя головы. Не надѣясь на численность войскъ, князья думали отстоять независимость силами нравственными: показывая наружное спокойствіе, они съ энергіей объясняли подчиненнымъ правоту своего дѣла, внушали имъ ненависть къ Русскому Правительству, называли обыкновенную дань обременительною и тягостною, воодушевляли кроткихъ, вселяли отвагу въ трусливыхъ, подстрекали буйный характеръ строптивыхъ, и думали восторжествовать въ обстоятельствахъ критическихъ. Приготовляясь къ войнѣ съ непріате-

земь сильнѣйшимъ и опаснѣйшимъ, Молдана и Юмшанъ дѣятельно заботились объ увеличеніи войска, сами посѣщали отдаленныя юрты подвластныхъ себѣ народовъ и отовсюду призывали бродячія толпы дикарей на защиту страны, ими обитаемой.

Свѣдавъ объ измѣнѣ Сибирскихъ князей, Государь Іоаннъ Васильевичъ, въ праведномъ гнѣвѣ на нихъ за вторичную измѣну, приказалъ немедленно воеводамъ выступить съ огнемъ и мечемъ на Сибирскую землю. Кромѣ Пермь-ковъ, войско Іоанново состояло изъ Устюжанъ, Двинянъ, Вазанъ, Пинежанъ и Вятчанъ, которымъ лѣтомъ 1499 года повелѣно собраться въ Печорѣ, и всѣми силами двинуться въ землю Югорскую. Воеводами были назначены Князя Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболотный Бражникъ. Выписываемъ изъ лѣтописей путь, которымъ они слѣдовали въ Сибирь. Къ сожалѣнію, названія нѣкоторыхъ рѣкъ и мѣстностей этого пути утрачены въ настоящее время, и намъ приводится объяснять ихъ, по собственнымъ соображеніямъ, на основаніи современныхъ географическихъ данныхъ Пермскаго края.

«Хоженіе воеводъ Князя Петра Федоровича Уматого, да Князя Семіона Федоровича Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкаго—Бражника на Югорскую землю, на Куду (а) и на Гогуличи (б). Послалъ Князь воеводу Петра Федоровича, да поддалъ ему дѣтей боярскихъ Вологжанъ, а пошли до Пиноковского (в) волоку рѣками (г) 200 верстъ, да ся сождали съ Двинины, да съ Важаны, и пошли съ Ильина дни Колодою (д) рѣкою 150 верстъ,

(а) *Куда, Кода, Конда, Кондія*—такъ назывались земли, лежація по берегамъ рѣки *Конды*, впадающей въ Иртышъ. *Конда* была большая и малая.

(б) *Вогуличи*.

(в) *Пинежского*, какъ сказано въ другихъ лѣтописяхъ, т. е. броду на рѣкѣ *Пинегѣ*; названіе *Пинежскаго солоку* сохранилось въ имени деревни, на лѣвомъ берегу рѣки *Пинегы*.

(г) А какими, — неизвѣстно.

(д) Рѣка *Колода*—это нынѣшняя *Коладью*, впадающая съ лѣвой стороны въ *Бытуду*; быть можетъ, путь воеводъ съ *Пинегы* на *Печеру* шелъ по этой рѣкѣ.

съ Оленья броду (а) на многія рѣки (б) ходили и пришли въ Печору рѣку, до Усташа града (в)... и сождались князь Петръ съ княземъ Семеномъ да съ Васильемъ Ивановичемъ... да тутъ осеневаля и городъ зарубили... и пошли съ Печоры на Введеніе... шли до Камени (г) двѣ недѣли и туто развелись воеводы: Князь Петръ да Князь Семень (пошли чрезъ) Камень щелью; а Камени въ оболочкахъ не видѣти; коли вѣтрѣно, ино оболочка раздираетъ; а длина его отъ моря до моря (д). И убили воеводы на Камени Самоѣди 50 человекъ, а взяли 200 оленей. Отъ Камени шли недѣлю до перваго городка Ляпи-

(а) Въ настоящее время названіе этого броду совершенно утрачено. По смыслу лѣтописи, надобно искать его между Пинежскимъ волокомъ и рѣкою Печорою.

(б) На нѣкія,—трудно указать.

(в) О городѣ Усташъ по Печорѣ не сохранилось никакихъ преданій, и онъ, какъ кажется, совсѣмъ исчезъ изъ памяти народной.

(г) До хребта Уральскаго.

(д) Вѣроятно, отъ Карскаго до Вѣлаго.

на (а) всѣ по та мѣста шли 4650 верстѣ.
Изъ Ляпина встрѣтили съ Одора (б) на оле-
нахъ Югорскіе Князи. . . а отъ Ляпина шли (в)

(а) Книга Большему Чертежу. обозначаетъ горо-
докъ *Ляпинъ* на рѣкѣ Сысвѣ (нынѣ Сыгвѣ), между
городищами Искеромъ и Мункусомъ; но это не пер-
вый, а уже третій городокъ на этой рѣкѣ. Нынѣ по
рѣкѣ Маньѣ находятся Юрты *Щокуринскія* (отъ рѣ-
ки Щокурьей), иначе называемыя Ляпинскими; обѣ
рѣчки, Манья и Щокурья текутъ въ Сыгву, впадаю-
щую въ Сосву. Герберштейнъ помѣщаетъ городокъ Ля-
пинъ на вершинахъ Манья, что весьма согласно съ
повѣствованіемъ лѣтописей.

(б) Названіе *Одора* или *Удора* сохранилось до-
нынѣ въ мѣстахъ по восточному склону Урала: Есть
рѣка *Удора*, впадающая въ Вашку; есть рѣка *Удоръ*,
впадающая въ Мезень; есть деревня *Удоры* на рѣкѣ
Юльѣ, текущей въ Вычегду; но эти мѣстности не
ведутъ ни къ какимъ результатамъ. Если допустить,
что въ названіи *Одора* (что кажется намъ весьма
вѣроятно) пропущена послѣ первой гласной *О* буква
б, т. е. если замѣнить слова *Одора* — *Обдорою*, то объ-
ясненіе послѣдняго будетъ вполне согласно съ смы-
сломъ лѣтописей. *Обдора* былъ городокъ на Оби, въ
600 верстахъ отъ ея устья; *Обдорою* же назывался
народъ, жившій по низовьямъ рѣки Оби.

(в) Должно полагать обратно.

воеводы на оленяхъ, а рать на собакахъ. Ляпинъ взяли и поимали 33 города, да взяли 1009 человекъ лучшихъ людей, да 50 Князей привели. Да Василий же Бражникъ взялъ 8 города да 8 головъ. И пришли къ Москвѣ, далъ Богъ здорово вове, на великъ день въ Государю (а)». . . .—Для сравненіа приведемъ описаніе этаго же пути изъ другаго Лѣтописца.

«Въ лѣто семь тысящъ седьмаго мѣсяца Марта въ 12 день, Князь Великій Иванъ Васильевичъ послалъ воеводъ своихъ ратію, Князя Семена Ѳедоровича Курбьского да Князя Петра Ѳедоровича Ушатого, да Василя Ивановича Бражника на Югорскую землю, въ *Кодуна* (б) и Вогуличи, а съ ними Устюжане, Вятчане, Двиняне, Важане, Пинежане. Они же шедше города поимаша и землю повоеваша и князевъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ людей въ *ротъ* (в) приведоша по ихъ вѣрѣ за Великаго Князя, а

(а) Архив. Разряд Книга, л. 16 и 23.

(б) *Кодуны* — Остяки, жившіе по рѣкѣ Кондѣ.

(в) *Рота* — присага.

иныхъ князей и иныхъ людей, Югричь и
Гугуличъ, тамо побѣдиша и придоша на Москву
къ Великому князю вси здорово, лѣта 7008
Мартѣ (а) Соединившись къ осени въ
Печорѣ, воеводы Иоанновы по первому зимнему
пути отправились на лыжахъ чрезъ горныя
проходы въ землю Югорскую. Пермьки, какъ
болѣе знакомые съ мѣстностію, составляли
передовое войско и были ихъ вожатыми. Пре-
одолавъ немовѣрныя трудности пути по ди-
кимъ пармамъ мѣстами болотистымъ, мѣс-
тами гористымъ покрытымъ, густымъ лѣ-
сомъ, воеводы достигли перваго городка Си-
бирскаго Ляпина и отсюда начали истреблять
огнемъ и мечемъ все встрѣчавшееся на пути,
разрушали города, жгли юрты, не щадили ни
возраста, ни пола и навели ужасъ на Сибир-
скую землю. Владѣтели Югорскіе и Богулич-
скіе смирились, униженно молили о пощадѣ,
просили мира на *всей волю Государя*, про-
износили грозныя обѣты быть вѣчными его
данниками, приносили страшныя клятвы не
измѣнять этихъ обѣтовъ. . . . Кромѣ погоре-

(1) Описаніе рукописей Румянцов. Музеума 1842 г.,
стр. 337, по каталогу Рукописей № 246.

нія народовъ Сибирскихъ, этотъ вторичный походъ Русскихъ воеводъ въ Сибирь имѣлъ важныя послѣдствія и въ политическомъ отношеніи. Съ 1499 г. Государь Іоаннъ Васильевича во внѣшнихъ сношеніяхъ съ Европейскими Державами, началъ именоваться Княземъ Югорскимъ, Обдорскимъ, Кондійскимъ и иныхъ Сибирскихъ странъ повелителемъ (а).

(а) Впрочемъ Герберштейнъ свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ Васильевичъ за долго до сего времени внесъ въ титулъ предковъ названіе Югорскихъ, Гербершт. Рег. Мерс. Comment. стр. 65.

XXXIII.

Старанія Филофея потушить крамолу въ Сибири и примирить князей Югорскихъ и Вогуличскихъ съ Иоанномъ. Недѣйствительность убѣжденій Владыки Пермскаго. Прискорбіе его. Болѣзнь. Филофеемъ отправляется изъ покой въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Сожалѣніе о немъ Государя. Сиротство Пермской паствы. Заботы Митрополита Симона о правильномъ религіозномъ направленіи Пермскихъ. Грамота его къ князю Пермскому Матфею и ко вѣстамъ Пермскимъ большимъ и меньшимъ людямъ. Избраніе Никона, Иеумена Глушицкаго, во Епископа на Пермь. Открытіе Епархіи Вологодской.

Въ предъидущихъ лѣзвяхъ мы ничего не сказали объ Архипастырскихъ распоряженіяхъ Филофея, во время смутъ и волненій, происходившихъ въ Сибири. Изъ этого, однакожъ, не должно заключать, что Святитель Пермскій, —оказавшій столько услугъ Престолу и Отечеству, неутомимый въ дѣлахъ Вѣры, упрочившій благосостояніе Перми и ея обитателей, ревностный при водвореніи въ ней Уставовъ Самодержавія, строгій блюститель порядка гражданскаго, —оставался спокойнымъ наблюдателемъ историчной противъ Россіи крамолы князей Сибирскихъ, еще такъ недавно успокоенныхъ его смиренными увѣщаніями и благоразумными

убѣжденіями, еще таѣ недавно доведенныхъ имъ до сознанія необходимости покориться Иоанну и признать на всегда его своимъ повелителемъ.—При первомъ случаѣ о возстаніи князей Югорскихъ и Вогуличскихъ, Филофей поспѣшилъ воспользоваться временемъ, чтобы въ самомъ началѣ разрушить злые замыслы ихъ противъ Россіи, потушить мятежь, успокоить волненіе буйныхъ умовъ, и такимъ образомъ не дать развиться и созрѣть въ Сибири крамоль внутренней, если не опасной, то во всякомъ случаѣ немного общающейся для Перми, по послѣдствіямъ. Онъ призвалъ въ Устьѣмъ «нарочитыхъ» Вогуловъ и Югровъ, проживавшихъ въ Перми по дѣламъ торговымъ, съ глубокимъ прискорбіемъ высказалъ имъ козни Молдана и Юмшана, опять напомнившихъ клятвамъ и присягѣ, умолялъ немедленно ѣхать въ Сибирь и отъ его имени убѣждать князей безропотно повиноваться великимъ Государямъ Московскаго. Надѣясь на давнипріобрѣтенное вліяніе на умы князей Сибирскихъ, на ихъ любовь и уваженіе къ себѣ, Филофей думалъ одними увѣщаніями: смиритъ ихъ и, слѣдовательно, остановить бурный потокъ крамолы. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, онъ послалъ вмѣстѣ съ нарочитыми людьми своего слугу Мавша съ письмами и увѣщательными грамотами на имя кня-

зей Югорскихъ и Вогуличскихъ, просилъ ихъ не вѣряться влеченію страстей своевольныхъ и не бунтовать противъ Москвы, общалъ именемъ Государя новыя милости, новыя льготы и преимуществъ покорнымъ, грозилъ гнѣвомъ его безумнымъ въ строптивости характера. Но ожиданія Владыки не сбылись. Истинно уважая добраго Святителя Пермскаго, Молданъ и Юмшанъ отвѣчали, что они встаютъ за независимость и свободу, ограниченную Русскимъ владычествомъ, отстаиваютъ свою отчизну, годъ отъ году болѣе и болѣе угнѣтаемую Московскими данщиками,—твердо рѣшились отложиться отъ Москвы и готовы пожертвовать жизнью, спасая наслѣдіе своихъ предковъ. Огорченный этимъ безразсуднымъ отвѣтомъ, Филофей мрачными чертами описалъ имъ кровавую развязку, которая неминуче послѣдуетъ за ихъ дальѣйшимъ упорствомъ, совѣтовалъ одуматься, пока есть время, употребилъ всю силу убѣжденій, все вліяніе, всѣ возможныя политическія сдѣлки, но тщетно: князья упорствовали и стояли на одномъ, что рѣшимость ихъ сильна и раскаяніе уже поздно. Тогда мастиный старецъ, до глубины души встревоженный настойчивостію и упорствомъ, страшилъ карою небесною и, въ праведномъ гнѣвѣ, пророчествовалъ о разрушеніи ихъ градовъ,—что и

сбылось въ послѣдствіи, на самомъ дѣлѣ... Это непріятное стеченіе обстоятельствъ совершенно разстроило здоровье, дотошъ еще бодрого Пастыря. Искренно преданный Государю, онъ, и удрученный немощами тѣлесными, не переставалъ дѣлательно хлопотать по дѣлу князей Югорскихъ и Вогуличскихъ, не терялъ надежды образумить ихъ и отклонить отъ войны съ Россіею. Еще разъ хотѣлъ онъ услужить Государю, сберечь людей и войско, отстранить язвы войны, кончивъ миролюбиво спорные пункты и обоюдныя недоразумѣнія. Но усилившіеся недуги тѣлесные, слѣдствія долговременныхъ и полезныхъ трудовъ, — къ сожалѣнію Государя Іоанна Васильевича, къ немалому прискорбію обитателей Перми Великой, не позволили ему привести это смутное дѣло къ благополучному окончанію. Война стала неизбежною, — и мы видимъ слѣдствія ея. Къ концу войны, Филофей, изнуренный болѣзнію, испросилъ у Государя позволеніе провести остатокъ жизни *на покой* въ одной изъ обителей, и здѣсь отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ по управленію Пермскою Епархіею. Іоаннъ Васильевичъ, снисходя лишь къ многостороннимъ заслугамъ знаменитаго Іерарха, согласился съ желаніемъ его; онъ зналъ, кого лишается въ этомъ свѣтостномъ Святителѣ и былъ

увѣренъ, что Великая Пермь не увидитъ болѣе подобнаго Владыки. Онъ тѣмъ неохотнѣе отпускалъ его, что въ настоящее время въ особенности нуждался въ дѣятельности его, столь полезной для всего края Пермскаго, который никогда такъ не требовалъ участія его, какъ въ эти времена волненій народовъ сосѣднихъ. Самъ Филофей съ великимъ прискорбіемъ оставлялъ Епископскую кафедру, которую 30 лѣтъ занималъ со славою; съ сердечною горестію разставался съ паствою, ему преданною; съ умиленіемъ и слезами прощался съ нею, желалъ ей мира и благоденствія. Труды прежнихъ лѣтъ, и настоящія заботы и огорченія осилили крѣпость его души, увеличили немощи и страданія его тѣла; неразлучная до тѣхъ бодрость его оставила; болѣзни старости отяготили его душу; покой для нея былъ необходимъ столько же, какъ пища для тѣла. Въ 1501 г. въ Апрѣлѣ, Филофей отправился водой на мѣсто покоя, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. «1501 г. Апрѣля. . . . Епископъ Пермскій Филофей оставилъ Епископію и прииде въ Кирилловъ Монастырь» (*). Съ плачемъ и рыданіями неутѣшная паства провожала далеко своего отца и

(*) Приб. къ VI т. дополнит. выписки.

наставника, ходатая и благодѣтеля; сътовала и пролиwała горестныя слезы о томъ, что, быть можетъ, долго-долго невидать ей такого добраго Владыки, быть можетъ приведется немало сиротствовать безъ главы и правителя.

Дѣйствительно, слишкомъ годъ продолжалось сиротство Пермской Епархіи. Великій Князь и освященный Соборъ вынуждены были необходимостію озаботиться пріисканіемъ и поставленіемъ новаго Епископа обширной Епархіи Велико - Пермской. Въ отсутствіе духовнаго Владыки большая часть Пермиковъ, жившихъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Перми Великой, пользуясь слабостію мѣстнаго Духовенства, нерадѣваго о просвѣщеніи ихъ, поддались хитрымъ обаяніямъ чаролѣвъ, измѣнили Православію, и опять сдѣлались язычниками: по прежнему почитали духовъ и идоловъ, строили кумирницы, употребляли въ пищу идоложертвенное. Вѣсть объ этомъ дошла до набожнаго Митрополита Московскаго Симона. Въ благочестивыхъ заботахъ объ истинномъ редигіозномъ направленіи этихъ заблужденныхъ, сей ревностный блюститель Православія писалъ увѣщательныя грамоты къ духовнымъ гражданскимъ властямъ Пермскаго края, имемъ Бога призывалъ ихъ свято хранить Вѣру отъ языческихъ водхвованій и всѣми мѣрами

старался искоренять идолопоклонство силою слова Божественнаго. Выписываемъ изъ Лѣтописей одну изъ грамотъ его на имя Князя Велико-Пермскаго—Матфія Михайловича и всѣхъ Пермскихъ большихъ и малыхъ людей. Содержаніе этой грамоты для насъ въ особенности любопытно, потому что въ ней *впервые* упоминается имя идола Зырянскаго—Войпеля, въ настоящее время малоизвѣстнаго Зырянамъ даже и по преданіямъ.

«Письмо къ слугѣ Великаго Князя, Князю Матфію Михайловичу Пермскому, и ко всѣмъ Пермичамъ *большимъ и меньшимъ* людямъ, мужамъ и женамъ, юношамъ и младенцамъ» (*).

.....«А кумиромъ бы есте не служили, ни требъ ихъ не принимали; ни Войпелю болвану не молитесь по древнему обычаю, и всѣхъ Богу ненавидимыхъ тризницъ не творите идоломъ, ни женитьвъ незаконныхъ не чините, якоже слышу о васъ, что поймаются въ племени по ветхому по Татарскому обычаю: кто у Васъ умретъ, и второй его братъ жену его поймаетъ, и третей его братъ также творить;

(*) Письмо это писано отъ 22 Августа 1501 г.

а жены ваши ходятъ простовласы, непокровещеными главами, ино то чините не по закону Христіанскому.... А сію бы есте грамоту положили въ церкви.... (*).

По настоянію Митрополита Симона въ слѣдствіе уважительныхъ причинъ, представленныхъ имъ Государю, освященный Соборъ не рѣшался на долѣе откладывать избраніе новаго Владыки Епархіи Велико—Пермской. Эта Епархія, неимѣвшая себѣ равной по обширности, тѣмъ болѣе въ то время требовала ближайшаго духовнаго надзора мѣстнаго Владыки, что къ ней съ 1492 года принадлежали окрестные монастыри, пустыни и церкви многолюднаго и славнаго города Вологды, въ послѣдствіи сдѣлавшагося Епархіальнымъ Пермскихъ Архіереевъ. Выборъ Епископа палъ на благочестиваго Игумена Глушицкаго монастыря, Никона, освященный Соборъ хиротонисалъ его въ этотъ санъ 5-го Мая 1502 года «5-го Мая на Епископію Пермскую поставленъ Игумень Никонъ отъ святаго Деонисія съ Глушицы... (**)

(*) Посланіе Рост. Митрополитовъ, въ Синод. Библ. № 164 л 219.

(**) Дополн. выписка изъ Лѣтоп. г. 1502 прибав. къ VI Т.

Митрополитъ Симонъ и освященный Соборъ напутствовали его благословеніями, Государь обидежилъ милостями, и новый Владыка благополучно прибылъ на мѣсто служенія. . . Во второй годъ управленія его Епархіею Велико—Пермскою, именно въ 1503 году, (*) учреждена Епархія Вологодская, и по неизвѣстному Вологодскому Лѣтописцу, первымъ Епископомъ ея былъ *Алексей*, въ томъ же году хиротонисанный. Но это показаніе неизвѣстнаго Лѣтописца, какъ неимѣющее историческихъ подтвержденій, кажется намъ сомнительнымъ. Вместе съ открытіемъ Епархія Вологодской, мы замѣчаемъ въ лѣтописяхъ какое то разнорѣчіе въ именахъ Іерарховъ Вологодскихъ и Велико—Пермскихъ, несогласіе въ годахъ хиротоніи ихъ, тождественность именъ нѣкоторыхъ Епископовъ какъ въ Перми, такъ и из Вологдѣ, однимъ словомъ встрѣчаемъ неясность, темноту и сбивчивость, много вредяція исторической критикѣ. Мы, однакожъ, постараемся объяснить это темное мѣсто въ Исторіи Іерархін Пермской сколько позволятъ собранные нами матеріалы, непосредственно касающіеся этого предмета.

XXXIV.

Согласное мнѣніе Митрополита Евгенія и сочинителя Исторіи Россійской Іерархіи объ учрежденіи Вологодской Епархіи въ началѣ XVI вѣка. Перегнн Епископовъ Пермскихъ и Вологодскихъ съ 1503 года. Выписки изъ Лѣтописей. Противорѣчія. Наше мнѣніе объ открытіи Вологодской Епархіи. Причины, въ слѣдствіе которыхъ іерархи Пермскіе жили на Вологдѣ. Цвѣтущее состояніе Вологды. Паденіе Владычняго города Устьвыма. Бѣдность Монастырей Пермскихъ: Возвышеніе Чердыни. Скудость матеріальныхъ средствъ Архiepастырей. Упраздненіе Епархіи Великопермской. Учрежденіе Вологодской. Антоній, первый Епископъ Вологодскій.

Согласно съ неизвѣстнымъ Вологодскимъ Лѣтописцемъ и слѣдуя также смыслу лѣтописей, которыя съ начала XVI вѣка различаютъ Епископовъ Пермскихъ и Вологодскихъ, наши новѣйшіе духовные писатели Митрополитъ Евгеній и Архимандритъ Амвросій,—сочинитель Исторіи Россійской Іерархіи, признаютъ вѣрнымъ сказаніе ихъ объ учрежденіи въ 1503 году Вологодской Епархіи, и съ этого времени перечисляютъ отдѣльно іерарховъ Пермскихъ и

Вологодскихъ. По слѣдующимъ причинамъ мы отвергаемъ и свидѣтельства разнорѣчивыхъ лѣтописцевъ и тождественныя съ ними мнѣнія упомянутыхъ нами писателей, какъ не подтвержденныя ни однимъ достовѣрнымъ фактомъ историческимъ. Очевидно, что послѣдніе введены въ заблужденіе противорѣчіемъ современныхъ лѣтописей. Перечисляя отдѣльно съ 1503 года іерарховъ Пермскихъ и Вологодскихъ, они не замѣтили, что имена Архiepастырей одни и тѣже въ Пермѣ и на Вологдѣ, что годы хиротоніи и смерти ихъ въ хронологической послѣдовательности согласны съ достовѣрнѣйшими нашими лѣтописями и что, наконецъ, самыя событія изъ жизни ихъ, до посвященія въ этотъ санъ и послѣ, тождественны. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, приведемъ для сличенія изъ Исторіи Россійской Іерархіи отдѣльные перечни Епископовъ Пермскихъ и Вологодскихъ съ 1503 года; тогда яснѣе увидимъ крайности, въ которыя впади новѣйшіе писатели (*).

(*) Ист. Рос. Іерархіи. Т. I, гл. VI. л. 184; гл. XVII 215 и 216.

ЕПАРХІЯ ПЕРМСКАЯ.

Никонъ, хирот. 1502 года Мая 5, изъ Игуменовъ Вологодскаго Глушицкаго Монастыря.

Пименъ, хирот. 1520 года, изъ Игуменовъ Соловецкаго Монастыря.

Кипріанъ, безъ лѣтъ

ЕПАРХІЯ ВОЛОГОДСКАЯ.

В

Алексѣй I, хирот. 1503 года (*).

Никонъ въ 1514 году скончался и погребенъ въ Глушицкомъ Монастырѣ.

Пименъ, хирот. 1520 года Февраля 16 изъ Игуменовъ Соловецкихъ.

Алексѣй II, хирот. 1525 года изъ Игуменовъ Кириллоблужерскаго Монастыря и упоминается въ 1542 году.

Афанасій } безъ лѣтъ
Иоасафъ }

Кипріанъ, хирот. 1547 года Января 30, изъ Игуменовъ Московскаго Богоявленскаго Монастыря. Погребенъ въ Вологодскомъ Кафедральномъ Соборѣ.

Примѣчаніе. Въ приобрѣтенныхъ нами рукописяхъ, въ томъ же порядкѣ хронологическомъ, послѣ *Пимена* былъ на Устьями Епис-

(*) Явная несообразность въ хронологіи.

копѣ Алексѣй, хиротонисанный изъ Игуменовъ Кирилобѣлозерскаго Монастыря; за нимъ *Кипріанъ*, поставленный во Епископа Перми изъ Игуменовъ Московскаго Богоявленскаго Монастыря и, наконецъ, по смерти Кипріана, послѣднимъ Пермскимъ Епископомъ, вмѣстѣ съ которымъ переведена на Вологду кафедра Усть-вымскихъ Архіереевъ, былъ *Иосафъ*.

Сравнивая приведенные нами перечни Епископовъ Пермскихъ и Вологодскихъ, мы замѣчаемъ, что имена іерарховъ одни и тѣже въ Перми и на Вологдѣ и что Митрополитъ Евгений и сочинитель Исторіи Россійской Іерархіи повторили ошибку древнихъ лѣтописцевъ, считавшихъ, неизвѣстно почему, Епархіи Пермскую и Вологодскую раздѣльными съ 1503 г. Въ разнорѣчій ихъ мы можемъ удостовѣрить читателей подлинными словами лѣтописей, «1502 г. Мая въ 5 на Епископью *Пермскую* поставленъ Игуменъ *Никонъ*, отъ Св. Деонисія съ Глушицы». «1525 г. 9 Апрѣля поставленъ Епископъ на *Вологду Алексѣй*, Игуменъ Кирилобѣлозерскаго монастыря». . . . Только одинъ Архангельскій Лѣтописецъ, изъ всѣхъ достовѣрнѣйшій, не признаетъ этой раздѣльности Епархій, и свидѣтельствуетъ, что Пермью и Вологдою управлялъ одинъ Епископъ, ка-

Федрою котораго былъ Устьвымъ до 1585 г., что не противорѣчитъ тексту мѣстныхъ рукописей. Такъ, онъ пишетъ: «1520 г. Февраля 16 поставленъ Епископомъ Игуменъ Соловецкій Пименъ на Вологду и въ Пермь». . . . Мы совершенно согласны съ этимъ лѣтописцемъ, и съ своей стороны приводимъ доказательства, не подлежащія никакому сомнѣнію, что Епархія Вологодская до 1585 года не имѣла особенныхъ Епископовъ, но управлялась іерархами Великопермскими и что, слѣдовательно, учрежденіе ея надобно отнести не къ 1503, но къ 1585 году.— Повторимъ здѣсь, что Епископы Пермскіе съ 1492 года, когда «Вологда придана Филофеемъ Епископу изъ Новгородской въ Пермскую Епископью», именовались вмѣстѣ и Вологодскими. Можно, не безъ основанія, предполагать, что послѣдующіе за Филофеемъ Епископы, посвящаемые на кафедру Устьвымскую, не достигали мѣста своего назначенія и жили въ Вологдѣ, находя пребываніе въ ней для себя болѣе удобнымъ и покойнымъ. Этимъ нѣкоторымъ образомъ оправдывается сказаніе лѣтописцевъ, неумышленно погрѣшившихъ противъ исторической истины. Быть можетъ,— и очень естественно,— что тѣ изъ іерарховъ, которые имѣли долгое время пребываніе на Вологдѣ, чѣмъ въ Перми, гдѣ была ихъ на-

стоящая кафедра, потому и названы въ лѣтописяхъ собственно *Вологодскими*; тѣ же, которые долѣе жили въ Устьвымѣ и временно поѣщали Вологду— собственно *Пермскими*. Лѣтописцы наши, издалека знакомые съ духовными и гражданскими правительственными распоряженіями, часто довѣрялись ложной молвѣ народной и на основаніи ея, вносили въ лѣтописи государственное или мѣстное событіе, не рѣдко искаженное недѣльными подробностями по слухамъ до нихъ дошедшими; платя дань духу и терпимости вѣка, они не были строго разборчивы въ своихъ сказаніяхъ, наводняли ихъ всякаго рода мелочными замѣтками, частностями, не отдѣляли истины отъ вымысла, не дорожили исторической критикой. . . . Вѣроятно, такъ было и здѣсь. Неизвѣстный Вологодскій Лѣтописецъ, не справясь съ дѣлами Московской Митрополіи, нарекъ *Алексѣя* первымъ Епископомъ Вологодскимъ, а отдаленные современники, повѣривъ ему на слово, какъ мѣстному писателю и ближайшему очевидцу, и тоже самое отмѣтили въ своихъ рукописяхъ.

Что Епископы Пермскіе *подолгу* жили въ Вологдѣ, на это есть историческія указанія, и мы выскажемъ причины, почему они предпочитали Вологду Устьвому. Вологда въ то время

была въ лучшей порѣ существованія, процвѣтала обиліемъ и довольствомъ жителей, благоденствовала внутри, прибрѣтала извѣстность и извнѣ обширною пародною промышленностію. XVI-й вѣкъ была лучшимъ вѣкомъ бытія Вологды: тогда она оспариваетъ первенство торговли у Новгорода, участвуетъ въ прибыльныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Сибирью; производитъ большіе коммерческіе обороты внутри Россіи, — является городомъ славнымъ на сѣверѣ Россіи и по развитію народной дѣятельности и по богатствамъ жителей. Государи Московскіе радовались успѣхамъ ея торговли, умножавшей ихъ собственные доходы; покровительствовали ей, оказывали особенное вниманіе, удостоивали своимъ высокимъ поощреніемъ и способствовали возвышенію ея и во мѣстѣ Москвы и во мѣстѣ другихъ городовъ Россіи. Зная недоступное для непріятелей положеніе Вологды, окруженной толкими бѣлѣгами и непроходимыми лѣсами, они считали ее безопаснѣйшимъ убѣжищемъ отъ набѣговъ хищниковъ и хранили въ ней скопленные бережливостію богатства и драгоценности... (*) Для

(*) При Василіѣ Іоанновичѣ Вологда и Бѣлоозеро было мѣстами казнохранилищъ Государевыхъ. Ист. Госуд. Р. Т. VII, гл. IV, л. 125.

Епископовъ Пермскихъ, разумѣется, во многихъ отношеніяхъ было гораздо удобнѣе жить въ этомъ городѣ, богатомъ и многолюдномъ, близкомъ къ столицѣ, чѣмъ въ дикой глуши, въ Устьвымѣ, малонаселенномъ и отдаленномъ, бѣдномъ по развитію общественной дѣятельности, гдѣ сверхъ долга Архипастырскаго, имъ вѣнялось въ обязанность слѣдить и за гражданскимъ судопроизводствомъ, что, по незнанію Зырянскаго языка, для нихъ было крайне затруднительно, и гдѣ, припоминая недавнія ратныя дѣйствія съ дикими народами Сибирскими, они должны были питать всегдашнія опасенія не только за неприкосновенность сана, но и за жизнь свою. . . . Къ тому же Владычній городъ Устьвымъ съ XVI вѣка замѣтно начинаетъ терять свою древнюю знаменитость и славное дотолѣ въ Перми значеніе іерархическое. Обширная народная торговля, которая прежде сосредоточивалась въ этомъ городѣ, обогащала казну святительскую и увеличивала доходы монастырскіе, съ этого времени рѣшительно падаетъ и переходитъ далѣе, на сѣверъ Перми Великой: на счетъ Устьвыма въ отношеніи промышленномъ усиливается Чердынь, съ 1505 года быстро возвышающійся въ политическомъ своемъ существованіи. Такимъ образомъ, съ лишеніемъ главнаго источника доходовъ, заклю-

чавшагося въ торговыхъ пошлинахъ, которыя, по вождъ Государей, издревле составляли собственность монастырей, эти послѣдніе въ Перми пришли въ самое бѣдственное состояніе: терпѣли недостатки, испытывали лишенія, оскудѣвали и мало по малу приходили въ запустѣніе. Наконецъ, по прибытіи въ Пермь перваго Намѣстника Князя Василья Андреевича Ковра, облеченнаго Государемъ полною властію правителя народнаго, пріобрѣтенное вѣками могущественное вліяніе Пермскихъ іерарховъ на страну стало значительно слабѣе, — чрезъ что и самыя матеріальныя средства, прежде столь богатые, истощились до того, что далеко не покрывали необходимыхъ святительскихъ расходовъ. Эти и подобныя имъ побужденія, не оспоримо, было въ числѣ главнѣйшихъ причинъ, заставлявшихъ іерарховъ Велико-Пермскихъ зботиться о собственномъ, приличномъ сану, содержаніи, и жить въ томъ городѣ своей Епархіи, который вполнѣ обезпечивая ихъ пребываніе, представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ все удобства для жизни тихой и покойной. Испытывая тяжкое бремя недостатковъ, терпя жалкую скудость, іерархи, вынужденные необходимостію, поневолѣ оставляли Устьвымъ, настоящую свою кафедру, переселялись на Вологду, привлекательную цвѣтущимъ состояніемъ, жили болѣе

въ ней и лишь изрѣдка посѣщали свой городъ Владычній. Быть можетъ, это самое обстоятельство и подало поводъ современнымъ лѣтописцамъ, не знавшимъ этихъ условій, назвать жившихъ на Вологдѣ Архипастырей Пермскихъ собственно Епископами *Вологодскими*. Но, соображаясь съ достовѣрными нашими лѣтописцами, мы относимъ учрежденіе Епархіи Вологодской къ 1585 г., когда упразднена Велико-Пермская и кафедра Устьвымскихъ Архіереевъ переведена на Вологду: тогда первымъ Епископомъ Вологодскимъ слѣдуетъ назвать *Антонія*, хиротонисаннаго въ 1586 изъ Игуменовъ Троицкаго Болдина Монастыря.

XXXV.

Важныя событія политическія въ Перми при Епископѣ Великопермскомъ Никонѣ. Отсутствіе въ лѣтописяхъ подробностей іерархическаго управленія вслѣдующихъ за Филофеемъ Владыкъ Пермскихъ. Краткость Исторіи Устьянъ съ XV вѣка. Новый Князь Великопермскій Матвей Михайловичъ. Непріязненные отношенія его къ Москвѣ. Нерадѣніе обзогнуть. Городъ Чердынъ сгорѣлъ. Построеніе новаго города на Пожѣ. Сведеніе съ Великой Перми вѣстима Князя Матвея Михайловича. Князь Коверъ—первый Намѣстникъ Перми. Незаконное нападеніе на Великую Пермь Булука Салтана изъ Тюмени. Поклонъ за Салтаномъ.

Объяснивъ условія пребыванія іерарховъ Великопермскихъ на Вологдѣ, высказавъ мнѣніе наше объ учрежденіи Епархіи Вологодской, въ настоящей главѣ возвращаемся къ прерванному нами повѣствованію о Епископѣ Никонѣ и продолжаемъ описаніе событій, при немъ въ Перми случившихся. Эти событія, имѣвшія важныя послѣдствія государственныя, записаны въ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, и мы излагаемъ ихъ тѣмъ съ большею полноготою, что подробности іерархическаго управленія вслѣдующихъ за Филофеемъ Епископовъ Пермскихъ остались неизвѣстны и—что самое главное—

дальнѣйшая за тѣмъ исторія Устьвыма вообще кратка и бѣдна событіями. Въ современныхъ лѣтописяхъ мы уже не встрѣчаемъ, какъ прежде, ни іерархическихъ дѣйствій Владыкъ, не находимъ ни ихъ духовныхъ распоряженій по управленію Епархіею, не видимъ ни благочестивыхъ ихъ трудовъ и подвиговъ: всё это пройдено молчаніемъ современниками, пропущено даже и мѣстными лѣтописцами. Вѣроятно отъ того, что Устьвымъ съ XV вѣка быстро началъ терять свое древнее значеніе и клониться къ паденію; собственная исторія его съ этого времени становится неясною, темною, сбивчивою и такъ тѣсно связывается съ исторіею Чердыня, что для объясненія какого либо событія, касающагося Устьвыма, надобно непремѣнно прослѣдить его вмѣстѣ и въ исторіи Чердыня, какъ центра общественной дѣятельности, гдѣ сосредоточивалась гражданственность Пермскаго края. Но мы, касаясь исторіи Пермскаго края вообще, пишемъ собственно историческій очеркъ Устьвыма; а потому не смѣшивая исторіи одного города съ другимъ, будемъ довольствоваться тѣмъ, что сохранили отдѣльно для каждаго изъ нихъ лѣтописи. Имѣя ближайшія отношенія къ Чердыню, Устьвымъ, въ политическомъ своемъ бытіи, въ послѣдующіе вѣка, кромѣ того зависѣлъ то отъ

Влогды, то отъ Вятки, то отъ Устюга,—и само собою разумѣется,—въ исторіи его должно быть много общаго съ исторіею каждаго изъ нихъ; раздѣлить же это общее нѣтъ возможности для мѣстнаго историка . . Придетъ, быть и жетъ, чреда до общей исторіи древней Біарміи, куда необходимо войдутъ лѣтописи этихъ городовъ, и тогда значеніе ихъ, навѣрное, сдѣлается и яснѣе, и опредѣленнѣе; а до тѣхъ поръ оно останется гордіевымъ узломъ во всякой частной исторіи. Скудость фактовъ не должна стѣснять насъ на пути къ предположенной цѣли: другое дѣло, еслибъ мы писали исторію Перми; тогда бы всякой вправѣ требовать отъ насъ и строгой систематической послѣдовательности въ изложеніи историческихъ данныхъ, и указанія послѣдствій на судьбу страны и того, какое вліяніе имѣли они на народонаселеніе, и проч. и проч. . . Оговорясь такимъ образомъ, мы продолжаемъ наше повѣствованіе объ Устьвымѣ,— въ немногихъ словахъ закончимъ исторію его и приступимъ къ описанію Устьвымскихъ достопримѣчательностей.

Въ первые годы управленія Никона Епархіею Великопермскою, въ политическомъ существованіи Перми произошелъ сильный перево-

ротъ, измѣнившій внутреннее состояніе этой великой страны и навсегда рѣшившій судьбу ея: это совершенное подчиненіе Перми Русскому владычеству, выразившееся съ одной стороны въ *сведеніи съ Великія Перми вотчина Князя Матѳіа Михайловича*, съ другой въ учрежденіи *Намѣстничества Пермскаго*. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію этого событія, въ правительственномъ смыслѣ чрезвычайно важнаго для Государства Русскаго, расскажемъ причины, его подготовившія. Выше мы замѣтили, что Іоаннъ, по покореніи Перми въ 1472 году, довольный клятвенными обязательствами Князя Пермскаго Михаила, плѣннаго нашими воеводами, признавъ его законнымъ княземъ, съ именемъ присяжника Московскаго отпустилъ обратно въ отечество, обложилъ народъ Пермскій поголовною данію, предоставилъ ему нѣкоторыя права и преимущества,—однимъ словомъ, держась политики дальновидной и хитрой, оставилъ Перми только слабую тѣнь независимости. Первымъ дѣйствіемъ власти Государя Московскаго въ Перми было уничтоженіе издревле господствовавшего здѣсь деспотизма: Князь Михаилъ, повинуясь волѣ Іоанна, раздѣлилъ правленіе съ Епископомъ Филофеемъ, которому довѣренностію Государя преимущественно поручено было право суда и расправы въ стра-

нѣ. Народъ, привлеченный милостями и льготами, радовался счастливой перемѣнѣ своей участи, привыкалъ исподоволь къ новымъ уставамъ Единодержавія, ясно видѣлъ ихъ пользу и удачное примѣненіе къ быту общественному, согласовался съ ними, называлъ ихъ залогами своего благоденствія и прославлялъ мудрость Царя Московскаго. Самъ Князь Михаилъ и *нарочитые* люди Пермскіе, вначалѣ покрившіеся необходимости, замѣтивъ съ теченіемъ времени благонамѣренныя дѣйствія въ отношеніи ихъ страны Русскаго Правительства, перестали тяготиться чуждымъ господствомъ, безусловно повиновались его велѣніямъ, свято хранили клятвенныя условія, строго выполняли обязанности вѣрноподданинскія. Такъ протекло слишкомъ 30 лѣтъ. Конечно Іоаннъ не намѣренъ былъ оставлять начатаго недоконченнымъ: его предусмотрительность рассчитывала на первое волненіе умовъ, весьма обыкновенное при дѣйствіяхъ новой власти, которымъ онъ думалъ воспользоваться какъ самымъ благовиднымъ поводомъ къ уничтоженію древнихъ правъ самостоятельности Перми; но въ ней все было спокойно, народъ истинно былъ преданъ Государю и не думалъ волноваться. Наконецъ, по смерти Князя Пермскаго Михаила, при сынѣ его Матвѣѣ, Іоаннъ достиг.

нуль цѣли полнаго обладанія Пермью. Это случилось въ 1505 году, въ послѣднемъ жизни Іоанновой. Съ нѣкотораго времени Русское Правительство стало замѣчать, что новый Князь Великопермскій Матвѣй Михайловичъ измѣнился въ отношеніяхъ къ Россіи, ослушивался царскихъ приказаній, оказывалъ сопротивленіе волѣ Іоанна, несправедливо толковалъ распоряженіе его, вмѣшивался въ дѣла постороннія, подъ разными предлогами уклонялся отъ платежа условленной дани, не соблюдалъ интересовъ государственныхъ, нерадѣлъ ни объ устройствѣ города, ни о благосостояніи жителей. Государь давалъ замѣтить ему легкомысленное поведеніе въ отношеніи Москвы, грозилъ опалою, но напрасно: Князь Матвѣй не исправлялся и продолжалъ безпечно жить въ Чердынѣ. Іоаннъ долго щадилъ ослушника, прощалъ ему вины, терпѣлъ его непріязненныя выходки; но обстоятельство непредвидѣнное, рѣшивъ судьбу его, способствовало къ удаленію съ отчины. «1504 года городъ згорѣвъ Чердынѣ, и Князь Матѣй Михайловичъ Великопермскій поставилъ городъ на Почкѣ. Новой»...(*)

(*) Ист. Государства Рос, Примѣч. къ Т. VI. гл. VII. Дополнительные выписки изъ лѣтописей.

Когда вѣсть объ этомъ пришла въ Москву, Іоаннъ справедливо нетоуя на Князя Пермскаго за небреженіе объ отчинѣ, выразилъ свой гнѣвъ ему и рѣшился свести съ Перми. Приискалъ Намѣстника, мужа опытнаго въ управленіи—Князя Василья Андреевича Ковра, одѣлъ его полною властію правителя народнаго и въ 1505 году послалъ въ Пермь, приказавъ Князю Матвѣю Михайловичу безпрекословно повиноваться ему, какъ самому Государю. «Въ лѣто 7013 (1505) Князь Великій Иванъ Васильевичъ свелъ съ Великія Перми вочича Князя Матѣя Михайловича, а на Великую Пермь послалъ Намѣстника своего, Князя Василья Андреевича Ковра, сей же бысть первый отъ Русскихъ Князей, а пріѣхалъ въ педѣлю Цвѣтную»... (*) Не успѣлъ новый Намѣстникъ осмотрѣться въ Перми, какъ въ Понедѣльникъ на Страстной рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени на Великую Пермь, Кулукъ Салтанъ, Ивака Царевъ сынъ, съ братьею и съ дѣтьми, города не взяли, а землю Нижнюю завоевали, въ Усолъе на Камѣ Русаковъ вывели и высѣкли, и Князь Василій Коверъ на полъ водъ въ погоню послалъ Русаковъ въ

(*) Примѣч. 75 къ Т. VI, гл. I. Продолж. Нестер. лѣтоп. стр. 177.

судѣхъ и догнали ихъ въ Сылвѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили». . . - (*) Дальнѣйшія распоряженія этого Намѣстника въ Перми неизвѣстны, равно какъ неизвѣстны съ этого времени и отношенія іерархической власти Владыкъ Пермскихъ къ гражданской послѣдующихъ за Княземъ Ковромъ Намѣстниковъ.

XXXVI.

Никонъ удаляется на покой въ Глушицкій монастырь. Продолжительное сиротство пастыя Великопермской Преемники Никона: Пименъ, Алексѣй, Кипріяны. Угасіе Кипріяна въ дѣлахъ Московской Митрополіи. Грамота его на Удору. Іоасафъ, послѣдній Епископъ на Устьвымъ. Нѣсколько подробностей іерархическаго управленія его Епархіею. Упраздненіе Епархіи Великопермской. Архіерейская Каѳедра съ Устьвыма переносится на Вологду. Послѣдующая судьба Епархіи Велико-Пермской.

Двѣнадцать лѣтъ ревностно правивъ обширнѣйшею Епархіею, бывъ свидѣтелемъ въ Перми крамолы внутренней, начало которой по-

(*) Примѣч. къ Т. VI, гл. VII. Дополнительные выписки изъ лѣтописей, 1505.

ложено было сверху еъ древняго Княжескаго Престола Пермскаго, бывъ ближайшимъ здѣсь очевидцемъ окончательнаго боренія древне—вѣковыхъ правъ деспотизма съ властію монархическою, какъ Святитель, много способствовавъ къ водворенію ея, много потрудившись для блага общаго, Никонъ, уже удрученный старостію, тяготился бременемъ власти іерархической и просилъ себѣ покоя у Государя и освященнаго Собора Московскаго. Въ уваженіе заслугъ и снисходя къ старости сего Святителя, Государь согласился съ желаніемъ его. Въ 1514 году Никонъ удалился въ монастырь къ Святому Діонисію въ Глушицы—мѣсто, гдѣ ранѣе подвизался въ благочестіи и откуда призванъ былъ на кафедру Велико - Пермскую. Здѣсь онъ кончилъ земную жизнь свою и погребенъ съ честію Святительскою.—Шесть лѣтъ послѣ него престолъ Устьвымскихъ Архіереевъ оставался празднымъ; шесть лѣтъ паства Велико-Пермская сиротствовала, не имѣя Архипастыря—главы и руководителя: причины такого продолжительнаго сиротства ея неизвѣстны. Наконецъ 16 Февраля 1520 года освященный Соборъ хиротонисалъ «во Епископа на Вологду и въ Пермь» Игумена Соловецкаго *Пимена*. Лѣтописи не сохранили благочестивыхъ дѣлній этого Святителя, недолго управ-

явшаго Епархіею Велико-Пермскою; годъ кончины его и мѣсто погребенія также неизвѣстны.—Въ 1525 году 9 Апрѣля посвященъ въ Архипастыря Велико Пермскаго *Алексѣй*, Игуменъ Кириллова монастыря. Особенныхъ подробностей іерархическаго управленія его мы не находимъ въ лѣтонисяхъ; онъ, однакожь, упоминается въ числѣ присутствовавшихъ при посвященіи въ Митрополиты Всероссійскіе *Макарія* (*) (19 Марта 1542 года), на мѣсто сведеннаго боярами Митрополита Іоасафа. Когда онъ скончался и гдѣ погребенъ— неизвѣстно. Послѣ него заступилъ кафедру Устьвымскую *Кипріянь*, Игуменъ Московскаго Богоявленскаго монастыря, хиротонисанный 30 Января 1547 года. Этотъ Владыка Велико-Пермскій знаменитъ и по дѣлательному участию въ духовныхъ дѣлахъ Московской Митрополіи и по ревностному управленію порученною ему Епархіею. Въ первый годъ своего поставленія Кипріянь былъ оставленъ въ Москвѣ, для великаго Соборнаго дѣла: «Въ лѣто 7055 мѣсяца Февраля 26, Преосвященный Макарій Митрополитъ, да со Алексѣемъ Епископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. . . ., да съ Кипріяномъ Епи-

(*) Ист. Гос. Росс. Прихвѣч. 120 къ т. VIII, гл. II.

скономъ Пермскимъ и Вологодскимъ, и съ честными Архимандриты, и съ честными Игумены, со всеѣмъ Священнымъ Соборомъ установили есмя нынѣ праздновати новымъ Чудотворцемъ въ Русской землѣ... имже иебѣ до днесь Соборнаго пѣнія»... (Перечисляются угодики, въ числѣ ихъ въ этоже время установлено было праздновать Павлу Комельскому, Діонисию Глушицкому, иже на Вологдѣ,— Прокопію и Ивану, иже на Устюгѣ)... (*) 23 Февраля 1541 года онъ былъ на Соборѣ слугъ Божіихъ (**), которымъ на прочихъ основаніяхъ утверждались миръ церкви Русской и благо нашего отечества. По управленію Епархіею Кипріанъ отличался неутомимостію и безкорыстіемъ, усердно заботился о духовномъ просвѣщеніи многочисленной паствы, былъ строгимъ блюстителемъ церкви, благочестія поборникомъ и ревнителемъ религіозныхъ обрядовъ, старался о размноженіи храмовъ Божіихъ даже въ отдаленнѣйшихъ ея предѣлахъ. Приводимъ изъ слова въ слово грамоту Кириана на Удору;

(*) Ист. Росс. Госуд. Т. IX: гл. I, примѣч. 87.
Рук. Волоколам. Іосифова Монастыря л. 223—225.

(**) См. Стоглавъ въ Синод. Библ. Т. VIII, глав. III. примѣч. 197.

интересъ ея замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода грамотъ тогдашняго времени мы рѣдко встрѣчаемъ нынѣ.

«Божіею милостію, се язь смиренный Велико-Пермскій и Вологодскій Владыка Кипреянъ пожаловалъ есми Великаго Князя крестьянъ Оедка Никитина Шукина и во всѣхъ крестьянъ мѣсто *Готовскіе* слободки въ волости *Косланъ* что мнѣ челомъ билъ и сказываетъ, что поставили церковь нову и на новѣ мѣстѣ Святаго Пророка Іліи въ нашей Епископіи въ волости *Косланъ* въ *Готовѣ* Слободкѣ на *Мезени*, и прихода де ктой церкви ихъ волости 13 дворовъ; и кого собѣ пока ктой церкви приговорять пѣти, и язь его пожаловалъ и далъ имъ льготы на годъ: не надобе ему *Соборные кунницы*, ни *Петровскіе*, ни кстаростѣ *Поповскому* стяглыми попы нетянути ни во что; каково дѣло кому будетъ до нево, и коево сужу язь Епископъ Кипреянъ или мой Устьвымскій прикащикъ, и какъ та лгота отъидеть годъ и дастъ тотъ попъ въ мою казну оброкомъ згodu на годъ на Р. Х. 5 алтынъ; а приказнику нашему тотъ попъ на тотъ же срокъ на Р. Х. семь денегъ, а заказнику моему дастъ тотъ попъ заѣзда три деньги, а платитъ

ему данъ и пошлѣны тотъ пошъ приказщику нашему Устьвымскому, хто будетъ на Устьвыми нашъ приказщикъ. Писана грамота на Вологдѣ лѣта 1554 Сентября въ 20^ю.

Припись дьяка: По господстову слову Владыки Кипреана Великопермского и Вологодского подписалъ: Владычнъ дѣакъ Дмитрей Костянтиновъ.

Печать Владычня: Божією милостію смиренный Епископъ Кипреянъ Пермскій и Вологодскій.

Кипріянъ умеръ въ Вологдѣ и погребенъ въ Вологодскомъ Каѳедральномъ Соборѣ; по годъ кончины его неизвѣстенъ по лѣтописямъ (*).

Преемникомъ его Іоасафомъ заключается рядъ Епископовъ Велико-Пермскихъ, около 2 вѣковъ занимавшихъ каѳедру Устьвымскую. Годы хиротоніи и смерти Іоасафа неизвѣстны.— Въ 1564 году онъ былъ вызванъ на Соборъ въ

(*) Указаній на годы смерти Епископовъ Велико-Пермскихъ всего ближе искать въ общемъ *Помянникѣ* Архипастырей Вологодскихъ; здѣсь же, думается, можно найти и нѣкоторыя подробности іерархическаго управленія ихъ Епархію.

Москву, на которомъ всѣ Святители Русскіе Соборною грамотою уставили на будущее время носить Митрополитамъ *бѣлые клобуки, съ рясами и съ жерувиномъ* (*). Въ то же самое время Соборъ Епископовъ избралъ новаго Первосвятителя церкви Афанасія, на мѣсто покойнаго Митрополита Макарія. Но сей старецъ, изнуренный тяжкими недугами, чрезъ два года добровольно оставилъ Митрополию. Всѣ Архипастыри, въ томъ числѣ и Пермскій Іоасафъ, опять были призваны въ Москву и по желанію Государя Грознаго, поставили въ Митрополиты добродѣтельнаго Игумена Соловецкаго Монастыря Филиппа (**). Дѣятельный въ дѣлахъ Московской Митрополіи вообще, Іоасафъ былъ неменѣе ревностенъ и въ управленіи Епархіею, ему ввѣренною, часто **П**обозрѣвалъ

(*) Ист. Госуд. Рус. Т. IX гл. I, прим. 94. Продол. Царств. кн. лист. 525.... *Грамота утвержденная обѣломъ клобукъ Митрополигъ... Повелѣхомъ снитися Преосвящ. Архіепископомъ и Епископомъ... и мы съ ними совѣтъ положили, съ своими Богомольцы съ Пиминомъ Архіепископомъ В. Новаграда и Пскова (перечисляются другіе Епископы)... съ Іоасафомъ Епископомъ Пермскимъ и Вологодскимъ.*

(**) Примѣч. 177 къ т. IX, гл. II. Александров. лѣтоп. лист. 1048.

обширные ея предѣлы, вездѣ поучалъ, проповѣдывалъ, назидалъ словомъ Евангельскимъ, строго взыскивалъ за безпорядки церковные, порицалъ невѣжество духовенства, старался о благолѣпії Храмовъ Божіихъ, украшалъ ихъ живописью, возобновлялъ монастыри и пустыни. При немъ прославлены многими чудесами Тотемскіе Чудотворцы, начальники Троицкаго Авнежскаго монастыря Святый Григорій и Кассіанъ (*). Мощи этихъ новоявленныхъ Угодниковъ поручено было Государемъ и Освященнымъ Соборомъ открыть и освидѣтельствовать мѣстному Архипастырю. Іоасафъ свято исполнилъ порученіе, написалъ чудеса Авнежскихъ Чудотворцевъ и послалъ въ Москву. О другихъ іерархическихъ дѣяніяхъ его мы не находимъ свѣдѣній ни въ лѣтописяхъ, ни въ рукописяхъ, равнымъ образомъ не знаемъ, когда именно онъ переведенъ съ Устьями на Вологду, по своему ли желанію или же по волѣ Государя—такъ же неизвѣстно. Въ мѣстныхъ рукописяхъ объ этомъ сказано. «Сей Іоасафъ Епископъ переве-

(*) Этотъ монастырь находился въ древнемъ Княжествѣ Авнежскомъ, близъ р. Сухоны. Основанъ въ книженіи Димитрія Іоанновича Донскаго. Ист. Рос. Іер. Т. III л. 59—65.

день съ Устьвыми изъ Пермской Епископіи на Вологду, и нареченъ Іоасафъ Епископъ Вологодскій и Велико-Пермскій, и оттолѣ Епископы и Архіепископы начаша быти на Вологдѣ и до сего дне: а въ Пермстей странѣ на Устьвыми послѣди того Епископы не быша.... А въ которые годы съ Устьвыми Епископія на Вологду переведена и тогда бысть земли мѣреніе»...

Вкратцѣ расскажемъ послѣдующую судьбу Епархіи Велико-Пермской. До 1676 года она зависѣла отъ Вологодской. Въ этомъ году большая часть ея (*) причислена была къ Вятской, Устьвымъ же оставался *отчиною* Вологодскихъ Архіереевъ. Подъ управленіемъ Епископовъ Вятскихъ Епископія Велико-Пермская состояла только 6 лѣтъ, именно по 1682 годъ, когда учреждена была Епархія Велико-Устюжская, къ которой она и причислена. Въ 1788 году, по закрытію послѣдней, она опять присоединена къ Вологодской. Наконецъ въ 1799 году бывшая Епископія Велико-Пермская возобновлена. подъ именемъ Пермской и Екатеринбургской,

(*) Чѣрдынскіе и Соликамскіе Зыряне, верховья Вычегды со всѣми протоками, Сысола и Луза.

Къ ней отошли Чердынь, Соликамскъ и другіе города собственно Перми Великой; но Печора, Удора, Вычегда, Вишера, Сысолз, Луза и Устьвымъ остались въ Вологодской.

XXXVII.

Нѣсколько словъ о древнѣйшихъ памятникахъ исторической его знаменитости. Современныя археологическія находки. Причины утраты древностей Устьвымскихъ. Описаніе церквей. Древніе образа. Копія съ Нѣмецкихъ надписей, снятыя съ большаго колокола на Устьвымъ. Подстрогные ихъ переводы.

Переходя къ описанію современныхъ достопримѣчательностей Устьвыма, первѣе всего мы должны сказать нѣсколько словъ о древнѣйшихъ памятникахъ исторической его знаменитости. Извѣстно, что въ лучшія эпохи существованія, когда въ этомъ городѣ сосредоточивалась духовная и гражданская администрація Пермскаго края, онъ былъ представителемъ всего, что могли придумать изобрѣтательный умъ и фантазія народа,—и, по справедливости, собиралъ тогда дань удивленія современниковъ

произведеніями искусствъ, рѣзко характеризовавшими художественный вкусъ мѣстныхъ обитателей. . . . Къ сожалѣнію, всеразрушающее время не сохранило вполне эти произведенія народной изобрѣтательности и любопытный изслѣдователь старины глубокой, въ настоящее время, при всѣхъ тщательныхъ розысканіяхъ не можетъ указать здѣсь ни на одинъ предметъ, замѣчательный по достоинству археологическому. Однакожъ, и по слабымъ остаткамъ ихъ, случайно открываемымъ въ нѣдрахъ земли, по чистотѣ отдѣлки и правильности формъ, приблизительно можно судить о цѣломъ созданіи и заключить о степени совершенства, до которой были развиты въ народѣ техника и самое искусство (*). Въ этомъ случаѣ современныя

(*) Въ послѣднее время сдѣланы весьма интересныя находки въ разныхъ мѣстахъ Устьсысольскаго уѣзда при сравненіи съ землею такъ называемыхъ *Чудскихъ могилъ*, а также *валовъ и насыпей* въ городкахъ затинныхъ—*Вотгъ, Ужгъ, Кибръ* и въ др. Находки состояли больше изъ серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей—*стакановъ, ножей, косъ* и пр., и меньше изъ изображеній животныхъ, птицъ, людей, не въ нормальномъ видѣ, а въ миніатюрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что находки сдѣлались бы значительнѣе и повели бы къ важнымъ результатамъ, еслибъ раскапываніе всѣхъ извѣстныхъ валовъ и насыпей производились правильнымъ образомъ, при непосредственномъ участіи Начальства.

археологическія находки, хотя и пострадавшія отъ времени, много говорятъ въ пользу первобытнаго стремленія народа къ искусствамъ,—если только онѣ чисто національныя, а не заимствованныя извнѣ; о послѣднемъ, для насъ темномъ, пунктѣ, предоставляемъ разсуждать опытнымъ археологамъ.—Любознательный читатель, преслѣдуя сказанную нами выше мысль, что Устьвымъ собралъ дань удивленія современниковъ своими достопримѣчательностями, можетъ возразить намъ, если мелкія произведенія искусствъ могли исчезнуть во времени, то куда же скрылись фундаментальные памятники древней знаменитости Устьвыма? Вопросъ этотъ мы не беремъ разрѣшить фактами, и отвѣчаемъ на него лишь догадками, предположеніями: они или разрушены протекшими столѣтіями, или истреблены любопытствомъ и невѣжествомъ людскимъ. Къ уtratѣ ихъ способствовало и самое тревожное состояніе Устьвыма, когда онъ съ XVI вѣка, клонясь видимо къ паденію, переходилъ изъ подъ зависимости одного города къ другому и когда на него имѣли вліяніе то Чердынь и Вологда, то Вятка и Устюгъ; быть можетъ, рѣдкости Устьвымскія перешли въ эти города, и тамъ кончили бытіе свое. Изъ мѣстныхъ рукописей видно, что большая часть

остатковъ ихъ, хранившихся, по упраздненіи Устьвымскаго Архангельскаго монастыря, въ ризницѣ церковной, въ первой половинѣ ХVІІ вѣка, вмѣстѣ съ древними Пермскими рукописями перенесена была изъ Устьвыма на Вологду Архіепископомъ Варламомъ; какая судьба постигла все взятое имъ, неизвѣстно, — и меньшая, послѣ пожара 1740 года (*), въ концѣ ХVІІІ ст., тщательно собранная по распоряженію Губернскаго Начальства, была, какъ говорятъ, представлена Ярославскому и Вологодскому Генераль-Губернатору Мельгунову.

Не смотря на вѣковыя утраты и лишенія, Устьвымъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Настоящія достопримѣчательности его, и безъ притязаній на глубокую давность, живо напоминаютъ о протекшей знаменитости, свидѣлствуютъ древне историческое его значеніе. Вначалѣ нашей статьи мы познакомили уже читателей съ привлекательною мѣстностію Устьвыма. Расположенный на крутомъ нагор-

(*) Этотъ пожаръ истребилъ въ Устьвымѣ церкви и все монастырское имущество; пламя уничтожило тогда много рѣдкостей Устьвымскихъ, хранившихся въ подвалахъ и складахъ церковныхъ.

номъ берегу, при впаденіи Выми въ Вытегру, по множеству строеній, разбросанныхъ на большое пространство, онъ издали приковываетъ вниманіе путешественника,—а великолѣпныя каменные церкви, построенныя на двухъ высокихъ холмахъ, придаютъ ему видъ города.— Оставляя въ сторонѣ наружныя красоты Устьямы, которыя войдутъ въ статистическій его очеркъ, здѣсь мы познакомимъ читателя собственно съ его достопримѣчательностями. Первыми изъ нихъ должны быть мѣста святыни.

Каменныхъ церквей въ Устьямѣ 4, и при нихъ двѣ колокольни. Древнѣйшая изъ церквей—*Вознесенская*, начатая строеніемъ въ 1712 г. на мѣсто деревянной *Николаевской*, по грамотѣ Архіепископа Устюгскаго Іосифа, Сибирскимъ Генераль-Губернаторомъ Княземъ Гагаринымъ. Церковь эта двухъ-этажная; верхній престоль-во имя *Вознесенія Господня*, а нижній-во имя *Святителя Николая*. Вверху замѣчательны *Царскія врата* превосходной Китайской работы, наборныя разноцвѣтной фольги, покрытой прозрачною слюдой съ накладными оловянными рѣзными иконами и такими же цвѣтами. Древнихъ иконъ въ ней двѣ: Св. Стефана Великопермскаго и трехъ Святителей Устьямскихъ—Герасима, Питирима и Іоны.

До упраздненія Устьвымскаго Архангельскаго монастыря, церковь эта была соборною монастырскою; вокругъ нея находились келіи братій, нынѣ уже разрушившіяся. По правую сторону, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Вознесенской, находится другая церковь во имя *Архангела Михаила*, построенная на мѣстѣ прежней деревянной тогоже имени въ 1786 г. При этой церкви жили Епископы Пермскіе, и она называлась домовою. Когда кафедра Устьвымскихъ Архіереевъ переведена была на Вологду, Архангельскій монастырь сталъ именоваться пустынею; начальство въ ней было то Игуменское, то Строительское. Въ 1740 г. по описи значились въ ней двѣ церкви съ тремя престолами, братіи со строителемъ 9 человекъ, крестьянскихъ приписныхъ дворовъ два, людей монастырскихъ 13 человекъ, земли пахотной на 6 четвертей, сѣнокосной на 2,340 копень. По преданіямъ извѣстно, что первоначально церковь Архангельская была основана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась *прокудливая бѣрега*, которую сокрушилъ Св. Стефанъ въ началѣ своея проповѣди. При построеніи каменной церкви, когда начали разбирать ветхую деревянную, дѣйствительно нашли подъ престоломъ ея согнившій пень большаго дерева. Обѣ церкви

Вознесенская и Архангельская стоятъ на высокомъ холмѣ, который отдѣляется отъ близъ лежащаго рвомъ и ручейкомъ, соединяющимся съ Вымыю. Отъ этихъ церквей, саженьхъ въ 50, на другомъ высокомъ холмѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ валомъ и ручьемъ, находятся другія двѣ каменные церкви—*Благовѣщенская*, бывшая кафедральною іерарховъ Велико-Пермскихъ, построена ея въ 12 лѣтъ, съ 1734 по 1746, въ 1749 г. къ ней прикладень придѣлъ во имя всѣхъ Святыхъ; въ которомъ покоятся подъ спудомъ, въ общей гробницѣ, мощи Св. Угодниковъ Устьвымскихъ Герасима, Питирима и Юны. Въ ней мѣстная икона Благовѣщенія Пресв. Богородицы, написанная въ большемъ размѣрѣ, можетъ назваться древнѣйшею по живописи изъ всѣхъ иконъ Устьвымскихъ. Икона на гробницѣ Святителей Устьвымскихъ также письма древняго. Подмѣ Благовѣщенской находится церковь *Стефановская*, построенная на мѣстѣ прежней деревянной тогоже имени, въ 1759 г., по грамотѣ Архіепископа Вологодскаго Маркелла. Въ ней замѣчательнъ по древнему письму, въ Византійскомъ штилѣ, образъ Воскресенія Христова, мѣстная икона Святителя Стефана тоже древней живописи.

За валомъ и ручьемъ, къ западу отъ этихъ

церквей, стоитъ отдѣльно каменная соборная колокольня. На ней примѣчательнъ колоколъ, самый большій, литый въ Гейдельбергъ въ 1628 г., съ Голландско — Нѣмецкими надписями. На верху колокола надпись въ одной сторонѣ:

NICKLAUS NOLD SCHVLTHES IN ZEITERN—
ANDEREAS MAYER PFARHER ZV DER ZEITD.
1628.

Въ срединѣ между отлитыми изображеніями страстей Христовыхъ и распятыхъ двою - разбойниковъ, съ предстоящими Матеріею Господа и любимымъ его ученикомъ Іоанномъ Богословомъ, находится надпись въ двухъ строкахъ:

IACOB: ZANOT: VON: MERLE: LANDT:
FAVT: IHM: BRVRHAIN:

Внизу креста изображенъ человекъ, безъ надписи, обнимающій колѣна распятаго Господа.

Нижняя на колоколѣ надпись:

SANDT MARTINNUS GLOCK HEIS ICH DIE
GROSSE WETTER SCHEIDT ICH IN GOTTES
NAM BIN ICH AUS DEM FEIR GEFLOSSEN
MARTIN SCHMANE VON CVSTRIN HAT MICH
GEGOSSEN IN GEIDELBERG IM IAR 1628.

Въ первый разъ копіи съ этихъ надписей сняты Устюжскимъ Штабъ-Лекаремъ Фризомъ въ 1793 году, и отправлены имъ въ Академію Наукъ, съ подстрочнымъ переводомъ. Но буквальный переводъ надписей, особенно послѣдней, сдѣланный Фризомъ, неудовлетворителенъ и во многихъ мѣстахъ противорѣчитъ смыслу подлинника. Съ переводомъ первой надписи Фриза мы согласны; онъ переводитъ ее.

Николай Нольдъ Градоначальникъ,
Андрей Майеръ Помощникъ.

Среднюю онъ объяснить такъ:

Яковъ Цантъ Областный Губернаторъ
въ Мерль Брургаймъ.

Здѣсь Фризь видимо отступаетъ отъ подлинника, котораго точный переводъ будетъ:

Яковъ Цандтъ ~~Мерльскій~~ (родомъ изъ
Мерля) Областный Губернаторъ въ
Бруренъ.

Смыслъ послѣдней надписи совершенно искаженъ въ переводѣ Фриза. Она переведена имъ:

Мартинъ Шамане изъ Кистрина лилъ
меня въ городъ Гсйдельбергъ 1628
года, по названію моего мастера, на-
зываюсь и я Мартиномъ.

*Глухихъ крестьянъ къ церкви бужу,
(этихъ словъ вовсе нѣтъ въ подлинни-
кѣ) съ помощію Божіею громъ разшибу.*

Настоящій смыслъ этой надписи, по наше-
му мнѣнію, долженъ быть таковъ.

Св. Мартина колоколомъ называ-
юсь я; бурю заглушаю я; во имя
Бога вытекъ я изъ огня; Мартинъ
Шмакъ изъ Кистрина лилъ меня въ
Гейделбергъ, въ 1628 году (*).

Вѣроятно, въ подлинникѣ, въ словѣ SANDT
ошибка; правильнѣе слѣдуетъ читать—SANCT,
т. е. sanctus—святый.

(* По мнѣнію Редакціи точный переводъ этихъ
словъ нѣсколько разнится отъ перевода, представлен-
наго Г. Михайловымъ, и долженъ быть:

Николай Нольдъ, начальникъ во время Андрея
Майера священника, въ 1628 году,

Яковъ Зандтъ Фонъ Мерле, областной начальникъ
въ Брургеймъ.

Святаго Мартина колоколомъ называюсь я, грозу
разгоняю во имя Бога вытекъ я изъ огня, Мар-
тинъ Шмане Кюстринскій вылилъ меня въ Гейдель-
бергъ въ 1628 году.

XXXVIII.

Мощи Св. Іерарховъ Устьвымскихъ. Время обрѣтенія ихъ. Выписки изъ лѣтняго Лѣтописца. Мѣсяцы и числа празднованій имъ. Общая рака Угодниковъ. Икона надгробная. Надписи на ней. Деревянный запрестольный крестъ отъ созданія церкви во имя Святителей Устьвымскихъ. Надписи на немъ. Остатки древностей Устьвымскихъ. Деревянный служебный сосудъ. Схи́ма. Пищаль седмицденная.

Важнѣйшею изъ современныхъ достопримѣчательностей Устьвыма и вмѣстѣ знаменитѣйшимъ памятникомъ протекшихъ столѣтій,—памятникомъ драгоценнымъ и вѣчно нетлѣннымъ, безъ сомнѣнія, должно назвать чудотворныя мощи Св. Іерарховъ Пермскихъ Герасима, Пятимера и Іоны, почивающія подъ спудомъ въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Обрѣтеніе ихъ, по смыслу мѣстныхъ рукописей, должно отнести къ концу XV или же къ началу XVI вѣка, когда старожилы живо помнили подвижническое земное житіе Архипастырей, исполненное святости и благочестія, знали всѣ подробности іерархическаго управленія ихъ Епархіею Пермскою, съ благоговѣніемъ рассказывали молодому поколѣнію назидательную

повѣсть ихъ святыхъ дѣяній и внушали ему уваженіе и почтеніе, которыя сами питали къ Святителямъ. Тѣземный лѣтописецъ, хотя не указываетъ положительно на время, съ котораго они начали бытъ почитаемы, но говорить между прочимъ объ этомъ такъ: «... И надъ нихъ (Св: чудотворными мощами, по ихъ «кончинахъ, вскорѣ устроена бысть Св. церковь во имя ихъ великихъ Святителей: Герасима, Питирима и Іоны Епископовъ, Устьвымскихъ Чудотворцевъ и Св. икона написана. И по множеству чудесъ и различнымъ исцѣленіямъ начаша многи люди стекатися отъ различныхъ мѣстъ и молитися, въ различныхъ скорбѣхъ исцѣленія пріемлюще»... Основываясь на этихъ словахъ лѣтописца, мы вправѣ сказать, что честныя мощи Св. Герасима, Питирима и Іоны обрѣтены въ концѣ XV или же въ началѣ XVI вѣка. Но ни у современныхъ лѣтописцевъ, ни даже у мѣстнаго не находимъ указаній на обстоятельства, какими сопровождалось ихъ прославленіе выше. Первые опустили ихъ въ своихъ сказаніяхъ потому, что слава Устьвымскихъ угодниковъ, ограничивавшаяся тою мѣстностію, гдѣ они при жизни дѣйствовали, не доходила до ихъ слуха и что, быть можетъ, чудеса новоявленныхъ Святителей, не обнародованныя во всеобщее

свѣдѣніе, не имѣли повсемѣстной гласности, а извѣстны были единственно въ предѣлахъ Великопермскихъ, почему и самое почитаніе ихъ исключительно принадлежало и принадлежитъ до нынѣ одному краю Зырянскому. *Послѣдній* же, вѣроятно, считалъ эти обстоятельства общественными и, слѣдовательно, излишними въ рукописи; онъ записалъ только мѣсяцы и числа, въ которые церковь установила праздновать память Іерарховъ Устьвымскихъ.

«Мѣсяца Генваря въ 24 день, празднуемъ память иже во Св. Отца нашего Герасима, Устьвыми Чудотворца. Въ той бо день удушенъ бысть Св. Герасимъ отъ своихъ домочадець».

«Мѣсяца Іюнія въ 6 день, празднуемъ преставленіе иже во Св. Отца нашего Іоны, Епископа, Устьвымскаго Чудотворца. Въ той бо день преставися Св. Іона».

«Мѣсяца Августа въ 19 день, празднуемъ убіеніе Св. Священномученика Питирима, Епископа Устьвымскаго Чудотворца. Въ той бо день убіенъ бысть Св. Питиримъ отъ поганыхъ Вогуличъ, Вятчанъ».

Св. Мощи Іерарховъ покоятся за амвономъ,

прямо Царскихъ вратъ, въ придѣлѣ всѣхъ Святыхъ, пристроенномъ въ 1749 г. къ Благовѣщенской церкви. Общая рака, надъ ними поставленная, деревянная, отличной рѣзной работы, имѣетъ видъ трехъ вмѣстѣ соединенныхъ гробницъ, лежащихъ на одной тумбѣ, украшенной блестящею мелкою рѣзбою. Надъ нею обширный балдахинъ, поддерживаемый четырьмя колоннами; рака посеребрена, а прочее все вызолочено по полименту. На верху балдахина, который состоитъ изъ большого размѣра опрокинутой чаши, сѣвненой свѣтлымъ облакомъ, поставлены: въ срединѣ покрытая священ. покровомъ дароносица, а по сторонамъ ея— Св. Крестъ, Евангеліе, Епископскіе митра и жезлъ. Въ рукахъ рѣзныхъ Ангеловъ, сѣдящихъ надъ колоннами, находятся эмблемы святительскаго достоинства: у одного—дикирій, у другаго—трикирій; на противоположной сторонѣ у одного—омофоръ, у другаго—орлець. Между карнизами, на внешней сторонѣ балдахина, надпись: *Се скинія Божія съ челоуьки. Апокал. гл. 2 ст. 3.; на внутренней: Хранить Господь здѣ кости праведныхъ, и ни едина отъ нихъ сокрушится. Псал. 33 ст. 21. Яко Богъ искуси ихъ и обрѣте себѣ достойны. Прем. Солом. гл. 3 ст. 5.* Внутри чаши, въ соразмѣрномъ простран-

ству сіяніи, парить голубь; въ свѣтлоголубомъ небѣ ея блещать разной величины звѣзды, а края карнизовъ устьяны разными херувимами. Икона надгробничная изображаетъ во весь ростъ Св. Герасима, Питирима и Іону, рядомъ почивающихъ. Изъ надписи можно предполагать, что она пожертвована на Устьвымъ Царемъ Васи́лемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ; писалъ ее, какъ видно изъ той же надписи, Архіепископъ Вологодскій Іоасафъ, въ 1607 г. Вотъ точная копія съ надписи.

«Лѣта 7115 (1607) году мѣсяца Іюля въ 8 день, при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Васи́лѣ Іоанновичѣ всея Россіи Самодержцѣ при Святѣйшемъ Ермогенѣ, Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, написанъ бысть сій Св. образъ тріехъ Святителей: Герасима, Питирима и Іоны, въ славу Св. Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, и повелѣніемъ ихъ смиреннымъ Господиномъ Архіепископомъ Іоасафомъ Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ; и положенъ бысть сій образъ на гробницѣхъ ихъ Чудотворцевъ: Герасима, Питирима и Іоны, во славу Троицы, Отца и Сына и Св. Духа; Аминь.»

Въ 1763 г. «приходскіе Устьвымскіе люди»

построили новую, на мѣсто ветхой деревянной, церковь во имя Чудотворцевъ Герасима, Питирима и Іоны. До сихъ поръ сохранился деревянный запрестольный крестъ отъ этой церкви, съ слѣдующею надписью:

«Освятися Алтарь Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа и водруженъ бысть крестъ сій св. въ церкви иже во Св. Отецъ нашихъ Герасима, Питирима и Іоны, Устьвымскихъ и Великопермскихъ Чудотворцевъ.

Лѣта 7181 (1673) году мѣсяца Іюня въ 5 день, при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексіѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣ и при Архіепископѣ Симоѣ Вологодскомъ и Великопермскомъ»

Въ ризницѣ Устьвымскихъ церквей нынѣ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго по древности, ни изъ одеждъ церковныхъ (*), ни изъ

(*) Древнія служебныя одежды, по упраздненіи Епархіи Велико-Пермской, вѣроятно, перенесены были съ Устьвыми на Вологду; быть можетъ онѣ хранятся въ ризницѣ Епископовъ Вологодскихъ. Въ Сольвычегодскомъ Соборѣ донинѣ хранятся, какъ святыня, *Саккосъ* Святителя Стефана, какъ надобно догадываться прибрѣтенный именитыми людьми Строгановыми.

утвари, ни изъ книгъ служебныхъ, ни онеже, — какъ сказано въ мѣстныхъ рукописяхъ, — «на Устьвыми величїи пожары на Св. церкви по часту быша, и многія церковныя погорѣли». Въ одной только Архангельской церкви, при коей существовалъ монастырь, хранятся незначительныя остатки древностей монастырскихъ, которые въ настоящее время могутъ назваться рѣдкостями Устьвынскими, это *деревянный служебный сосудъ, остьхая китайчатая схи-ма и семипяденная пицаль*, вѣроятно, употреблявшаяся для обороны монастыря отъ нападений Вогудичей.

М. Михайловъ:

